

Александр Раков

Голубое пламя: Пробуждение

Александр Раков

Голубое пламя: Пробуждение

«Автор»

2026

Раков А. А.

Голубое пламя: Пробуждение / А. А. Раков — «Автор», 2026

Он очнулся в незнакомом лесу. Без имени. Без прошлого. Без единого воспоминания. Только три медные монеты в кармане, два флакона с мутной жидкостью — и странное чувство, что нельзя сидеть на месте. Чтобы вспомнить прошлое, он становится авантюристом. Чтобы узнать себя — соглашается на первое же задание: доставить оружие в город Грок-харт над которым сгущаются тучи. Но дорога полна опасностей. Мир готовится к войне что затронет всех. ему предстоит ответить на главный вопрос: Кто он на самом деле? Тёмное фэнтези о потере памяти, цене силы и людях, которые готовы идти за тобой в ад, в ответ на туже преданность.

© Раков А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	37
Глава 4	46
Глава 5	52
Глава 6	60

Александр Раков

Голубое пламя: Пробуждение

пролог

Сознание возвращалось к путнику медленно, будто пробиваясь сквозь вязкий туман.

Сперва он ощутил тепло — оно окутывало, дарило покой, словно кто то заботливо укрыл его невидимым одеялом. Затем пришла сухость во рту, колючая и неприятная, — он невольно облизал губы, но это не помогло.

Где то на краю восприятия зазвучали неясные отголоски — будто далёкий шёпот мира, пробуждающегося раньше него. Звуки постепенно обретали чёткость: шёпот превратился в нежное пение птиц, к нему примешался лёгкий шелест ветра.

Внезапно острая боль пронзила голову, заставив вздрогнуть. Он открыл глаза — и тут же зажмурился: яркий солнечный свет ударил в лицо, ослепляя.

Несколько мгновений он лежал неподвижно, моргая и пытаясь привыкнуть к свету, будто всё ещё надеялся вернуться в тот тёплый, туманный сон. Он попытался подняться. Тело не слушалось: мышцы, затекшие после долгого сна, отказывались работать. Он несколько раз оступился, едва не падая, и лишь с третьей попытки выпрямился, опираясь на ствол дерева. Рука соскользнула по коре, но он успел схватиться за ветку. Немного постояв и сладко потянувшись, он ощутил, как по телу разливается приятная лёгкость.

Сонливость растаяла, будто её сдуло утренним ветром. Глаза быстро привыкли к яркому свету, и его взору открылось бескрайнее поле, усыпанное росой, — оно простиралось до самого горизонта. Воздух пахнул свежестью. Где то вдалеке прокричала птица, а лёгкий ветерок шевелил верхушки трав. Взгляд путника стал беспокойным, а в груди возникло неприятное ощущение пустоты.

Мысли заматались, и в сознании всплыл первый тревожный вопрос:

— Где я? — прошептал он, озираясь. — Это место мне незнакомо. Стоп. А кто я?

Он зажмурился, пытаясь выхватить из темноты хоть одно лицо, имя, голос. Ничего. Только пустота, которая начинала пугать сильнее, чем незнакомый лес.

Ответы на волнующие его вопросы он принялся искать в себе — точнее, с одежды и сумке висевшей на поясе. Он аккуратно осмотрел кожаные ботинки: кожа потрескалась на носке, но ещё держала форму. Он задумчиво постучал пальцем по подошве, будто ожидал, что это поможет вспомнить что-то важное. Но так нечего не вспомнив решил осмотреть другие вещи.

Льняная рубашка и брюки были изрядно поношенными: потёртости на локтях и коленях, тёмные пятна грязи на штанинах. Он провёл рукой по ткани, пытаясь восстановить в памяти, где и когда испачкался.

На поясе висела небольшая кожаная сумка. Он уселся на траву под тенью дерева расстегнул её, и начал выкладывать содержимое сумки: пара медных монет, два стеклянных флакона с мутноватой жидкостью и немного сушёного хлеба, твёрдого на ощупь. Один флакон чуть липкий на ощупь — будто протёк. Путник поднёс его к носу, принюхался, но запах не вызвал никаких воспоминаний.

— Судя по всему, я не богат, но и бедным меня не назовёшь, — пробормотал он, перебирая монеты в ладони. Они приятно холодили кожу, но не давали никаких подсказок.

— В сумке нет ничего, что могло бы подсказать, кто я такой, Жаль.

Он огляделся по сторонам, стараясь не поддаваться плохому настроению. Пейзаж казался совершенно чужим, но путник не стал полагаться на случай: он привычно оценил местность, выискивая приметы, которые могли бы пригодиться.

Его внимание привлекла тропа, протоптанная с краю поля. Она выглядела узкой и извилистой, будто ею редко пользовались.

— Если пойду по тропе, выйду к поселению или хотя бы к водоёму, — произнёс он твёрдо, аккуратно складывая монеты обратно в потрёпанную сумку.

При этом одна монета выскользнула и покатилась по земле. Он не растерялся: быстро присел, ловко подцепил её пальцами и тут же поднялся, не теряя темпа.

Путник ступил в широкое поле, навстречу свежему утреннему ветру, и зашагал к едва заметной тропе. На душе у него становилось светлее и спокойнее — будто сама природа шептала, что всё будет хорошо.

Пробираясь вперёд, он изредка замечал порхающих бабочек и слышал стрекотание кузнечиков.

Тропа то исчезала в высокой траве, то вновь проступала, но он не сбивался: по наклону стеблей и примятой зелени безошибочно угадывал верное направление.

Постепенно поле сменилось густым лесом. Тёмная стена деревьев встала перед путником — сосны, дубы, берёзы слились в единый массив, едва пропускающий солнечный свет. В воздухе витал терпкий запах хвои и влажной земли. Где-то вдалеке стучал дятел, а над кронами проносились птицы — ласточка, ястреб.

Путник на мгновение замирал, провожая их взглядом, но тут же возвращался к делу: он знал, что в пути нельзя терять бдительность. Он уверенно сворачивал с тропы, чтобы собрать припасы: крепкие подосиновики срезал аккуратным движением острого конца камня запри- меченного по дороге, прятал в сумку, а горсть спелой земляники аккуратно снимал, не сминая ягод. Он безошибочно отличал съедобные растения от ядовитых, а грибы — по форме шляпки и цвету ножки.

Эти знания не тянулись из глубин памяти — они жили в пальцах, в привычке, в уверенном взгляде, которым он скользил по подлеску. Лес стоял густой и таинственный. Тени между деревьями казались глубокими, тишина порой сгущалась почти ощутимо — но её нарушали лишь шелест листвы да птичьи голоса.

Он остановился посреди тропы. Сердце бешено заколотилось.

- А если я никогда ничего не вспомню? - Мысль пришла сама собой и тут же исчезла, сметённая внутренней дисциплиной. Он резко тряхнул головой, отгоняя страх, и сделал шаг вперёд — с осторожностью, выбирая место, куда поставить ногу, чтобы не застрять или споткнуться.

Он шёл, изредка останавливаясь, чтобы прислушаться: далёкий крик птицы, журчание ручья справа, скрип старого дерева. Трогал кору — шершавую у сосны, гладкую у берёзы, — проверяя, не прячется ли под ней мох.

И, убедившись, что путь безопасен, снова двигался вперёд — спокойно, расчётливо, без суеты.

Глава 1

Когда солнце склонилось к закату, он наконец вышел из леса, стряхнул налипшую грязь с одежды и внимательно осмотрелся в поисках убежища. Вдали, за изгибом реки, возвышались массивные каменные стены небольшого города. Он был невелик — его можно было пройти от стены до стены не более чем за два часа неспешным шагом. В центре, над черепичными крышами скромных домиков, гордо высилась старинная башня с узкими стрельчатыми окнами. Её тёмный силуэт чётко выделялся на фоне алого закатного неба. Ворота города гостеприимно стояли открытыми, маня путника обещанием отдыха и безопасности.

— Ну наконец-то есть где остановиться, — с облегчением выдохнул он, и плечи его невольно расправились.

После долгого пути ноги гудели от усталости, в коленях ощущалась тупая боль, а дыхание, ещё недавно ровное, стало прерывистым и тяжёлым. Он сделал глубокий вдох, пытаясь восстановить ритм, и на мгновение замер, наслаждаясь прохладой вечернего воздуха.

Пройти до города не составило ему особого труда. Тропа, петляющая между деревьями, плавно вывела его к широкой дороге, вымощенной булыжником. По мере приближения к воротам он начал различать детали: часовых на стенах, дым, поднимающийся из труб домов, далёкие голоса горожан.

Он уже сделал шаг к воротам, как вдруг замер на месте, словно наткнувшись на невидимую преграду. Сердце бешено застучало, в висках запульсировала кровь, а перед глазами всё поплыло.

«Кто я? — пронеслось в голове, и от этой мысли по спине пробежал ледяной озноб. — Где я? Куда иду?..»

Он судорожно схватился за голову, пытаясь ухватить ускользающие обрывки воспоминаний, но они таяли, будто дым на ветру. Ладони вспотели, дыхание участилось до такой степени, что стало трудно вдохнуть. Мир вокруг вдруг показался чужим и враждебным: река, город, даже собственное тело — всё будто принадлежало кому-то другому.

Несколько долгих секунд он стоял неподвижно, растерянно озираясь по сторонам. Страх сковал мышцы, колени слегка дрожали. Он сжал кулаки, до боли впиваясь ногтями в ладони, — острая боль помогла немного прийти в себя.

Глубоко вдохнув, он медленно выдохнул, стараясь сосредоточиться на знакомых деталях: на тепле закатного солнца, на шелесте листвы, на булыжниках под ногами. Постепенно дыхание выравнивалось, а паника отступила, оставив после себя лишь лёгкую дрожь и смутное ощущение тревоги.

Собравшись с силами, он выпрямился и вновь двинулся к воротам, теперь уже чуть медленнее, будто проверяя, не вернётся ли пугающая пустота в сознании.

— Ладно, — тихо произнёс он, скорее для себя, чем для кого-то ещё. — Просто... просто нужно дойти до города. Там разберусь.

Перед самыми воротами путь преградили двое стражников — крепкие, настороженные, в начищенных до тусклого блеска доспехах. Их фигуры чётко вырисовывались на фоне закатного неба, а тени ложились длинными полосами на дорогу.

— Кто таков? — не резко, но твёрдо бросил один, слегка вскидывая копье. Железный наконечник блеснул на солнце, древко из твёрдого дерева легло на плечо. Доспехи стражника были потёрты в бою, кое-где проглядывали царапины и следы ударов, но всё было аккуратно подогнано и явно регулярно чистилось. Второй стражник стоял чуть позади, положив руку на рукоять меча, и внимательно наблюдал за путником.

Путешественник замер. «Что же делать? — лихорадочно размышлял он. — Если я скажу правду — что не помню, кто я и откуда, — мне не поверят. Решат, что я безумен или что-то замышляю. И тогда точно не впустят...»

Он на мгновение опустил взгляд, уставившись на булыжники под ногами, и сглотнул. Слова будто застряли в горле, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Но вместо того чтобы просто ждать милости стражников, он заставил себя поднять голову и посмотреть прямо на старшего из них — пусть и не в глаза, а чуть ниже, на линию подбородка.

— Я путешествую по миру в поисках знаний... зовут меня Мартен — произнёс он наконец, стараясь придать голосу уверенность. Голос чуть дрогнул на первых слогах, но Мартен усилием воли удержал интонацию ровной. — Иду в город, чтобы найти ночлег и пополнить припасы.

Стражники переглянулись. Тот, что стоял позади, скрестил руки на груди и молча наблюдал. Первый шагнул ближе, вглядываясь в лицо путника, словно пытаясь прочесть его мысли. Его взгляд скользнул по потрёпанной одежде, задержался на потёртой сумке, затем поднялся к глазам незнакомца.

Мартен не отвёл взгляд, хотя внутри всё сжималось от напряжения. Он не стал умолять и рассыпаться в благодарностях — просто стоял, давая стражнику возможность рассмотреть его и сделать собственные выводы.

— Оружие при себе есть? — уже чуть мягче спросил стражник.

— Нет, — покачал головой путешественник, сохраняя спокойный тон. — Ничего опасного.

— Покажи содержимое сумки.

Сердце на мгновение сжалось, но он спокойно протянул сумку. Стражник быстро, но внимательно проверил вещи — три медные монеты, флаконы с какими-то жидкостями, сушёный хлеб, несколько подосиновиков и горсть спелой земляники — и закрыл её.

— Ладно, можешь проходить, — стражник протянул кожаную сумку обратно путнику. — Однако за вход в город полагается заплатить десять медных монет, а у тебя всего три.

Путешественник опустил взгляд на свои скудные сбережения и тяжело вздохнул. Стражник заметил это и слегка смягчился.

— Слушай, парень, — продолжил он уже почти по-дружески. — У меня есть долг перед начальником Торвином. Если я приведу хоть одного человека на задание — мне спишут половину. Ты идёшь со мной, отработываешь вход, и мы квиты. Откажешься — ночуешь за воротами. Но я не зверь какой, так что дам тебе несколько полезных советов.

Он понизил голос и сделал шаг ближе, словно делясь секретом, а второй стражник чуть заметно кивнул, подтверждая слова товарища:

— В городе будь осторожен. Держись главных улиц до темноты, не лезь в нижние кварталы — там свои правила. И если кто предложит «лёгкие деньги» — сразу отказывайся. Понял?

Мартен кивнул, чувствуя, как в груди зарождается смесь тревоги и надежды. Впервые за долгое время у него появился шанс обрести хоть какую-то опору в этом незнакомом мире. Но он не собирался полагаться только на чужую доброту.

— Спасибо за советы, — твёрдо сказал Мартен, чуть наклонив голову в знак уважения, но без подобострастия. — Я постараюсь не подвести.

К тому же, перед тем как искать ночлег, загляни на рынок — он ещё часа два будет работать. Там есть один мой старый знакомый, опытный торговец. Если скажешь, что пришёл от Карина, сможешь продать свои грибы по нормальной цене: он в этом деле профессионал, можешь ему довериться.

— Благодарю, — снова кивнул Мартен, уже продумывая в голове порядок действий: сначала продать грибы, потом найти ночлег, а дальше — смотреть по обстоятельствам.

— И ещё, — добавил стражник, уже разворачиваясь, чтобы идти. — Утром зарегистрируйся авантюристом или торговцем. Думаю, лучше авантюристом. Новички с профессией аван-

тюриста платят три монеты, а торговцы и опытные авантюристы вообще не платят за проход. Так что это ещё и выгодно.

— Хорошо, так и сделаю, — кивнул путешественник.

— Ну тогда пошли, — махнул рукой стражник. — Задание нехитрое, но полезное. Покажу, что нужно сделать, и считай, что ты уже в городе и с крышей над головой.

Путник ещё раз поблагодарил стражника и последовал за ним, чувствуя, как напряжение последних часов понемногу отпускает. Но в голове уже складывался собственный план: не просто отработать вход, а присмотреться к городу, к людям, к порядкам — и найти своё место.

— Только учти: если зарегистрируешься, придётся выполнять задания авантюриста раз в неделю или продавать товаров на сумму до трёх серебряных монет за ту же неделю. Это обязательное условие для новичков, которые не хотят платить лишние деньги, — предупредил Карин.

— Понял, спасибо, — искренне поблагодарил путник, но теперь в его благодарности звучало не столько облегчение, сколько решимость.

После разговора стражник повёл его через ворота на главную дорогу, а затем они свернули налево — к деревянному сооружению, стоявшему почти вплотную к крепостной стене. Второй стражник остался на посту.

На крыльце наблюдательного поста, облокотившись на перила и куря сигару, сидел человек пожилого возраста в лёгких доспехах, с сумкой на плече. Карин остановил путника жестом, давая понять, что дальше пойдёт один, и направился к старику.

Заметив приближавшегося стражника, старик перестал курить, затушил сигару о перила и встал во весь рост. Хоть он и был стар, было ясно: среди троих, что сейчас стояли здесь, силы и опыта больше всего у него.

Карин поднялся по ступенькам и встал напротив старика.

— Здрав будь, Торвин, — обратился стражник к старику, протягивая ладонь.

— И тебе не хворать, Карин, — ответил тот, пожимая руку. — Ещё одного хочешь записать на отработку?

— Всё верно, Торвин.

— Ты уверен, что готов поручиться за него? Ты видишь этого паренька в первый раз и хочешь взять его с собой, чтобы тот отработал долг за вход? — Торвин прищурился, внимательно разглядывая путника издалека. Его взгляд был тяжёлым, изучающим, словно он пытался разглядеть в незнакомце скрытые намерения.

— Уверен. Я чувствую, что поступаю верно. Не могу представить, что пришлось бы ему делать за чертой города ночью в такие времена, — твёрдо ответил Карин.

Ответ Карина не обрадовал Торвина. Он медленно покачал головой, постучал пальцами по перилам и вздохнул:

— Уверен он... Ага, как же. Чувствует он... Ты мне вот что: прекрати. Ты вроде бы то же самое и про предыдущего говорил, припоминаешь? Тот тоже «надёжным» казался, а потом сбежал с товаром купца Эльмара. Мне потом полгода разбирательств.

Лицо Карина изменилось — в нём появилась усталость.

— Ну сколько раз мне нужно повторять, что мне жаль за то, что произошло тогда? И не надо мне каждый раз напоминать об этом, не сыпь соль на раны.

Торвин помолчал, задумчиво потерев бороду, потом резко поднял взгляд на Карина:

— Ладно, так уж и быть, запишу. Но учти: это последний раз. Я делаю тебе одолжение. Если этот юноша не вернёт долг, спишу с тебя тройную сумму. А если ещё кого так же проведёшь в город и покинешь пост без особой на то необходимости, я вообще тебя понижу до дворника. Я понятно изъясняюсь?

— Понятно, — тихо ответил Карин.

— И ещё одно условие, — добавил Торвин, понизив голос. — Ты будешь следить за ним в оба. Лично. Каждую неделю проверять, выполняет ли он свои обязательства. Если узнаю, что он бездельничает или обманывает — отвечать будешь ты. Понял?

— Понял, — кивнул Карин, стараясь не выдать раздражения.

Спустя некоторое время стражник вернулся к путнику.

— Тебя как зовут? — спросил Карин, внимательно глядя на незнакомца.

— Меня зовут Мартен, — прозвучало словно само собой; имя будто всплыло из глубин памяти, едва касаясь сознания.

— Слушай, Мартен, я договорился: ты можешь ходить по городу свободно, но не забывай про свой долг. Время позднее — давай я тебя провожу до нужного места. Рынок ещё работает, успеешь продать грибы и ягоды, как я и советовал. А потом — прямиком на постоянный двор «Радость путнику».

Мартен кивнул, но в его взгляде уже не было прежней растерянности.

— Спасибо, Карин. Без тебя я бы точно растерялся. Но дальше я сам справлюсь. Покажешь дорогу до рынка, а там я уже сориентируюсь.

Карин чуть приподнял бровь, но сдержал улыбку.

— Вот это мне нравится. Не просто киваешь и благодаришь, а говоришь, что будешь действовать сам. Ладно, идём. Покажу дорогу.

Они двинулись по мощёной улице, огибая редких поздних прохожих. Город жил своей вечерней жизнью: где-то звенел смех, из трактиров доносились запахи жареного мяса и свежего хлеба, а в окнах домов загорались тёплые огни.

Вскоре они вышли на рыночную площадь. Несмотря на закат, здесь ещё кипела жизнь: торговцы сворачивали прилавки, но многие оставались, рассчитывая на поздних покупателей. Карин подвёл Мартена к крепкому мужчине с седыми висками, склонившемуся над корзиной с овощами.

— Эй, Торен! — окликнул стражник.

Торговец поднял голову, прищурился, узнал Карина и расплылся в улыбке:

— Карин! Давненько не виделись. Что за юный спутник с тобой?

— Это Мартен. Он пришёл от меня — собрал в лесу грибы да ягоды. Помоги парню сбыть товар по честной цене. И будь добр, если заметишь что-то странное в его поведении, дай мне знать. Торвин будет проверять его каждую неделю, но и нам с тобой не помешает присмотреть.

— Разумеется, — серьёзно кивнул Торен, окинув Мартена внимательным взглядом. — Не волнуйся, Карин. Сделаю всё как надо.

— Благодарю вас обоих. Я постараюсь оправдать доверие, — произнёс Мартен, глядя прямо на Торена, а не в землю, как раньше.

— Вот и славно, — хлопнул его по плечу Карин. — А теперь договаривайся с Тореном, а я пока проверю пост. Завтра встретимся — расскажу, какое задание тебе предстоит выполнить.

Торен окинул Мартена оценивающим взглядом, задержался на потрёпанной сумке, затем кивнул:

Мартен на мгновение замер, но тут же расправил плечи — в груди шевельнулось упрямое чувство: раз уж он сам собирал эти грибы и ягоды, рискуя нарваться на лесных тварей, то и цену должен выбить достойную.

— Шесть монет, — твёрдо произнёс он, глядя торговцу прямо в глаза. — Земляника спелая, сладкая — сам знаешь, к ужину у трактирщика её мигом раскупят. Да и подосиновики крепкие, не червивые.

Торен хмыкнул, приподняв бровь, и снова покрутил в пальцах один из грибов, будто заново оценивая товар.

— Шесть, говоришь... А не много ли хочешь, парень? Рынок-то и правда закрывается, да и народ уже разбежался по домам.

Мартен не отвёл взгляда.

— Не много. Я час по лесу петлял, пока эти места нашёл, — он кивнул в сторону тёмной кромки леса, где сумерки уже цеплялись за ветви деревьев. — Да и не каждый решится туда сунуться. Шесть монет — честная цена.

Торен помолчал ещё пару мгновений, потом коротко усмехнулся и протянул руку:

— Ладно, хитрец. Шесть так шесть. Видно, не зря ты в лесу не первый раз.

Он отсчитал монеты и положил их на тряпицу рядом с грибами и ягодами. Мартен быстро сгрёб их и спрятал в кошель, стараясь не выдать, как сильно забилося сердце, — шесть монет... теперь точно хватит и на ужин, и на что-то про запас. Может, даже удастся прикупить какой-нибудь мелочи для дороги.

— Спасибо, мастер Торен, — кивнул он, аккуратно сворачивая тряпицу и убирая остатки товара обратно в сумку. — Если в следующий раз понадобится — зовите. Знаю ещё пару мест, где ягоды растут так, что глаза разбегаются.

Торен лишь махнул рукой, уже оглядываясь на свой прилавок:

— Ступай, ступай. И смотри, не заплутай по дороге — скоро совсем стемнеет. И ягоды лучше собирать ранним утром, пока роса не сошла. Так они дольше хранятся.

— Обязательно учту, спасибо, — ответил он, стараясь говорить уверенно, хотя внутри ещё теплилось это странное ощущение непонимания, насколько ценен полученный платёж. Но теперь он чувствовал: он не просто получил деньги — он их заработал.

Карин хлопнул Мартена по плечу — не слишком сильно, но ощутимо, по-дружески:

— Ну что, теперь — на постоянный двор? Я провожу. Завтра займёшься регистрацией авантюриста, а пока отдыхай. День выдался нелёгкий.

Мартен сжал в кулаке монеты, чувствуя их приятное тепло, и улыбнулся. Впервые с момента пробуждения он ощутил, что всё, возможно, наладится. В животе заурчало — он вдруг остро почувствовал, как голоден.

— Да, это разумно, — сказал он. — Но дальше я сам. Ты и так много для меня сделал. Я найду «Радость путнику» — ты ведь описал, где это.

Карин снова чуть приподнял бровь, на этот раз с одобрением.

— Нравится мне твоя самостоятельность. Ладно, тогда до завтра. Если что — знаешь, где меня искать.

— До завтра, — кивнул Мартен.

Они зашагали по мощёной улице прочь от рыночной площади. Вечерний город окутывала мягкая полутьма, фонари отбрасывали тёплые круги света, а из приоткрытых окон доносились приглушённые голоса и звуки музыки. Мартен шёл рядом с Карином, поглядывая на стражника с нескрываемым любопытством. Тот шагал уверенно, время от времени кивая знакомым и бросая короткие приветствия. В его движениях чувствовалась привычка к этому месту, знание всех улочек и закоулков.

Наконец, набравшись смелости, Мартен спросил:

— Карин, скажи честно — зачем ты помогаешь мне? Я ведь для тебя никто — случайный путник, проезжий... Ты мог бы просто взять плату за вход и отпустить меня восвояси. Почему ты хлопочешь обо мне, даёшь советы, проводишь до постоянного двора?

Карин на мгновение задумался, потом улыбнулся — не насмешливо, а сдержанно, без лишней теплоты, но и без враждебности:

— Знаешь, Мартен, — неторопливо начал он, — в мире слишком много недоверия. Все ищут подвох, стараются перехитрить друг друга. Я же поступаю так, как считаю правильным.

Когда я начинал службу, один старый стражник помог мне освоиться: показал, где что находится, предупредил о местных порядках, даже поделился парой монет в трудное время. Он сказал: «Делай то, что считаешь верным, — и совесть будет чиста. А вернётся добро или нет — дело второе».

Я запомнил эти слова. Если вижу, что человеку нужна помощь, протягиваю руку — не ради выгоды, а потому что так должно быть. И за годы службы убедился: те, кто поступает по совести, в итоге оказываются в выигрыше. Пусть не сразу и не всегда материально, но в чём-то более важном.

Карин бросил быстрый взгляд на Мартена и добавил чуть строже:

— Но это не значит, что я помогаю всем подряд. Ты показался мне честным, и Торвин вряд ли записал бы тебя на отработку, если бы я не был в тебе уверен. Не подведи — и себя, и меня.

Мартен кивнул:

— То есть ты помогаешь просто потому, что так правильно?

— Именно, — подтвердил Карин.

— И помни: я буду наблюдать за тобой. Так что выполняй обязательства — и всё будет хорошо. А теперь идём, покажу дорогу.

— Спасибо, — искренне произнёс Мартен, после чего улыбнулся. — Твои слова дают пищу для размышлений. Я постараюсь и сам следовать этому принципу.

— Вот и славно, — хлопнул его по плечу Карин. — А теперь смотри: вон там, за поворотом, уже виднеется вывеска «Радости путнику». Видишь — фонарь с жёлтым стеклом и нарисованная кровать? Это твой ночлег на сегодня. Завтра утром займёшься регистрацией авантюриста, а пока отдыхай. День и правда выдался нелёгкий.

Они подошли к постоялому двору. Карин ещё раз ободряюще кивнул Мартену, похлопал его по плечу и развернулся, чтобы вернуться на пост. Напоследок он сказал:

— Удачи, Мартен, — бросил он через плечо. — И помни: добро всегда возвращается.

Мартен смотрел вслед удаляющейся фигуре Карина, сжимая в кармане монеты от продажи грибов и ягод. Когда стражник окончательно исчез за поворотом, Мартен толкнул тяжёлую деревянную дверь и вошёл внутрь.

Он оказался в просторном зале с рядами столиков. Заведение выглядело удручающе: потрескавшаяся краска на стенах, обветшавшая мебель, запах прокисшего пива и застарелого дыма. В зале сидело несколько мрачных посетителей — они уткнулись в кружки, словно прятались от чего-то.

В дальнем углу за стойкой стояла Лира — невысокая стройная девушка с тёмными волосами в небрежном пучке. На ней было простое коричневое платье с застиранным фартуком. Красные от работы руки ловко разливали напиток по глиняным кружкам. В глазах читалась затаённая грусть, но они оставались живыми и внимательными.

— Привет, я тебя тут не видела, ты издалека? — спросила она ровным тоном, но с ноткой любопытства.

— Можно и так сказать, — ответил Мартен. — Я ищу ночлег — есть свободная комната?

Лира прищурилась, изучая его потрёпанную одежду и усталое лицо.

— Для тебя найдётся. Три медных монеты за комнату и ещё одна за еду. Итого — четыре.

Мартен кивнул, похлопал себя по карманам и, слегка покраснев, вытащил кошелёк из-за пазухи. Лира заметила его неловкость и невольно улыбнулась:

— Какой ты смешной.

— Я просто хочу убедиться, что всё правильно, — пробормотал он. — У меня не так много монет, чтобы ошибиться.

— Да я не смеюсь над тобой, — смягчилась Лира. — Просто ты такой серьёзный. Будто не комнату на ночь снять пришёл, а целый дом.

Она взяла монеты, быстро их пересчитала.

— Комната на втором этаже, третья дверь слева. Ужин принесут через полчаса.

— Меня зовут Мартен, — произнёс он.

— Лира, — чуть помедлив, ответила она. — Отдыхай. Ты выглядишь уставшим.

Мартен направился к лестнице и на первой ступеньке оглянулся. Лира снова протираля стойку, но на мгновение задержала на нём взгляд — чуть дольше, чем требовалось, — а затем резко отвернулась к другому посетителю.

Он уже взялся за перила, но на мгновение задержался. Что-то в том, как она произнесла своё имя — не сама фраза, а пауза перед ней, — заставило его обернуться. Она уже отвернулась к другому посетителю, но он заметил: она смотрела на него чуть дольше, чем требовалось.

«Странно», — подумал он. И пошёл вверх, чувствуя на спине её взгляд.

Поднимаясь, Мартен почувствовал странное облегчение. В её словах звучало почти добродушное, хотя она явно старалась это скрыть. «Почему я чувствую облегчение? Разве мгновение назад я не чувствовал усталость?» — с этими мыслями он поднялся на второй этаж.

На втором этаже было темно и пахло плесенью. Он нашёл нужную дверь, толкнул её — петли противно скрипнули. Комната оказалась крошечной: кровать с тонким матрасом, колесенчатый табурет и окно с мутным стеклом.

Мартен закрыл дверь, прислонился к ней спиной и медленно сполз на пол. Усталость навалилась с новой силой. Но вместе с ней пришло и другое чувство — то самое, знакомое по лесу: ощущение, что впереди назревает что-то важное. Там он умел читать следы, отличать ядовитые травы от съедобных, чувствовать приближение грозы. Здесь, в городе, навыки были иными, но чутьё оставалось тем же.

Мартен лёг на жёсткую кровать, уставившись в тёмный потолок. Сон не шёл — мысли снова и снова возвращались к завтрашнему дню. Задание с ящиками... Справится ли он? Что, если путь окажется сложнее, чем кажется? А если в казармах его встретят с недоверием или даже враждебно?

Он перевернулся на бок, подтянул к себе грубое шерстяное одеяло, но это не помогло расслабиться. В голове крутились детали разговора с Карин: обещания, договорённости, подпись на документе. Авантюрист — теперь это его статус, пусть и пока лишь на бумаге. Но что он действительно умеет? Лесные тропы и сбор ягод — это одно, а жизнь в городе с её правилами и обязательствами — совсем другое.

Где-то за стеной слышались приглушённые голоса и смех, затем всё стихло. Мартен глубоко вздохнул, попытался сосредоточиться на ровном дыхании, отсчитывать удары сердца — но тревога не отпускала. Завтрашний день маячил впереди неясной тенью: шагом вперёд или в очередную ловушку? Он закрыл глаза, надеясь, что усталость всё же возьмёт своё, и постепенно сознание начало понемногу затуманиваться, уступая место зыбким, бессвязным образам.

Ночь прошла тихо и спокойно, но Мартен проснулся резко, от крика петуха — будто кто-то толкнул его изнутри. Первым делом он проверил вещи: монеты на месте, сумка цела, флакон с мутной жидкостью не протёк. Только тогда он позволил себе выдохнуть и выйти из комнаты.

Коридор был пуст. Скрип лестницы под его шагами прозвучал слишком громко. Спускаясь, Мартен невольно замедлил шаг: внизу у стойки стоял Карин, вчерашний стражник, и о чём-то говорил с Лирой. Их голоса звучали приглушённо, почти заговорщически.

Когда Карин заметил Мартена, он тут же оборвал фразу и выпрямился, натянуто улыбувшись:

— А, Мартен! С добрым утром. Как спалось?

Мартен на мгновение замер. Она запомнила его имя. Вчера он назвал его один раз, между заказом комнаты и ужином, — и она запомнила.

«Это нормально, — подумал он. — Она трактирщица, она запоминает постояльцев. Это её работа». Но внутри шевельнулось что-то другое. Тёплое. Не потому что она его запомнила, а потому что в мире, где он сам себя не помнил, кто-то другой удержал его имя в голове.

Он не знал, радоваться этому или бояться.

Ли́ра обернулась. На мгновение Мартену показалось, что на её губах мелькнула улыбка — лёгкая, едва уловимая, словно отблеск солнца на воде. Но она тут же спрятала её, скривила губы и фыркнула:

— О, смотри-ка, проснулся наконец. Я уж думала, ты проспишь до вечера.

— Завтрак есть, — бросила она уже серьёзнее. — Овсянка и хлеб с сыром. Подай тарелку, я налью.

Мартен кивнул, подошёл к стойке и взял глиняную тарелку. Он чувствовал на себе взгляды обоих — быстрый, оценивающий взгляд Карина и тот самый короткий, почти незаметный взгляд Леры, который она поспешила отвести. Что-то в их поведении настораживало, но он не мог понять, что именно.

Карин тем временем хлопнул его по плечу:

— Слушай, раз уж ты тут... Помнишь, мы договаривались, что ты отработаешь вход в город? Есть как раз подходящее задание: нужно отнести пару ящиков с припасами в казармы. Платят немного, но для начала сойдёт. Что скажешь?

Ли́ра вздохнула. В её взгляде читалась усталая покорность — будто она уже тысячу раз соглашалась на подобные предложения, хотя и не горела желанием. Но в то же время в выражении лица проглядывал едва заметный намёк на доверие: она всё-таки верила, что на этот раз всё обойдётся без сюрпризов.

— Опять ты со своими «простыми» заданиями, Карин! Помнишь, как «просто» отнести ящик с солью обернулось беготнёй от бешеных собак?

— Да ладно тебе! — рассмеялся Карин. — Всего-то отнести пару ящиков в казармы. Никаких собак, обещаю.

Мартен посмотрел на них, но его взгляд был чуть отстранённым — мысли словно витали где-то далеко. Он пытался уловить ту самую нотку в их разговоре, которая делала эту сцену не просто бытовой, а частью чего-то большего. Ли́ра на мгновение задержала на нём взгляд, уловив эту отчуждённость, но ничего не сказала. Карин тоже заметил, что Мартен будто не до конца здесь, однако лишь слегка нахмурился и тут же переключился обратно на уговоры.

— А вы давно знакомы? — спросил Мартен, слегка встряхнув головой, будто пытаясь прогнать наваждение.

— О, давненько! — Карин хлопнул себя по колену. — Ещё когда Ли́ра только начинала протирать здесь стойки вместо матери.

— Слишком давно, — скрестила руки Ли́ра. — И за это время он успел надоесть мне больше всех посетителей вместе взятых.

— Зато иногда я всё-таки что-то делаю правильно, — подмигнул Карин Мартену.

— Чистая случайность, — фыркнула Ли́ра, но в глазах мелькнуло что-то тёплое.

Мартен улыбнулся — между ними явно была давняя дружба.

— Хорошо, — сказал он. — Я согласен.

Ли́ра подняла глаза — всего на секунду — и снова улыбнулась той же едва заметной улыбкой. Но тут же одёрнула себя, нахмурилась и строго добавила:

— Только смотри, не задерживайся. И не вздумай болтать с Каринем по дороге — он тебя так заговорит, что к вечеру забудешь, куда шёл.

— И не опаздывай, — бросила она через плечо, снова отвернувшись к полке с кружками. — Карин терпеть не может ждать. А я терпеть не могу выслушивать его нытьё, когда он опаздывает.

Мартен сел за ближайший стол, чувствуя, как в воздухе повисло что-то неуловимое — не угроза, а скорее тайна, в которую его только что начали посвящать. Теперь он хотя бы понимал, что связывает этих двоих.

Перекусив тем, что было, Мартен вместе с Каринем отправились к складу. Прежде чем идти за грузом, Карин повёл его в здание городской стражи.

Пока они шли к складу, Мартен с жадным любопытством озирался по сторонам. Узкие улочки древнего города поражали своей атмосферой — здесь каждый камень, казалось, хранил свои тайны. Повсюду сновали люди: торговцы торопились закрыть лавки, ремесленники запирали мастерские, а дети играли в тени домов.

Его внимание привлекали детали: как ловко уличные торговки управляют с корзинами, как мастерски кузнецы орудуют молотами, даже как кошки лениво греются на тёплых камнях мостовой. Он машинально отмечал расположение переулков, запоминая возможные пути отступления, и удивлялся собственному чутью. Это было не просто любопытство новичка — это был инстинкт выживания, отточенный в лесу.

— Смотри, — Мартен указал на группу детей, играющих с обручем, — у них такая забава интересная.

Карин улыбнулся:

— Это старинная игра. В детстве я тоже так играл. Видишь, как ловко они управляют?

Мартен кивнул, но его взгляд уже скользнул дальше — к странному зданию с резными окнами.

— А что это за дом? — спросил он, указывая на старинное строение. — Выглядит необычно.

— Это дом старейшины гильдии каменотёсов, — пояснил Карин. — Говорят, его построили ещё до основания города.

Мартен замедлил шаг, рассматривая причудливую резьбу на фасаде. Его пальцы непроизвольно дёрнулись, словно желая прикоснуться к узорам. В этот момент он вдруг осознал: именно такие детали могут однажды спасти ему жизнь.

— У тебя талант замечать детали, — неожиданно сказал Карин, наблюдая за реакцией спутника. — Это полезное качество для авантюриста.

Мартен смущённо пожал плечами:

— Просто интересно всё новое. В лесу такого не увидишь.

Они прошли мимо трактира, откуда доносились запахи жареного мяса и свежего хлеба. Желудок Мартена предательски заурчал, но он быстро взял себя в руки.

— А там, — Мартен указал на высокое здание с часами, — что находится?

— Это ратуша, — ответил Карин. — Там решаются все важные дела города. Кстати, именно там ты скоро будешь регистрироваться как авантюрист.

Мартен остановился, внимательно рассматривая величественное здание:

— Красивое. И такое большое!

Карин хлопнул его по плечу:

— Не всё то золото, что блестит. Внутри порой творится такое, что волосы дыбом встают.

По мере приближения к зданию стражи Мартен всё больше волновался. Его пальцы нервно теребили край рубахи, а взгляд то и дело возвращался к массивным дверям.

— Не переживай так, — подбодрил его Карин. — Торвин мужик суровый, но справедливый. Главное — говори правду и не юли.

Мартен кивнул, но его тревога не унималась. Он чувствовал, как учащённо бьётся сердце, словно предчувствуя что-то важное.

Когда они вошли в здание стражи, Мартен невольно выпрямился, стараясь выглядеть увереннее. Его взгляд скользил по стенам, увешанным оружием, по столам с картами, по лицам стражников, занятых своими делами.

— Здесь всё по-другому, — тихо произнёс он, скорее самому себе. — Совсем не так, как в лесу.

Карин усмехнулся:

— Привыкнешь. Главное — помни, кто ты и чего хочешь. А город... он как живой организм — со своими законами и правилами.

Мартен кивнул, впитывая каждую деталь этого нового для него мира. В его голове уже складывался план: как изучить город, как найти своё место, как стать тем, кем он должен быть. Пока они шли по коридорам стражи, Мартен не переставал задавать вопросы:

- А почему здесь такие высокие потолки?
- Зачем эти странные символы на стенах?
- А что хранится в тех сундуках?

Карин терпеливо отвечал на каждый вопрос, отмечая про себя, что этот новичок не просто любопытен — он учится видеть то, что другие пропускают.

- Ты словно ребёнок, впервые попавший в большой мир, — пошутил он.

Мартен смущённо улыбнулся:

- Может, так оно и есть. Для меня это действительно новый мир.

Просторный зал с деревянными столами и развешанными на стенах картами встретил их тишиной раннего утра. По углам ещё клубились остатки ночного сумрака, а первые лучи солнца пробивались сквозь узкие окна, рисуя на полу светлые полосы. В воздухе витал запах чернил, старой бумаги и едва уловимый аромат свежесваренного кофе.

Карин подвёл Мартена к массивному дубовому столу в глубине помещения. За ним сидел крепкий мужчина лет сорока с сединой в волосах и шрамом над левой бровью. Его лицо выглядело усталым, но глаза — внимательными и цепкими. На плече его плаща красовалась эмблема стражи — скрещённые мечи на фоне щита.

— Ну что, Карин, привёл своего подопечного? — хрипловато произнёс он. — Посмотрим, на что он годится.

— Капитан Торвин, — обратился Карин, — разрешите представить: Мартен, тот вчерашний путник. Он пойдёт с нами в Грокхарт, поможет с сопровождением груза.

Торвин поднял взгляд от бумаг, внимательно оглядел Мартена:

- Новичок?
- Да, сэр, — ответил Мартен. — Но я готов учиться и выполнять приказы.
- Карин, ты готов поручиться за него?

— Так точно, капитан. Он надёжный парень. К тому же у нас не хватает людей, а сроки горят. Предлагаю зачесть регистрационный взнос как оплату за участие в задании.

Торвин задумался, постукивая пальцами по столу, затем вздохнул:

— Знаю я тебя, Карин... «Надёжный парень», «сроки горят»... Ты всегда так говоришь. Болван ты, конечно. Но болван добрый — это уже что-то.

Карин слегка покраснел, но сдержанно улыбнулся:

- Спасибо за честность, капитан.
- Мечом владеешь? — снова обратился Торвин к Мартену.
- Не уверен, — сглотнул Мартен.

Торвин кивнул Карину. Тот протянул тренировочный клинок. Мартен сделал выпад — криво, неуклюже.

- Он умрёт в первой же драке, — констатировал Торвин.
- Не умрёт, — упрямо сказал Карин. — Груз таскать — не мечом махать.
- Ладно, — вздохнул Торвин. — Но если он подведёт — я сниму шкуру с тебя. Лично.
- Я всё понял, капитан, — кивнул Мартен. — Борвин, — Торвин повернулся к писарю,

— оформи его как авантюриста ранга F. Борвин, сухощавый мужчина в очках, кивнул и протянул Мартену перо: — Подпиши здесь — о согласии выполнять экстренные задания от гильдии, здесь — об отсутствии травм и прочих повреждений, которые могут помешать выполнению заданий, и здесь — о компенсации гильдии в случае провала задания. После выполнения задания мы спишем твой долг, так что за него не беспокойся. Если сложность задания окажется выше предполагаемой, тебе повысят ранг либо выдадут премию. Мартен поставил подписи, сохраняя внешнее спокойствие. «Теперь я авантюрист. Что бы это ни значило». На мгно-

вание в голове промелькнула мысль: «А смогу ли я вообще выполнять такие задания? Что, если не справлюсь?» Он тут же отогнал её: сейчас важнее было разобраться с тем, что перед ним, а сомнения можно оставить на потом. — Отлично, — хлопнул его по плечу Карин. — Теперь к складу! Утро выдалось прохладным. Туман ещё цеплялся за крыши домов, а мостовая блестела от росы. Мартен шёл чуть позади Карина, стараясь запомнить дорогу: узкие улочки, кривые переулки, запах печёного хлеба из приоткрытых окон. По пути Карин объяснял суть дела: — Мы должны доставить пару ящиков с оружием в соседний город, в Грокхарт. Ты разбираешься в политике? — Нет, — честно ответил Мартен. Карин на мгновение замер, слегка приподняв брови, но тут же взял себя в руки. — Тогда объясню, — понизил он голос. — Наше королевство граничит с одной варварской страной. Время от времени они устраивают набеги на наши земли. Но королевство не может послать все войска на уничтожение противника изза большой частоты появления монстров по всему королевству. Он сделал паузу, следя за реакцией Мартена. Тот слушал сосредоточенно, чуть склонив голову. — К примеру, я слышал, что за месяц истребили больше десяти тысяч тварей — от мелких гоблинов до хорошо вооружённых культистов тьмы, смешавших свою кровь с кровью монстров. Слышал даже, что где-то на юге видели чёрного дракона. Поэтому оружие быстро ломается или затупляется. Мы должны доставить в Грокхарт оружие и амуницию до начала лета, когда варвары идут со своих горных равнин сюда — в плодородные земли. — Понятно, — тихо произнёс Мартен. — Значит, наша задача — помочь укрепить оборону. Карин чуть заметно кивнул, удовлетворённый тем, что новичок быстро схватывает суть. — Именно. И хотя ты пока не боец, твоя помощь в перевозке груза может спасти чью-то жизнь. Так что отнесись к этому серьёзно. Мартен слушал, хмурясь. В голове роились вопросы, но один вырвался сам собой: — А почему именно мы? Почему такое важное задание поручают... — он замялся, подбирая слова, — новичку и стражнику? — Потому что важных заданий много, а людей мало, — ответил Карин. — К тому же нас будет не двое. Вон, смотри! У склада уже стояла свободная повозка, запряжённая парой крепких лошадей с густой гривой и мощными ногами. Животные переступали с ноги на ногу, изредка фыркали и били копытом о землю. Рядом с ней переминались трое молодых людей — судя по всему, авантюристы ранга D. Карин махнул рукой: — Знакомься, Мартен. Это наши попутчики. Первым выступил вперёд коренастый парень с луком за спиной. Он окинул Мартена быстрым взглядом, затем широко улыбнулся и протянул руку: — Привет, я Грей. Лучник. Прикрою с дистанции. — Приятно познакомиться, я Мартен. Постараюсь не подвести. — Мира, — шагнула вперёд девушка с рыжими волосами. — Плут и следопыт. Разберусь с ловушками и найду короткий путь. — Рад знакомству, Мира. Надеюсь, без краж обойдёмся. — Тобин, — поклонился худощавый юноша с мерцающим амулетом. — Маг начального уровня. Могу поставить барьер, развеять иллюзии и видеть в темноте. — Впечатляет, — сказал Мартен. — С магией у нас всё в порядке. — Вот и познакомились, — хлопнул в ладони Карин. — Все в сборе. Мартен только что официально зарегистрирован как авантюрист ранга F под поручительство капитана Торвина. Так что, команда, пора грузить ящики и выдвигаться. До Грокхарта два дня пути, если не будет задержек. Они вошли на склад. Внутри пахло деревом, кожей и металлом — терпкий, почти оружейный аромат. Вдоль стен выстроились ящики, связки стрел, стопки щитов, ряды копий и алебард. На полках виднелись кожаные ножны, мотки верёвки, мешочки с гвоздями и прочими мелкими припасами. Карин подошёл к кладовщику — низенькому суетливому человеку в кожаном фартуке, покрытом пятнами ржавчины и масла. Тот протирал тряпкой какойто клинок и поднял глаза, лишь когда Карин кашлянул. — Привет, Борг. Нам по списку: два ящика мечей, один — наконечников для стрел, да пара связок кольчуг поновее. Борг кивнул и махнул помощникам. Те подкатили к ним три массивных ящика, обитых железными полосами и скреплённых толстыми гвоздями. На каждом виднелась восковая печать с гербом города. — Тяжёлые, заразы, — пробормотал Карин. — Но ничего, на повозку погрузим — дотащим. Ну что, Мартен, готов к первому настоящему заданию? Мартен посмотрел на ящики, потом

на Карина, затем на новых товарищей. Грей проверял тетиву лука, Мира ловко подбрасывала и ловила кинжал, а Тобин тихонько бормотал что-то, разглядывая амулет. В груди нарастало странное чувство — смесь тревоги и азарта. Впервые за долгое время он чувствовал, что делает что-то важное, что он теперь часть чего-то большего. — Готов, — твёрдо ответил он и взялся за ручку ящика. Ящики аккуратно уложили в повозку, закрепив верёвками и подложив деревянные клинья, чтобы не скользили на неровностях дороги. Мира, полная нетерпеливого предвкушения, легко вскочила на место извозчика. Она поправила волосы, хлопнула по гриве ближайшей лошади и звонко воскликнула: — Ноно! Возглас разорвал тишину, колёса застучали по мостовой. Повозка тронулась с места и медленно выкатилась за ворота. Карин махнул рукой на прощание, а Торвин стоял неподвижно, провожая повозку взглядом до тех пор, пока она не исчезла за городской стеной. На его лице читалось что-то среднее между скепсисом и надеждой — будто он одновременно и сомневался в успехе миссии, и верил, что эта разношёрстная команда всё же справится.

Глава 2

— В этой ситуации слишком много нестыковок, — мысленно рассуждал Мартен. Но вместо того чтобы застыть в оцепенении, он резко выпрямился, вцепившись пальцами в борт повозки. Дерево под пальцами будто хранило ответы, и Мартен стискивал его, словно хотел выдавить из волокон хоть крупицу истины.

Потеря памяти должна была пугать, но он чувствовал лишь странное, почти ледяное равнодушие. И откуда он вообще знал, что его зовут Мартен? Это имя сидело в голове так прочно, будто было выжжено на кости, а всё остальное рассыпалось в пыль.

Лоб его пересекла глубокая морщина, но взгляд из тяжёлого и растерянного стал цепким, сканирующим. Он заново оценивал повозку, попутчиков, дорогу впереди — каждую мелочь, как будто мир внезапно заговорил на незнакомом языке, и нужно было срочно выучить алфавит.

Карин, сидевший рядом, уловил эту перемену. Он молча протянул руку и несильно толкнул Мартена в плечо — не чтобы напугать, а чтобы вернуть в реальность.

Мартен не вздрогнул. Наоборот, он сам подался навстречу прикосновению, словно искал в нём подтверждение, что всё это не сон и не наваждение. Затем резко обернулся к Карину, и в его глазах уже не было растерянности — только упрямая, стальная решимость разобраться во всём.

— Знаешь, а я ведь не просто задумался, — выпалил Мартен, перебив собственные мысли. Машинально он дёрнул рукой и смахнул с лавки небольшой мешочек с сухарями. Но тут же, без лишней суеты, молниеносно выбросил другую руку вперёд и поймал его в воздухе. Лёгкая усмешка тронула его губы: тело помнило, как ловить вещи, а голова — ни черта.

Карин слегка приподнял брови, явно не ожидая такой резкой перемены в собеседнике.

— Тебя что-то тяготит? — тихо спросил он, слегка наклонившись вперёд.

Мартен опустил взгляд, но не стал теребить край рукава, выдавая нервозность. Вместо этого он сжал ткань в кулак, будто через это напряжение мог вытащить из себя нужные слова.

— Тяготит, — признал он, удивившись собственной откровенности. Но тут же добавил с жёсткой ноткой, чтобы не дать Карин проявить жалость: — Только не надо мне сейчас сочувствия. Мне нужна ясность. Скажи, ты замечал за мной что-нибудь... странное? До того, как я начал об этом говорить?

Он не стал дожидаться ответа. Резко перегнулся через борт, проверяя, как ведут себя колёса на неровной дороге, будто в скрипе и тряске мог найти разгадку. При этом нечаянно задел локтем флягу Карина, и та чуть не опрокинулась.

— Ой, прости, — бросил Мартен, ставя флягу на место. Но в этом «прости» уже не было суетливой неловкости, которая сквозила в нём раньше. Его движения стали собранными, экономными, будто внутри щёлкнуло какое-то реле, и тело наконец-то подчинилось воле.

— Просто я не могу сидеть сложа руки и делать вид, что всё в порядке, — добавил он уже спокойнее.

Карин медленно кивнул. В его взгляде теперь читалось не столько сомнение, сколько уважение к этой внезапной решимости.

К тому времени повозка уже катилась через широкие поля, направляясь к высокой горе на горизонте. Солнце поднялось в зенит, заливая всё вокруг жарким светом. Тени стали короткими и резкими, а воздух наполнился запахом сухой травы и пыли, поднимаемой колёсами.

Мира, сидевшая впереди, лениво помахивала кнутом, не слишком подгоняя лошадей, и распевала песню:

По дороге пыльной, по дороге дальней, Каждый ищет что-то под луной печальной. Кто-то ищет славу, кто-то звон монет, А кто ищет имя, что потерялся след. Ветер знает тайны, но

молчит в ответ, За спиной остался позабытый свет. Шаг за шагом дальше, сквозь закат и тьму, Дорога открывает правду лишь тому, Кто верен слову своему.

Тобин дремал, прислонившись к борту, а Грей время от времени поглядывал по сторонам, проверяя, нет ли какой опасности.

Когда лошадь ступила на каменистый склон и начала медленно подниматься в гору, повозка заскрипела и слегка накренилась. Мартен не просто удержался — он тут же переместился так, чтобы уравновесить вес, и бросил быстрый взгляд на Грея:

— Как думаешь, сколько ещё до перевала? Если там засада или обвал, лучше знать заранее.

Грей на мгновение задержал на нём взгляд, будто оценивая, стоит ли воспринимать этого нового, собранного Мартена всерьёз. Затем кивнул:

— Часа два, может, чуть больше. Но я пока ничего подозрительного не вижу.

— Хорошо, — коротко ответил Мартен, снова оглядывая горизонт. Теперь он смотрел не как потерянный путник, а как человек, готовый к любым неожиданностям. В этом взгляде читалось: он не позволит себе снова потерять контроль.

— Слушай, Карин, — обратился к спутнику Мартен, — что было во флаконах, которые ты у меня нашёл?

Карин усмехнулся:

— А ты сам не знаешь, что хранишь?

— Мне их подарили, — пожал плечами Мартен, ощупывая поясную сумку. При этом он чуть не выронил камешек, который всё ещё держал в руке. Пальцы сами собой сомкнулись вокруг него, и на миг Мартена кольнуло странное чувство: будто этот камешек был ему важен, хотя он не мог вспомнить почему.

— Сначала подумал, это «отрава воина». Но, похоже, что-то другое. В городе разузнаем.

— Да, так лучше, — кивнул Мартен.

Он окинул взглядом гору впереди, спутников — и почувствовал: он не один. И, возможно, именно это давало ему силы держаться прямо.

В разговор вмешался Грей:

— Да чего ждать? Выпей — и увидим!

— С ума сошёл? — оборвал его Карин. — А если яд?

— Шучу, — рассмеялся Грей. — Но это точно не «отрава»: у той запах резкий, а эти почти не пахнут.

— И не каменное пиво, — подал голос Тобин, поправляя амулет на шее. — От него кожа твердеет. Один глупец выпил перед дракой с троллем — так тот ему рожки углём на лбу нарисовал и ушёл.

Мира фыркнула.

— Всё о выпивке, — усмехнулась она, бросив на Мартена оценивающий взгляд. — А ты в чём силен, Мартен?

Тот нахмурился, коснулся царапины на виске. В голове мелькнуло что-то неуловимое: резкий свист клинка, глухой удар, запах железа. Но образ тут же рассыпался, как песок сквозь пальцы.

— Не знаю, — признался он, но уже без прежней горечи. — Как вообще понять, к чему у тебя талант?

Карин похлопал коня по шее и глянул вперёд, на луг среди редких деревьев. Лошадь фыркнула, будто соглашаясь с хозяином.

— Сейчас доедем до того просторного места впереди — там и остановимся, — уверенно сказал он. — Нашему коню нужна передышка, а мы тем временем разберёмся, в чём ты силен. Пару простых испытаний — и станет ясно, какие у тебя способности.

— И заодно проверим, не спрятаны ли в тебе какие-нибудь магические таланты, — добавил Тобин с улыбкой. — Я могу провести небольшой ритуал — он не опасен, просто покажет, есть ли в тебе искра.

Мира одобрительно кивнула:

— Верно. Может, ты мастерски владеешь мечом, или метко стреляешь, или даже разбираешься в травах. А может, у тебя талант к выживанию в дикой местности — знаешь, где найти воду или съедобные ягоды. Пока не попробуешь — не узнаешь.

Мартен слегка улыбнулся. Он чувствовал, что отношение спутников к нему хоть и настороженное, но не враждебное. Они не смотрели на него как на обузу, а скорее как на загадку, которую интересно разгадать. И впервые за долгое время ему показалось, что эта загадка — его собственная, и только он сможет её решить.

Остановку получилось сделать не скоро: путь по горной тропе был извилист и труден. Колёса повозки то и дело натыкались на камни, а лошади шли осторожно, выбирая дорогу. Временами тропа сужалась настолько, что приходилось спешиваться и вести животных в поводу.

Наконец они остановились на небольшом горном утёсе, откуда открывался захватывающий вид: внизу петляла узкая дорога, по бокам теснились скалистые склоны, поросшие редкими кустами можжевельника, а впереди, в лёгкой дымке, высились заснеженные вершины, сверкающие под лучами солнца. Воздух здесь был чище и холоднее, пахло хвоей и горной сыростью — этот запах будто смывал с души дорожную усталость.

Карин натянул вожжи, успокаивая коня, который тяжело дышал после подъёма и нервно переступал с ноги на ногу.

— Ну вот, — сказал он, оглядываясь по сторонам, — самое время передохнуть. И заодно проверить, на что способен наш новый друг. Грей, помоги распрячь лошадей. Мира, осмотрись вокруг — нет ли чего подозрительного. Тобин, подготовь свои магические штучки. А ты, Мартен, пока отдышись и приготовься — сейчас будем выяснять, что ты умеешь.

Мира спрыгнула с повозки, потянувшись, разминая затёкшие плечи, и с улыбкой повернулась к Мартену:

— Так что, Мартен, готов к испытаниям? Начнём с простого: покажи, как держишь меч. Есть ли у тебя хоть какие-то воспоминания о том, как им пользоваться?

Мартен неуверенно поднялся, подошёл к повозке и достал из неё клинок, который до этого лежал среди припасов — рядом с мешками овса и свёрнутым плащом. Он взвесил его в руке, провёл пальцем по лезвию. Металл был холодным, слегка шершавым на ощупь, с несколькими мелкими зазубринами у основания. На миг Мартена кольнуло странное чувство: будто он знал каждую неровность этого клинка, но не мог вспомнить, откуда.

— Ну... попробую, — пробормотал он, машинально почесав затылок.

Он встал в стойку и сделал несколько выпадов. Движения вышли неуклюжими, руки дрожали, клинок то и дело норовил выскользнуть. Мартен попытался повторить какой-то приём из памяти — вскинул руку, развернул корпус, но в этот момент споткнулся о камень и едва не упал, чудом удержав равновесие. При этом он нечаянно задел локтем флягу, висевшую у пояса, и та опрокинулась — несколько капель воды попало ему за шиворот.

— Ай! — вздрогнул Мартен, машинально вытирая шею рукавом.

Мира вздохнула:

— Может, с мечом просто не повезло? Попробуй сменить хват. Представь, что это продолжение твоей руки.

Мартен кивнул, переложил клинок и попробовал ещё раз. Удары стали чуть чётче, но стоило добавить скорости — лезвие ушло в сторону, едва не задев колесо повозки.

— Осторожно! — вскрикнула Мира, инстинктивно отпрянув.

Карин подошёл ближе:

— Не спеши. Дыши ровно. Попробуй просто почувствовать оружие. Представь, что ты не держишь его, а ведёшь в танце.

Мартен сделал глубокий вдох, сосредоточился и повторил движения медленнее. На этот раз получилось лучше: стойка стала устойчивее, удары — увереннее. Он даже успел обрадоваться, но при попытке ускорить темп клинок всё равно вырвался из руки и с глухим стуком упал в траву, подпрыгнув пару раз, прежде чем остановиться.

— Ладно, — вздохнул Мартен, потирая запястье. — Похоже, меч — не моё.

— Давай попробуем лук, — предложил Карин. — Иногда ловкость важнее силы. К тому же стрелять можно и с расстояния — если не получится сразу, вреда никому не причинишь.

Грей достал из повозки старый лук и пару стрел, протянул их Мартену:

— Мишень — тот пенёк у валуна. Три выстрела. Потом дадим ещё попыток.

Мартен взял лук, неловко натянул тетиву. Руки дрожали, прицел никак не удавалось зафиксировать — он то поднимал оружие слишком высоко, то опускал слишком низко. Первый выстрел ушёл высоко вверх и застрял в ветвях дерева. Второй воткнулся в землю в паре шагов от пня. Третий, к его стыду, едва пролетел пять метров и упал у ног.

— Ой, — тихо произнёс Мартен, краснея. Он машинально поднял стрелу, но уронил её, потом неловко наклонился за ней и чуть не ударился головой о край повозки.

Грей не выдержал и хохотнул:

— Да, воин из тебя пока так себе.

Но Карин остановил его взглядом:

— погоди с выводами. Мартен, хочешь ещё попробовать? Видишь, с каждым разом ты чуть лучше чувствуешь оружие.

Мартен сжал зубы, кивнул и взял следующую стрелу. Он глубоко вдохнул, стараясь сосредоточиться, медленно поднял лук, выровнял прицел, задержал дыхание... На четвёртой попытке он сумел попасть в край пня — стрела отскочила, но всё же коснулась цели. На пятой — воткнулась в землю уже в метре от мишени.

— Видишь? — ободрил его Карин, похлопав по плечу. — Уже лучше. Прогресс есть, хоть и небольшой. Главное, что ты стараешься.

Тобин, до этого молча наблюдавший за испытанием, наконец произнёс:

— Таланта к мечу и луку у тебя, Мартен, особого нет. Но зато видно, что ты не сдаёшься и готов учиться. Это уже немало. В команде не всегда нужны лучшие бойцы — иногда важнее умение работать сообща и не опускать руки после первой неудачи.

Мартен слегка улыбнулся, чувствуя, как внутри разливается тепло от этих слов. Он поднял клинок, аккуратно положил его обратно в повозку, затем так же бережно сложил лук и стрелы.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Я правда хочу научиться. И буду стараться.

Мира подмигнула ему:

— Вот и отлично. Значит, завтра попробуем что-нибудь ещё. Может, у тебя талант к чему-то другому — например, к разведке или выживанию в лесу.

Грей, который уже было собрался отпустить очередную шутку, вдруг передумал и просто кивнул:

— Да, точно. В следующий раз научу тебя ставить ловушки. Там сила не так важна, как смекалка.

Мартен благодарно кивнул в ответ, чувствуя, что впервые за долгое время он не один — и что эти люди готовы дать ему шанс, несмотря на все промахи.

Мира улыбнулась:

— Значит, ищем другое направление. Может, у тебя дар к чему-то более необычному? К магии, например? Или к ремеслу?

Мартен опустил взгляд, ощущая одновременно облегчение и досаду. Он ожидал, что оружие пробудит какие-то воспоминания, но вместо этого лишь убедился: его путь лежит где-то в стороне от битв.

— Честно говоря, — признался он, — я и сам не знаю, в чём я хорош. Но я готов попробовать что-нибудь ещё.

Карин снова похлопал его по плечу:

— Вот это правильный настрой. Для начала — перекусим, а потом подумаем, какие ещё испытания нам устроить.

Мартен уже хотел предложить попробовать что-то ещё — может, посоревноваться в беге или проверить, насколько хорошо он ориентируется на местности, — как вдруг резкий крик Грея заставил всех вздрогнуть:

— Сзади!

Из тени скал, словно порождения самого мрака, выскользнули разбойники в потрёпанных кожаных доспехах. Их лица скрывали капюшоны, а в руках поблескивало оружие: у одного — изогнутый кинжал, у второго — короткий меч, у третьего, самого крупного, — тяжёлая дубина с шипами.

Не теряя ни секунды, громила с дубиной бросился прямо на Карина. Тот успел выхватить меч и выставить его в защитном жесте, но удар пришёлся в бок — с глухим стуком Карин отлетел к краю утёса и рухнул на камни, не шевелясь.

— Карин! — вскрикнула Мира, хватаясь за кинжал.

Время для Мартена словно остановилось. Он уставился на неподвижное тело друга — кровь прилила к вискам, в груди поднялась волна ледяной ярости. Всё вокруг будто поблекло, кроме фигуры разбойника, который теперь ухмылялся, вытирая пот со лба.

Громила пнул ногой тело Карина — тот перекатился и остановился прямо у ног Мартена. Этот жест, грубый и издевательский, словно прорвал плотину внутри Мартена: шок сменился острой, обжигающей яростью. Руки сами сжались в кулаки, дыхание участилось.

— Ну что, следующий? — хрипло бросил разбойник, поднимая дубину. Его товарищи рассмеялись, медленно приближаясь с двух сторон.

Грей уже натягивал тетиву, но один из разбойников метнул кинжал — стрела ушла в сторону, а лучник отпрянул, схватившись за плечо. Мира бросилась вперёд, пытаясь отвлечь нападающих, но второй разбойник преградил ей путь, угрожающе размахивая мечом.

Мартен стоял над телом Карина, сжимая и разжимая кулаки. Он не знал, что делать. В голове билась единственная мысль: «Я должен его защитить. Сейчас. Немедленно». Но тело словно застыло — страх, ярость и растерянность боролись внутри, парализуя волю.

— Чего замер, новичок? — издевательски бросил громила. — Или ты только по мишеням стрелять умеешь?

Слова ударили, как пощёчина. Мартен поднял взгляд — прямо в глаза разбойнику. И в этот момент что-то внутри него щёлкнуло.

Он уже не слышал насмешек. В нём прорвалось нечто древнее, дикое, давно дремавшее под слоями забвения. Сначала воздух вокруг задрожал, будто над раскалённым камнем в полдень. Затем по коже пробежали голубые искры — сначала редкие, как первые капли дождя, а потом всё гуще, сплетаясь в мерцающую сеть разрядов. Ладони окутались аурой — не просто светом, а плотной, почти осязаемой энергией, отливающей сапфировым сиянием. Она пульсировала в такт ударам сердца, и с каждым толчком кровь в венах будто наполнялась той же силой.

— Что... что это? — прошептал Грей, опуская арбалет. Его глаза расширились от изумления, а пальцы невольно сжались на прикладе — не для выстрела, а чтобы унять дрожь.

Мира замерла с клинком в руке, не доведя удар до цели. Она уставилась на Мартена, и в её взгляде читался не только шок, но и первобытный страх — так человек смотрит на разбушевавшуюся стихию, понимая, что перед ним нечто большее, чем просто человек.

Тобин резко обернулся, прервав заклинание. Его пальцы застыли в середине жеста, а лицо побледнело.

— Это... невозможно, — выдохнул он. — Такая концентрация чистой энергии... Я никогда не видел ничего подобного. Это не магия в привычном смысле. Это... как будто сама природа взбунтовалась.

Грей отступил на шаг, невольно прикрывая плечо, раненное кинжалом.

— Он светится, — хрипло произнёс лучник. — Весь. Как... как звезда, упавшая с неба. Но в этом есть что-то неправильное. Слишком много силы для одного человека.

С неуловимой, пугающей скоростью Мартен ринулся вперёд. Его движения слились в безумную череду резких рывков, будто кто-то разорвал саму ткань пространства и швырял его тело короткими вспышками из точки в точку. Со стороны это выглядело так, словно реальность вокруг него на доли секунды сминалась, оставляя после каждого скачка едва заметные изломы воздуха — будто трещины на тонком льду.

В мгновение ока он оказался рядом с бандитом. Его рука, окутанная густым голубым сиянием, похожим на живое пламя, взметнулась вверх и с чудовищной силой обрушилась на противника. Череп разбойника треснул с отвратительным хрустом, напоминающим звук ломающихся под сапогом сухих веток, а энергия, вырвавшаяся изнутри, взорвалась ослепительной вспышкой. На земле осталось лишь безжизненное тело, вокруг которого медленно таяли мерцающие остаточные всполохи — словно последние отголоски чьего-то крика, застывшие в воздухе.

Следующий рывок — и Мартен уже за спиной второго разбойника. Время будто споткнулось: для остальных всё произошло за один судорожный вдох. Светящаяся рука с шипением вонзилась в живот врага, аура на миг вспыхнула ослепительно ярко, исторгнув короткий разряд, похожий на миниатюрную молнию. Энергия прокатилась по телу разбойника, выжигая волю и силы; его глаза закатились, мышцы обмякли — и он рухнул на камни, словно марионетка, чьи нити не просто перерезали, а сожгли дотла.

Воздух взорвался криками, лязгом стали и глухими ударами — бой разгорался с новой силой, но теперь взгляды всех уцелевших невольно скользили к Мартену, и в этих взглядах плескался первобытный ужас. Его фигура, окутанная пульсирующим голубым ореолом, казалась воплощением самой бури — не человеком, а чем-то древним и неукротимым. Каждый его шаг оставлял на камнях тонкие зловещие трещины, из которых тут же вырывались крошечные искры, пахнувшие озоном и гарью. А в тех местах, где он задерживался хоть на секунду, воздух начинал едва заметно дрожать, будто реальность боялась соприкоснуться с ним.

В стороне не отставали и остальные. Мира, с двумя сверкающими клинками в руках, кружилась в смертоносном танце вокруг могучего бандита. Её движения были точны и грациозны, словно у хищной птицы. Лезвия её оружия сверкали в лучах заходящего солнца, выписывая в воздухе замысловатые узоры: один удар пришёлся по руке противника, лишив его возможности держать меч, следующий — метко поразил плечо, заставив гиганта рухнуть на колени. Бандит попытался контратаковать, но Мира уже оказалась у него за спиной: лёгкий взмах — и клинок оставил на спине врага глубокий порез. При этом она то и дело бросала короткие взгляды на Мартена — не с восхищением, а с настороженным удивлением, словно пыталась понять, что за сила пробудилась в этом странном спутнике, и не обернётся ли она против них самих.

Тобин, сосредоточенно хмурясь, оберегал Грея: он создавал перед ними небольшие магические щиты — те с тихим звоном отбивали стрелы, выпущенные вражескими лучниками. Каждый раз, когда очередная стрела ударялась о барьер, по поверхности щита пробежали золотистые искры, а Тобин едва заметно морщился — поддержание защиты требовало немалых

усилий. Его пальцы быстро складывались в сложные жесты, губы беззвучно шептали заклинания, а глаза, обычно спокойные и добрые, сейчас горели решимостью. Но даже в разгар боя он несколько раз покосился на Мартена, и в его взгляде читалось: «Что же ты такое? И сможем ли мы удержать эту силу, если она выйдет из-под контроля?»

Грей, хладнокровно прицеливаясь, отстреливал тех бандитов, что пытались зайти Мартену в тыл, не давая им ни единого шанса. Его арбалет стрелял почти бесшумно, но каждый выстрел находил цель: один противник схватился за горло и рухнул, второй замер, поражённый стрелой в грудь, третий попытался укрыться за деревом, но Грей уже перезарядил оружие — и следующая стрела настигла его. Лицо лучника оставалось бесстрастным, лишь лёгкая складка между бровей выдавала напряжение. Но когда Мартен в очередной раз вспыхнул голубым светом, Грей на мгновение замер, и в его глазах мелькнуло что-то вроде благоговейного ужаса: он вдруг отчётливо понял, что рядом с ними находится сила, которую нельзя ни приручить, ни предсказать.

Последний из разбойников, увидев, как один за другим падают его товарищи, бросил оружие и бросился прочь. Он бежал, спотыкаясь, не разбирая дороги, лишь бы оказаться подальше от этого места, где обычный на вид путник вдруг обернулся воплощением древней силы.

Мартен остановился, тяжело дыша. Аура вокруг него начала медленно угасать, рассыпаясь искрами, которые таяли в вечернем воздухе. Он огляделся, будто только что очнувшись, и встретился взглядом с товарищами.

Бой закончился так же внезапно, как и начался. Разбойники, не ожидавшие столь яростного отпора, были либо убиты, либо тяжело ранены. Те немногие, кто уцелел, бросились враспынную, спотыкаясь о тела павших товарищей и бросая оружие. Один из них, с рассечённым плечом, полз по земле, хрипло моля о пощаде, пока не скрылся за скалой.

Мартен стоял посреди поляны, тяжело дыша. Его руки всё ещё светились слабым голубым сиянием, которое постепенно угасало, словно догоревшие угли. Пот струился по лицу, рубашка прилипла к спине, а мышцы ныли от напряжения. Он с трудом сглотнул — во рту пересохло, язык казался шершавым и чужим. В голове крутились мысли о том, что произошло: как им удалось справиться с превосходящими силами противника, почему бандиты напали так внезапно и что ждёт их дальше. Он осторожно сжал и разжал пальцы — те покалывало, будто он держал в руках раскалённый металл.

Мира подошла к нему, убрала клинки в ножны и слегка улыбнулась, но улыбка вышла натянутой, а взгляд скользил по его рукам с остатками свечения, не задерживаясь на лице.

— Неплохо сработано, — её голос звучал чуть хрипло от напряжения, но в глазах читалась не только гордость, но и настороженность. Она невольно отступила на полшага, будто опасаясь подойти слишком близко.

Тобин вытер рукавом пот со лба и выдохнул с облегчением, но тут же нахмурился, разглядывая Мартена с профессиональным интересом мага — и с человеческим страхом перед непознанным.

— Думаю, на сегодня хватит приключений. Надо проверить, нет ли ещё засады поблизости. И... — он запнулся, подбирая слова, чтобы не звучать слишком резко, — и разобраться, что это было. Я не уверен, что мы можем позволить себе игнорировать такую... нестабильную силу.

Грей молча перезаряжал арбалет, но его взгляд говорил больше слов: он был готов к новым испытаниям — и к тому, чтобы держать дистанцию. Лучник бросил короткий взгляд на Мартена, затем на свои стрелы, будто прикидывал, хватит ли их, если что-то пойдёт не так. В его глазах читалось: «Если эта сила обернётся против нас, я должен быть готов».

Поляна, ещё недавно наполненная криками и звоном оружия, теперь погрузилась в тишину, нарушаемую лишь треском костра, который они разожгли перед нападением, да далёким криком ночной птицы. В воздухе витал запах железа и дыма, а на камнях темнели пятна

крови. Впереди их ждали новые дороги, новые опасности — но сейчас они могли позволить себе короткий отдых.

«Это было... магия?» — прошептал Мартен, глядя на свои ладони. Свет постепенно угасал, оставляя после себя лишь лёгкое покалывание в пальцах и странное ощущение опустошённости. Он провёл рукой по лбу, смахивая капли пота, и вдруг осознал, насколько устал — будто пробежал десяток лиг без остановки.

Мира, закончив с последним противником — она связала ему руки ремнём, — подошла к Мартену и осторожно коснулась его плеча. Её голос прозвучал мягче, чем раньше, но в нём всё равно слышалась настороженность:

— Ты в порядке? — спросила она, внимательно вглядываясь в его лицо. — Ты выглядел... иначе. Словно не ты. Будто внутри тебя проснулся кто-то другой. И я не уверена, что этот «другой» нам друг.

Мартен медленно кивнул, пытаясь собраться с мыслями:

— Я... не понимаю, что произошло. Я просто хотел защитить Карина. И вдруг... всё изменилось. Я не контролировал это до конца, но чувствовал, что должен действовать.

Тобин подошёл ближе, задумчиво потирая подбородок. В его взгляде читалась смесь научного любопытства и тревоги.

— То, что я видел, — не похоже ни на одну известную мне магию. Это было... первозданно. Как будто ты пробудил что-то древнее, что дремало в тебе годами. И самое тревожное — ты не управлял этим. А сила, которой нельзя управлять, опасна не только для врагов.

Грей наконец закончил с арбалетом и присоединился к разговору:

— Главное, что мы живы, — он бросил взгляд на неподвижное тело Карина. — Но нам стоит заняться Каринем. Он всё ещё без сознания.

Мира тут же встрепенулась:

— Точно! — она быстро направилась к Карину, опустилась рядом с ним на колени и начала осматривать рану. — Нужно перевязать бок и проверить, нет ли переломов.

Мартен подошёл следом, чувствуя, как усталость всё сильнее сковывает движения. Но он знал: сейчас не время отдыхать. Он должен помочь.

— Чем я могу помочь? — тихо спросил он, глядя на Миру.

— Мартен, ты... ты маг? Но почему тогда не показал этого раньше? — в её голосе прозвучала нотка недоверия. Она скрестила руки на груди, невольно отступив ещё на шаг, словно хотела держать между собой и Мартеном хоть небольшое расстояние.

Он покачал головой, всё ещё не в силах прийти в себя:

— Я... я сам не знаю. Это просто... случилось. Я не контролировал это. И мне страшно от того, что я не знаю, повторится ли это снова.

Карин, которого уже привели в чувство — Тобин плеснул ему в лицо водой из фляги, — поднялся с помощью Тобина. Он покачнулся, схватился за бок, где под рубашкой проступало тёмное пятно, но всё же выпрямился и посмотрел на Мартена. В его взгляде читалось не только удивление, но и тень опасения:

— Теперь я понимаю, почему ты так рьяно хотел разобраться в себе. Но, Мартен... если эта сила снова вырвется наружу, ты должен хотя бы попытаться её сдержать. Потому что, если ты не сможешь её контролировать, она может навредить не только врагам. Она может навредить нам. Всем нам.

— Похоже, наш новичок скрывает в себе куда больше, чем мы думали. И, возможно, больше, чем сам осознаёт, — тихо произнёс Карин, и в его голосе прозвучало не восхищение, а тяжёлое, почти обречённое понимание. Грей, собирая стрелы — некоторые пришлось вытаскивать из тел, — присвистнул, но в этот раз звук вышел резким, нервным, будто лезвие чиркнуло по камню. — Да уж, такой силы я ещё не видел. Ты словно молния, Мартен. Только... надеюсь, ты сможешь её контролировать. В следующий раз она может ударить не туда. А может, и по

нам, — добавил он едва слышно, бросив короткий взгляд на свои стрелы, словно прикидывая, хватит ли их, если сила Мартена снова вырвется наружу — и обернётся против своих. Мартен хотел ответить, но вместо этого его колени подогнулись. Он рухнул на землю, словно марионетка, у которой обрезали нити, — резко, безвольно, с глухим стуком ударившись коленями о камни. Попытка опереться на руки оказалась тщетной: те не слушались, мелко дрожали, будто после долгой лихорадки или многочасового изнурительного труда. В висках стучало так, что казалось, будто кровь вот-вот прорвёт кожу, а перед глазами плыли тёмные пятна, то сгущаясь в непроглядную тьму, то рассеиваясь на мгновение, открывая размытые очертания окружающего мира. Он попытался сделать вдох — и с ужасом осознал, что воздух не идёт в лёгкие так, как раньше. Дыхание стало прерывистым, рваным, будто кто-то невидимый сдавил грудь железной хваткой. Каждый новый глоток давался с трудом, сопровождаясь колющей болью где-то под рёбрами. — Я... — начал он, но голос сорвался на хрип. Язык казался тяжёлым и чужим, словно отлитым из свинца. Мартен сглотнул, пытаясь смочить пересохшее горло, но во рту было так сухо, будто он несколько дней брёл по безводной пустыне. Мир вокруг терял чёткость. Фигуры спутников расплывались, превращаясь в цветные пятна: золотистые блики волос Миры, тёмнозелёный плащ Тобина, серая куртка Грея. Их голоса доносились будто изда-лека, сквозь плотный слой ваты. — Эй! — Мира бросилась к нему, опустилась рядом на колени, её пальцы невольно сжались на плече Мартена. — Мартен! Ты как? Он попытался выдавить из себя улыбку, но вышло нечто похожее на гримасу боли. — Всё... нормально... — прошептал он заплетающимся языком. — Просто... ноги не держат. Карин, всё ещё держась за бок, подошёл ближе, нахмурился. В его взгляде читалось не просто удивление — в нём плескался страх, тихий и упрямый, тот самый, что приходит, когда понимаешь: ты стоишь рядом с чем-то, чего не можешь ни измерить, ни обуздать. — Ты только что троих бандитов разметал, как нашкодивших котят, а теперь даже стоять не можешь? — В его голосе прозвучала не насмешка, а встревоженное удивление, почти отчаяние. — Что с тобой происходит, парень? — Не кричите, — Мартен поморщился, хотя никто не кричал. Просто каждый звук отдавался в голове острой вспышкой, словно кто-то вбивал гвозди в виски. Он зажмурился на мгновение, пытаясь унять головокружение. Тобин опустился на корточки с другой стороны. Сосредоточенно нахмурившись, он поднёс руку ко лбу Мартена. Ладонь мага слабо засветилась мягким золотистым светом, пульсируя в такт его дыханию. Он замер на несколько секунд, прислушиваясь к чему-то внутри себя, затем покачал головой, и лицо его стало не просто озадаченным — в нём проступила тревога, холодная и глубокая, как тень над пропастью. — Ни признаков проклятия, ни отравления, — произнёс он. — Истощение — да, сильное. Словно из него выкачали почти всю жизненную силу за несколько мгновений. Такое бывает, если новичок использует заклинание выше своего ранга. Гораздо выше. Но... это не магия. Я не чувствую ни рун, ни фокуса, ни следа чар. Это... нечто иное. — Я не использовал никакого заклинания, — Мартен с трудом сглотнул, горло пересохло. — Я просто... разозлился. И всё. А потом — бац. И они летят. — Просто разозлился, — повторил Карин с сомнением. Он осторожно опустился рядом, невольно поморщившись от боли в ушибленном боку. В его глазах читалось: он хотел верить, что всё просто, но уже не мог. — Мартен, ты только что голыми руками пробил череп здоровому бандиту. С голубым свечением. Это не «просто злость». Это... что-то древнее. И я боюсь, что мы даже не представляем, насколько оно опасно. — Я сам не знаю, что это было, — голос Мартена звучал глухо и устало. — Честно. Я... я вообще ничего не помню до сегодняшнего утра. А теперь ещё и это. Он замолчал, поняв, что сказал лишнего. Но сил притворяться и уклоняться не осталось. Мира вздрогнула, её глаза расширились от тревоги. Она невольно сжала руку Мартена чуть сильнее, будто боялась, что он исчезнет или растворится прямо у неё на глазах. В её взгляде мелькнуло что-то большее, чем страх, — в нём была решимость: она не отпустит его, что бы ни случилось. Грей, стоявший чуть поодаль, переглянулся с Мирой. В его взгляде читалось не только удивление, но и настороженность — он машинально поло-

жил руку на арбалет, словно готовясь к новой угрозе, но не к внешней, а к той, что сидела сейчас прямо перед ним, слабая и беспомощная, но способная в одно мгновение стать разрушительной бурей. Тобин поджал губы, задумчиво потирая подбородок. Его пальцы дрогнули, будто сами собой складываясь в защитный жест, который он тут же распрямил, словно стыдясь собственной слабости. — Это не просто сила, — тихо произнёс он, скорее для себя, чем для остальных. — Это... первозданная энергия. Дикая. Неукротимая. И самое страшное — она не подчиняется правилам. Я никогда не видел ничего подобного. И не хочу видеть снова. Но боюсь, что придётся. Карин медленно, очень медленно кивнул, словно подтверждая какую-то свою догадку, от которой ему становилось только тяжелее. — Ничего не помнишь, значит, — тихо сказал Грей. — Поэтому спрашивал про флакон, будто впервые его видел. Ладно. Об этом поговорим позже. Сейчас главное — привести тебя в порядок. Но... будь готов к тому, что вопросы будут. И не только у нас. — А разбойники? — спросил Грей, кивнув в сторону тел. — Живых свяжем, — распорядился Карин. — Один останется под присмотром, остальных доедем до Грокхарта, сдадим местной страже. Тобин, помоги Мартену дойти до повозки. Мира, осмотри раненых, но далеко не отходи. Вдруг у них были подельники. Или... что-то ещё. Тобин кивнул и осторожно подхватил Мартена под руку. Мира с другой стороны поддерживала его, её пальцы слегка дрожали — не от страха, а от беспокойства за спутника, от ощущения, что она держит в руках не просто человека, а нечто хрупкое и одновременно смертельно опасное. — Держись, — тихо сказала она, помогая ему сделать первый шаг. — Мы рядом. Ты не один. Мартен кивнул, с трудом переставляя ноги. Каждый шаг давался с усилием, но поддержка друзей давала ему силы идти дальше. Он бросил короткий взгляд на Карина — тот, несмотря на собственную рану, шёл следом, готовый в любой момент прийти на помощь. В его глазах читалось: «Я не позволю тебе упасть. Даже если придётся держать тебя силой». В голове Мартена крутились вопросы: что за сила в нём пробудилась? Почему он ничего не помнит? И как теперь жить с этим новым знанием о себе? Но сейчас важнее было одно — он не один. У него появились люди, которые готовы помочь, понять и поддержать. И это давало надежду. — Тяжёлый, зараза, — беззлобно пробормотал маг, пытаясь распределить вес Мартена так, чтобы не напрягать свои уставшие мышцы. — Сам ты зараза, — еле слышно ответил Мартен и попытался улыбнуться, но улыбка вышла бледной и тут же исчезла. Его шаги были неровными, ноги подкашивались, словно он шёл по палубе корабля в сильный шторм. Перед глазами то и дело вспыхивали тёмные пятна. Когда его усадили в повозку, прислонив спиной к ящику с оружием, он почувствовал, как дрожь постепенно утихает, сменяясь глухой, тягучей слабостью. Пальцы всё ещё подрагивали, на коже иногда пробегали едва заметные голубоватые искорки — последние отголоски той силы, что вырвалась наружу. В это время Тобин подошёл к Карину, который всё ещё сидел на земле, тяжело дыша. Маг положил руку ему на грудь, закрыл глаза, сосредоточившись. Через несколько секунд он выдохнул с облегчением: — Карин жив, но потерял сознание от удара. Ничего серьёзного — ушиб и шок. Через час придёт в себя. Мира, услышав это, заметно расслабилась, но её взгляд по-прежнему был прикован к Мартену. Она присела рядом с ним, достала флягу и протянула ему: — Пей. Медленно. Это травяной настой — поможет восстановить силы. Мартен сделал несколько глотков. Тёплая жидкость скользнула по горлу, принося облегчение. Он закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. «Что со мной происходит? — подумал он, чувствуя, как усталость наваливается на плечи. — Я не помню прошлого. Я почти не владею оружием. Но я только что... убил человека. Голыми руками. И чуть не умер от этого». В горле встал ком. Он посмотрел на свои ладони. Обычные руки. Немного грязные, с парой свежих царапин. Ничего необычного. Но где-то глубоко внутри он чувствовал: это только начало. Что-то пробудилось в нём — и оно не собирается засыпать обратно. Мира, заметив его взгляд, тихо сказала: — Ты это не контролируешь, да? Силу, я имею в виду. Мартен покачал головой: — Если бы я мог ею управлять, я бы не лежал сейчас как бревно. И... — он запнулся, — я бы не сделал этому бандиту... так. Он не договорил. Слишком свежи были вос-

поминания: хруст костей под ударом, тёплая липкая жидкость на руках, оседающее тело. То, что произошло за несколько секунд, сейчас вспоминалось как в замедленной съёмке, со всеми ужасающими подробностями — даже то, как глаза разбойника расширились от шока за мгновение до удара, как его дубина выпала из разжавшихся пальцев и покатила по камням. Мартен сглотнул, пытаясь унять подступающую к горлу тошноту. — Первый раз всегда тяжело, — неожиданно мягко сказал Карин, устроившийся напротив. Он сидел, прислонившись к борту повозки, и осторожно ощупывал ушибленный бок. — Даже если это был враг. Даже если он напал первым. Если после этого тебе станет всё равно — тогда пора беспокоиться. А пока ты чувствуешь — значит, ты человек. Мартен поднял на него мутные от усталости глаза. В них читалась не только усталость, но и растерянность, почти детская беспомощность. — Ты же меня почти не знаешь. Откуда ты... откуда ты знаешь, что говорить? Карин криво усмехнулся, погладил ушиблённый бок и вздохнул: — Потому что я тоже кого-то убил в первый раз. Было мне тогда лет семнадцать, в стычке на границе. И тоже потом не мог стоять на ногах. Правда, у меня не было никакой магии. Просто тошнота и трясучка. Три дня потом не мог нормально есть — всё казалось безвкусным. Но со временем... привыкаешь отличать необходимость от жестокости. И учишься бояться не крови, а того, что внутри тебя становится слишком легко её проливать. Повозка качнулась и медленно тронулась. Грей взобрался на место возницы, взял вожжи. — До темноты надо проехать через ущелье, — бросил он через плечо, поглядывая на небо, где уже начали сгущаться сумерки. — Если там ещё кто засел, второй бой мы не вывезем. Мартен сейчас — мешок с костями, а Карин еле дышит. — Спасибо за лесть, — буркнул Карин, но беззлобно. Он поморщился, поудобнее устраиваясь в повозке, и бросил взгляд на Мартена. — Держись, новичок. Дорога длинная. И... если эта штука внутри тебя снова проснётся, постарайся хотя бы крикнуть. Чтобы мы успели отскочить. Мартен откинул голову на ящик, закрыл глаза. Тело гудело, каждый сустав ныл, мышцы словно налились свинцом. В голове вертелись осколки мыслей: «Маг. Я что, маг? Откуда? Почему я этого не помню? И... почему мне так паршиво сейчас, если минуту назад я чувствовал себя всемогущим? Будто из меня выкачали всю жизнь, оставив лишь пустую оболочку». Он невольно сжал пальцы — на коже ещё чувствовалось слабое покалывание, напоминание о голубом сиянии. Рядом тихо переговаривались Мира и Тобин. Мартен почти проваливался в тяжёлое, беспокойное забытьё, но их шёпот пробивался сквозь пелену усталости: — Ты видел такое когда-нибудь? — тихо спросила Мира, её голос дрожал от тревоги. Она то и дело бросала взгляды на Мартена, будто боялась, что сила снова вырвется наружу и унесёт его прочь, оставив на этом месте лишь пустую оболочку. — Нет, — тихо ответил маг. Он задумчиво теревил край своего плаща, хмуро разглядывая Мартена. В его глазах плескалось не просто любопытство — в них была тревога учёного, который впервые увидел явление, не вписывающееся ни в одну из известных ему теорий. И потому особенно пугающее. — И это... меня пугает. Он даже не произнёс ни одного слова. Не использовал фокус. Не чертил руны. Просто... взял и сделал. Маги так не работают. Никто так не работает. Это... как будто сама суть силы, лишённая формы. И я не знаю, к чему это приведёт. — А кто? — прошептала Мира, невольно понизив голос ещё сильнее. Тобин не ответил. Он лишь покачал головой, глядя на горизонт, где ущелье уже виднелось тёмной трещиной между скал. Его пальцы непроизвольно сложились в защитный жест, который он тут же распрямил, словно стыдясь собственной слабости. Но в глубине души он знал: никакие жесты не помогут, если сила Мартена снова вырвется на свободу. Грей, сидевший впереди, крепче сжал вожжи и бросил короткий взгляд назад. Он ничего не сказал, но в его глазах читалось то же беспокойство — смесь осторожности и настороженного восхищения. И ещё — решимость. Если придётся, он защитит своих. Даже от того, кто сидит сейчас в повозке. Мартен почти уснул, но последние мысли перед забытьём были ясными и пугающими: «Что же я такое? И что будет, когда это случится снова?» Где-то далеко за пределами человеческих земель, в крошечной тьме, вспыхнула тонкая серебристая нить. Она дрожала, пульсировала, словно живая, и от неё по тьме

расходились едва уловимые волны, тревожа саму ткань пустоты. Существо замерло. Огромные глаза медленно открылись, и тьма вокруг будто стала ещё гуще, плотнее, словно сама реальность съёжилась от его взгляда. — Это... это чудесно... — прошептало существо, и его голос прозвучал не как звук, а как вибрация, проникающая сквозь любые стены, любые расстояния. Нить дрогнула вновь, и на этот раз её свет стал ярче, заметнее, будто кто-то на другом конце мира сделал глубокий вдох и наполнил её силой. На мгновение в бесконечной тьме показалась улыбка — холодная, хищная, полная предвкушения. — Значит, ты всё же вернулся... — прозвучало в тишине, и каждое слово отдавалось эхом, которое не затихало, а лишь множилось, растекаясь по тёмным уголкам мироздания. Существо тихо рассмеялось — звук был похож на скрежет льда, сталкивающегося с камнем в глухой зимней ночи. — Как долго я ждал этого момента... Как долго... И теперь ты снова здесь. И сила твоя проснулась. О, как сладок этот миг! Скоро, очень скоро мы встретимся. И тогда... тогда всё изменится. Оно протянуло руку, и тьма послушно расступилась, открывая вид на далёкие земли, где по узкой горной дороге медленно катилась повозка. Существо всмотрелось в крошечную фигурку внутри неё, и его улыбка стала шире. — Ты даже не представляешь, кто ты на самом деле. Но скоро узнаешь. И когда это произойдёт... мир уже не будет прежним. — Сзади! Из тени скал, словно порождения самого мрака, выскользнули разбойники в потрёпанных кожаных доспехах. Их лица скрывали капюшоны, а в руках поблескивало оружие: у одного — изогнутый кинжал, у второго — короткий меч, у третьего, самого крупного, — тяжёлая дубина с шипами. Не теряя ни секунды, громила с дубиной бросился прямо на Карина. Тот успел выхватить меч и выставить его в защитном жесте, но удар пришёлся в бок — с глухим стуком Карин отлетел к краю утёса и рухнул на камни, не шевелясь. — Карин! — вскрикнула Мира, хватаясь за кинжал. Время для Мартена словно остановилось. Он уставился на неподвижное тело друга — кровь прилила к вискам, в груди поднялась волна ледяной ярости. Всё вокруг будто поблекло, кроме фигуры разбойника, который теперь ухмылялся, вытирая пот со лба. Громила пнул ногой тело Карина — тот перекатился и остановился прямо у ног Мартена. Этот жест, грубый и издевательский, словно прорвал плотину внутри Мартена: шок сменился острой, обжигающей яростью. Руки сами сжались в кулаки, дыхание участилось. — Ну что, следующий? — хрипло бросил разбойник, поднимая дубину. Его товарищи рассмеялись, медленно приближаясь с двух сторон. Грей уже натягивал тетиву, но один из разбойников метнул кинжал — стрела ушла в сторону, а лучник отпрянул, схватившись за плечо. Мира бросилась вперёд, пытаясь отвлечь нападающих, но второй разбойник преградил ей путь, угрожающе размахивая мечом. Мартен стоял над телом Карина, сжимая и разжимая кулаки. Он не знал, что делать. В голове билась единственная мысль: «Я должен его защитить. Сейчас. Немедленно». Но тело словно застыло — страх, ярость и растерянность боролись внутри, парализуя волю. — Чего замер, новичок? — издевательски бросил громила. — Или ты только по мишеням стрелять умеешь? Слова ударили, как пощёчина. Мартен поднял взгляд — прямо в глаза разбойнику. И в этот момент что-то внутри него щёлкнуло. Он уже не слышал насмешек. В нём прорвалось нечто древнее, дикое, давно дремавшее под слоями забытья. Сначала воздух вокруг задрожал, будто над раскалённым камнем в полдень. Затем по коже пробежали голубые искры — сначала редкие, как первые капли дождя, а потом всё гуще, сплетаясь в мерцающую сеть разрядов. Ладони окутались аурой — не просто светом, а плотной, почти осязаемой энергией, отливающей сапфировым сиянием. Она пульсировала в такт ударам сердца, и с каждым толчком кровь в венах будто наполнялась той же силой. — Что... что это? — прошептал Грей, опуская арбалет. Его глаза расширились от изумления, а пальцы невольно сжались на прикладе — не для выстрела, а чтобы унять дрожь. Мира замерла с клинком в руке, не доведя удар до цели. Она уставилась на Мартена, и в её взгляде читался не только шок, но и первобытный страх — так человек смотрит на разбушевавшуюся стихию, понимая, что перед ним нечто большее, чем просто человек. Тобин резко обернулся, прервав заклинание. Его пальцы застыли в середине жеста, а лицо

побледнело.— Это... невозможно, — выдохнул он. — Такая концентрация чистой энергии... Я никогда не видел ничего подобного. Это не магия в привычном смысле. Это... как будто сама природа взбунтовалась. Грей отступил на шаг, невольно прикрывая плечо, раненное кинжалом.— Он светится, — хрипло произнёс лучник. — Весь. Как... как звезда, упавшая с неба. Но в этом есть что-то неправильное. Слишком много силы для одного человека. С неуловимой, пугающей скоростью Мартен ринулся вперёд. Его движения слились в безумную череду резких рывков, будто кто-то разорвал саму ткань пространства и швырял его тело короткими вспышками из точки в точку. Со стороны это выглядело так, словно реальность вокруг него на доли секунды сминалась, оставляя после каждого скачка едва заметные изломы воздуха — будто трещины на тонком льду. В мгновение ока он оказался рядом с бандитом. Его рука, окутанная густым голубым сиянием, похожим на живое пламя, взметнулась вверх и с чудовищной силой обрушилась на противника. Череп разбойника треснул с отвратительным хрустом, напоминающим звук ломающихся под сапогом сухих веток, а энергия, вырвавшаяся изнутри, взорвалась ослепительной вспышкой. На земле осталось лишь безжизненное тело, вокруг которого медленно таяли мерцающие остаточные всполохи — словно последние отголоски чьего-то крика, застывшие в воздухе. Следующий рывок — и Мартен уже за спиной второго разбойника. Время будто споткнулось: для остальных всё произошло за один судорожный вдох. Светящаяся рука с шипением вонзилась в живот врага, аура на миг вспыхнула ослепительно ярко, исторгнув короткий разряд, похожий на миниатюрную молнию. Энергия прокатилась по телу разбойника, выжигая волю и силы; его глаза закатились, мышцы обмякли — и он рухнул на камни, словно марионетка, чьи нити не просто перерезали, а сожгли дотла. Воздух взорвался криками, лязгом стали и глухими ударами — бой разгорался с новой силой, но теперь взгляды всех уцелевших невольно скользили к Мартену, и в этих взглядах плескался первобытный ужас. Его фигура, окутанная пульсирующим голубым ореолом, казалась воплощением самой бури — не человеком, а чем-то древним и неукротимым. Каждый его шаг оставлял на камнях тонкие зловещие трещины, из которых тут же вырывались крошечные искры, пахнувшие озоном и гарью. А в тех местах, где он задерживался хоть на секунду, воздух начинал едва заметно дрожать, будто реальность боялась соприкоснуться с ним. В стороне не отставали и остальные. Мира, с двумя сверкающими клинками в руках, кружилась в смертоносном танце вокруг могучего бандита. Её движения были точны и грациозны, словно у хищной птицы. Лезвия её оружия сверкали в лучах заходящего солнца, выписывая в воздухе замысловатые узоры: один удар пришёлся по руке противника, лишив его возможности держать меч, следующий — метко поразил плечо, заставив гиганта рухнуть на колени. Бандит попытался контратаковать, но Мира уже оказалась у него за спиной: лёгкий взмах — и клинок оставил на спине врага глубокий порез. При этом она то и дело бросала короткие взгляды на Мартена — не с восхищением, а с настороженным удивлением, словно пыталась понять, что за сила пробудилась в этом странном спутнике, и не обернётся ли она против них самих. Тобин, сосредоточенно хмурясь, оберегал Грея: он создавал перед ними небольшие магические щиты — те с тихим звоном отбивали стрелы, выпущенные вражескими лучниками. Каждый раз, когда очередная стрела ударялась о барьер, по поверхности щита пробегали золотистые искры, а Тобин едва заметно морщился — поддержание защиты требовало немалых усилий. Его пальцы быстро складывались в сложные жесты, губы беззвучно шептали заклинания, а глаза, обычно спокойные и добрые, сейчас горели решимостью. Но даже в разгар боя он несколько раз покосился на Мартена, и в его взгляде читалось: «Что же ты такое? И сможем ли мы удержать эту силу, если она выйдет из-под контроля?» Грей, хладнокровно прицеливаясь, отстреливал тех бандитов, что пытались зайти Мартену в тыл, не давая им ни единого шанса. Его арбалет стрелял почти бесшумно, но каждый выстрел находил цель: один противник схватился за горло и рухнул, второй замер, поражённый стрелой в грудь, третий попытался укрыться за деревом, но Грей уже перезарядил оружие — и следующая стрела настигла его. Лицо лучника оставалось бесстрастным, лишь лёгкая складка между

бровей выдавала напряжение. Но когда Мартен в очередной раз вспыхнул голубым светом, Грей на мгновение замер, и в его глазах мелькнуло что-то вроде благоговейного ужаса: он вдруг отчётливо понял, что рядом с ними находится сила, которую нельзя ни приручить, ни предсказать. Последний из разбойников, увидев, как один за другим падают его товарищи, бросил оружие и бросился прочь. Он бежал, спотыкаясь, не разбирая дороги, лишь бы оказаться подальше от этого места, где обычный на вид путник вдруг обернулся воплощением древней силы. Мартен остановился, тяжело дыша. Аура вокруг него начала медленно угасать, рассыпаясь искрами, которые таяли в вечернем воздухе. Он огляделся, будто только что очнувшись, и встретился взглядом с товарищами. Бой закончился так же внезапно, как и начался. Разбойники, не ожидавшие столь яростного отпора, были либо убиты, либо тяжело ранены. Те немногие, кто уцелел, бросились врассыпную, спотыкаясь о тела павших товарищей и бросая оружие. Один из них, с рассечённым плечом, полз по земле, хрипло моля о пощаде, пока не скрылся за скалой. Мартен стоял посреди поляны, тяжело дыша. Его руки всё ещё светились слабым голубым сиянием, которое постепенно угасало, словно догоревшие угли. Пот струился по лицу, рубашка прилипла к спине, а мышцы ныли от напряжения. Он с трудом слотнул — во рту пересохло, язык казался шершавым и чужим. В голове крутились мысли о том, что произошло: как им удалось справиться с превосходящими силами противника, почему бандиты напали так внезапно и что ждёт их дальше. Он осторожно сжал и разжал пальцы — те покалывало, будто он держал в руках раскалённый металл. Мира подошла к нему, убрала клинки в ножны и слегка улыбнулась, но улыбка вышла натянутой, а взгляд скользил по его рукам с остатками свечения, не задерживаясь на лице. — Неплохо сработано, — её голос звучал чуть хрипло от напряжения, но в глазах читалась не только гордость, но и настороженность. Она невольно отступила на полшага, будто опасаясь подойти слишком близко. Тобин вытер рукавом пот со лба и выдохнул с облегчением, но тут же нахмурился, разглядывая Мартена с профессиональным интересом мага — и с человеческим страхом перед непознанным. — Думаю, на сегодня хватит приключений. Надо проверить, нет ли ещё засады поблизости. И... — он запнулся, подбирая слова, чтобы не звучать слишком резко, — и разобраться, что это было. Я не уверен, что мы можем позволить себе игнорировать такую... нестабильную силу. Грей молча перезаряжал арбалет, но его взгляд говорил больше слов: он был готов к новым испытаниям — и к тому, чтобы держать дистанцию. Лучник бросил короткий взгляд на Мартена, затем на свои стрелы, будто прикидывал, хватит ли их, если что-то пойдёт не так. В его глазах читалось: «Если эта сила обернётся против нас, я должен быть готов». Поляна, ещё недавно наполненная криками и звоном оружия, теперь погрузилась в тишину, нарушаемую лишь треском костра, который они разожгли перед нападением, да далёким криком ночной птицы. В воздухе витал запах железа и дыма, а на камнях темнели пятна крови. Впереди их ждали новые дороги, новые опасности — но сейчас они могли позволить себе короткий отдых. «Это было... магия?» — прошептал Мартен, глядя на свои ладони. Свет постепенно угасал, оставляя после себя лишь лёгкое покалывание в пальцах и странное ощущение опустошённости. Он провёл рукой по лбу, смахивая капли пота, и вдруг осознал, насколько устал — будто пробежал десяток лиг без остановки. Мира, закончив с последним противником — она связала ему руки ремнём, — подошла к Мартену и осторожно коснулась его плеча. Её голос прозвучал мягче, чем раньше, но в нём всё равно слышалась настороженность: — Ты в порядке? — спросила она, внимательно вглядываясь в его лицо. — Ты выглядел... иначе. Словно не ты. Будто внутри тебя проснулся кто-то другой. И я не уверена, что этот «другой» нам друг. Мартен медленно кивнул, пытаясь собраться с мыслями: — Я... не понимаю, что произошло. Я просто хотел защитить Карина. И вдруг... всё изменилось. Я не контролировал это до конца, но чувствовал, что должен действовать. Тобин подошёл ближе, задумчиво потирая подбородок. В его взгляде читалась смесь научного любопытства и тревоги. — То, что я видел, — не похоже ни на одну известную мне магию. Это было... первозданно. Как будто ты пробудил что-то древнее, что дремало в тебе годами. И

самое тревожное — ты не управлял этим. А сила, которой нельзя управлять, опасна не только для врагов. Грей наконец закончил с арбалетом и присоединился к разговору:— Главное, что мы живы, — он бросил взгляд на неподвижное тело Карина. — Но нам стоит заняться Карин. Он всё ещё без сознания. Мира тут же встрепенулась:— Точно! — она быстро направилась к Карину, опустилась рядом с ним на колени и начала осматривать рану. — Нужно перевязать бок и проверить, нет ли переломов. Мартен подошёл следом, чувствуя, как усталость всё сильнее сковывает движения. Но он знал: сейчас не время отдыхать. Он должен помочь. — Чем я могу помочь? — тихо спросил он, глядя на Миру. — Мартен, ты... ты маг? Но почему тогда не показал этого раньше? — в её голосе прозвучала нотка недоверия. Она скрестила руки на груди, невольно отступив ещё на шаг, словно хотела держать между собой и Мартеном хоть небольшое расстояние. Он покачал головой, всё ещё не в силах прийти в себя:— Я... я сам не знаю. Это просто... случилось. Я не контролировал это. И мне страшно от того, что я не знаю, повторится ли это снова. Карин, которого уже привели в чувство — Тобин плеснул ему в лицо водой из фляги, — поднялся с помощью Тобина. Он покачнулся, схватился за бок, где под рубашкой проступало тёмное пятно, но всё же выпрямился и посмотрел на Мартена. В его взгляде читалось не только удивление, но и тень опасения:— Теперь я понимаю, почему ты так рьяно хотел разобраться в себе. Но, Мартен... если эта сила снова вырвется наружу, ты должен хотя бы попытаться её сдержать. Потому что, если ты не сможешь её контролировать, она может навредить не только врагам. Она может навредить нам. Всем нам.

— Похоже, наш новичок скрывает в себе куда больше, чем мы думали. И, возможно, больше, чем сам осознаёт, — тихо произнёс Карин, и в его голосе прозвучало не восхищение, а тяжёлое, почти обречённое понимание. Грей, собирая стрелы — некоторые пришлось вытаскивать из тел, — присвистнул, но в этот раз звук вышел резким, нервным, будто лезвие чиркнуло по камню. — Да уж, такой силы я ещё не видел. Ты словно молния, Мартен. Только... надеюсь, ты сможешь её контролировать. В следующий раз она может ударить не туда. А может, и по нам, — добавил он едва слышно, бросив короткий взгляд на свои стрелы, словно прикидывая, хватит ли их, если сила Мартена снова вырвется наружу — и обернётся против своих. Мартен хотел ответить, но вместо этого его колени подогнулись. Он рухнул на землю, словно марионетка, у которой обрезали нити, — резко, безвольно, с глухим стуком ударившись коленями о камни. Попытка опереться на руки оказалась тщетной: те не слушались, мелко дрожали, будто после долгой лихорадки или многочасового изнурительного труда. В висках стучало так, что казалось, будто кровь вот-вот прорвёт кожу, а перед глазами плыли тёмные пятна, то сгущаясь в непроглядную тьму, то рассеиваясь на мгновение, открывая размытые очертания окружающего мира. Он попытался сделать вдох — и с ужасом осознал, что воздух не идёт в лёгкие так, как раньше. Дыхание стало прерывистым, рваным, будто кто-то невидимый сдавил грудь железной хваткой. Каждый новый глоток давался с трудом, сопровождаясь колющей болью где-то под рёбрами. — Я... — начал он, но голос сорвался на хрип. Язык казался тяжёлым и чужим, словно отлитым из свинца. Мартен сглотнул, пытаясь смочить пересохшее горло, но во рту было так сухо, будто он несколько дней брёл по безводной пустыне. Мир вокруг терял чёткость. Фигуры спутников расплывались, превращаясь в цветные пятна: золотистые блики волос Миры, тёмнозелёный плащ Тобина, серая куртка Грея. Их голоса доносились будто изда-лека, сквозь плотный слой ваты. — Эй! — Мира бросилась к нему, опустилась рядом на колени, её пальцы невольно сжались на плече Мартена. — Мартен! Ты как? Он попытался выдавить из себя улыбку, но вышло нечто похожее на гримасу боли. — Всё... нормально... — прошептал он заплетаящимся языком. — Просто... ноги не держат. Карин, всё ещё держась за бок, подошёл ближе, нахмурился. В его взгляде читалось не просто удивление — в нём плескался страх, тихий и упрямый, тот самый, что приходит, когда понимаешь: ты стоишь рядом с чем-то, чего не можешь ни измерить, ни обуздать. — Ты только что троих бандитов разметал, как нашкодивших котят, а теперь даже стоять не можешь? — В его голосе прозвучала не насмешка,

а встревоженное удивление, почти отчаяние. — Что с тобой происходит, парень? — Не кричите, — Мартен поморщился, хотя никто не кричал. Просто каждый звук отдавался в голове острой вспышкой, словно кто-то вбивал гвозди в виски. Он зажмурился на мгновение, пытаясь унять головокружение. Тобин опустился на корточки с другой стороны. Сосредоточенно нахмурившись, он поднёс руку ко лбу Мартена. Ладонь мага слабо засветилась мягким золотистым светом, пульсируя в такт его дыханию. Он замер на несколько секунд, прислушиваясь к чему-то внутри себя, затем покачал головой, и лицо его стало не просто озадаченным — в нём проступила тревога, холодная и глубокая, как тень над пропастью. — Ни признаков проклятия, ни отравления, — произнёс он. — Истощение — да, сильное. Словно из него выкачали почти всю жизненную силу за несколько мгновений. Такое бывает, если новичок использует заклинание выше своего ранга. Гораздо выше. Но... это не магия. Я не чувствую ни рун, ни фокуса, ни следа чар. Это... нечто иное. — Я не использовал никакого заклинания, — Мартен с трудом сглотнул, горло пересохло. — Я просто... разозлился. И всё. А потом — бац. И они летят. — Просто разозлился, — повторил Карин с сомнением. Он осторожно опустился рядом, невольно поморщившись от боли в ушибленном боку. В его глазах читалось: он хотел верить, что всё просто, но уже не мог. — Мартен, ты только что голыми руками пробил череп здоровому бандиту. С голубым свечением. Это не «просто злость». Это... что-то древнее. И я боюсь, что мы даже не представляем, насколько оно опасно. — Я сам не знаю, что это было, — голос Мартена звучал глухо и устало. — Честно. Я... я вообще ничего не помню до сегодняшнего утра. А теперь ещё и это. Он замолчал, поняв, что сказал лишнего. Но сил притворяться и уклоняться не осталось. Мира вздрогнула, её глаза расширились от тревоги. Она невольно сжала руку Мартена чуть сильнее, будто боялась, что он исчезнет или растворится прямо у неё на глазах. В её взгляде мелькнуло что-то большее, чем страх, — в нём была решимость: она не отпустит его, что бы ни случилось. Грей, стоявший чуть поодаль, переглянулся с Мирой. В его взгляде читалось не только удивление, но и настороженность — он машинально положил руку на арбалет, словно готовясь к новой угрозе, но не к внешней, а к той, что сидела сейчас прямо перед ним, слабая и беспомощная, но способная в одно мгновение стать разрушительной бурей. Тобин поджал губы, задумчиво потирая подбородок. Его пальцы дрогнули, будто сами собой складываясь в защитный жест, который он тут же распрямил, словно стыдясь собственной слабости. — Это не просто сила, — тихо произнёс он, скорее для себя, чем для остальных. — Это... первозданная энергия. Дикая. Неукротимая. И самое страшное — она не подчиняется правилам. Я никогда не видел ничего подобного. И не хочу видеть снова. Но боюсь, что придётся. Карин медленно, очень медленно кивнул, словно подтверждая какую-то свою догадку, от которой ему становилось только тяжелее. — Ничего не помнишь, значит, — тихо сказал Грей. — Поэтому спрашивал про флакон, будто впервые его видел. Ладно. Об этом поговорим позже. Сейчас главное — привести тебя в порядок. Но... будь готов к тому, что вопросы будут. И не только у нас. — А разбойники? — спросил Грей, кивнув в сторону тел. — Живых свяжем, — распорядился Карин. — Один останется под присмотром, остальных доедем до Грокхарта, сдадим местной страже. Тобин, помоги Мартену дойти до повозки. Мира, осмотри раненых, но далеко не отходи. Вдруг у них были поделщики. Или... что-то ещё. Тобин кивнул и осторожно подхватил Мартена под руку. Мира с другой стороны поддерживала его, её пальцы слегка дрожали — не от страха, а от беспокойства за спутника, от ощущения, что она держит в руках не просто человека, а нечто хрупкое и одновременно смертельно опасное. — Держись, — тихо сказала она, помогая ему сделать первый шаг. — Мы рядом. Ты не один. Мартен кивнул, с трудом переставляя ноги. Каждый шаг давался с усилием, но поддержка друзей давала ему силы идти дальше. Он бросил короткий взгляд на Карина — тот, несмотря на собственную рану, шёл следом, готовый в любой момент прийти на помощь. В его глазах читалось: «Я не позволю тебе упасть. Даже если придётся держать тебя силой». В голове Мартена крутились вопросы: что за сила в нём пробудилась? Почему он ничего не помнит? И

как теперь жить с этим новым знанием о себе? Но сейчас важнее было одно — он не один. У него появились люди, которые готовы помочь, понять и поддержать. И это давало надежду. — Тяжёлый, зараза, — беззлобно пробормотал маг, пытаясь распределить вес Мартена так, чтобы не напрягать свои уставшие мышцы. — Сам ты зараза, — еле слышно ответил Мартен и попытался улыбнуться, но улыбка вышла бледной и тут же исчезла. Его шаги были неровными, ноги подкашивались, словно он шёл по палубе корабля в сильный шторм. Перед глазами то и дело вспыхивали тёмные пятна. Когда его усадили в повозку, прислонив спиной к ящику с оружием, он почувствовал, как дрожь постепенно утихает, сменяясь глухой, тягучей слабостью. Пальцы всё ещё подрагивали, на коже иногда пробежали едва заметные голубоватые искорки — последнее отголоски той силы, что вырвалась наружу. В это время Тобин подошёл к Карину, который всё ещё сидел на земле, тяжело дыша. Маг положил руку ему на грудь, закрыл глаза, сосредоточившись. Через несколько секунд он выдохнул с облегчением: — Карин жив, но потерял сознание от удара. Ничего серьёзного — ушиб и шок. Через час придёт в себя. Мира, услышав это, заметно расслабилась, но её взгляд по-прежнему был прикован к Мартену. Она присела рядом с ним, достала флягу и протянула ему: — Пей. Медленно. Это травяной настой — поможет восстановить силы. Мартен сделал несколько глотков. Тёплая жидкость скользнула по горлу, принося облегчение. Он закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. «Что со мной происходит? — подумал он, чувствуя, как усталость наваливается на плечи. — Я не помню прошлого. Я почти не владею оружием. Но я только что... убил человека. Голыми руками. И чуть не умер от этого». В горле встал ком. Он посмотрел на свои ладони. Обычные руки. Немного грязные, с парой свежих царапин. Ничего необычного. Но где-то глубоко внутри он чувствовал: это только начало. Что-то пробудилось в нём — и оно не собирается засыпать обратно. Мира, заметив его взгляд, тихо сказала: — Ты это не контролируешь, да? Силу, я имею в виду. Мартен покачал головой: — Если бы я мог ею управлять, я бы не лежал сейчас как бревно. И... — он запнулся, — я бы не сделал этому бандиту... так. Он не договорил. Слишком свежи были воспоминания: хруст костей под ударом, тёплая липкая жидкость на руках, оседающее тело. То, что произошло за несколько секунд, сейчас вспоминалось как в замедленной съёмке, со всеми ужасающими подробностями — даже то, как глаза разбойника расширились от шока за мгновение до удара, как его дубина выпала из разжавшихся пальцев и покатила по камням. Мартен сглотнул, пытаясь унять подступающую к горлу тошноту. — Первый раз всегда тяжело, — неожиданно мягко сказал Карин, устроившийся напротив. Он сидел, прислонившись к борту повозки, и осторожно ощупывал ушибленный бок. — Даже если это был враг. Даже если он напал первым. Если после этого тебе станет всё равно — тогда пора беспокоиться. А пока ты чувствуешь — значит, ты человек. Мартен поднял на него мутные от усталости глаза. В них читалась не только усталость, но и растерянность, почти детская беспомощность. — Ты же меня почти не знаешь. Откуда ты... откуда ты знаешь, что говорить? Карин криво усмехнулся, погладил ушиблённый бок и вздохнул: — Потому что я тоже кого-то убил в первый раз. Было мне тогда лет семнадцать, в стычке на границе. И тоже потом не мог стоять на ногах. Правда, у меня не было никакой магии. Просто тошнота и трясучка. Три дня потом не мог нормально есть — всё казалось безвкусным. Но со временем... привыкаешь отличать необходимость от жестокости. И учишься бояться не крови, а того, что внутри тебя становится слишком легко её проливать. Повозка качнулась и медленно тронулась. Грей взобрался на место возницы, взял вожжи. — До темноты надо проехать через ущелье, — бросил он через плечо, поглядывая на небо, где уже начали сгущаться сумерки. — Если там ещё кто засел, второй бой мы не вывезем. Мартен сейчас — мешок с костями, а Карин еле дышит. — Спасибо за лесть, — буркнул Карин, но беззлобно. Он поморщился, поудобнее устраиваясь в повозке, и бросил взгляд на Мартена. — Держись, новичок. Дорога длинная. И... если эта штука внутри тебя снова проснётся, постарайся хотя бы крикнуть. Чтобы мы успели отскочить. Мартен откинул голову на ящик, закрыл глаза. Тело гудело, каждый сустав ныл, мышцы словно налились свинцом. В голове вертелись

осколки мыслей: «Маг. Я что, маг? Откуда? Почему я этого не помню? И... почему мне так паршиво сейчас, если минуту назад я чувствовал себя всемогущим? Будто из меня выкачали всю жизнь, оставив лишь пустую оболочку». Он невольно сжал пальцы — на коже ещё чувствовалось слабое покалывание, напоминание о голубом сиянии. Рядом тихо переговаривались Мира и Тобин. Мартен почти проваливался в тяжёлое, беспокойное забытьё, но их шёпот пробивался сквозь пелену усталости:— Ты видел такое когда-нибудь? — тихо спросила Мира, её голос дрожал от тревоги. Она то и дело бросала взгляды на Мартена, будто боялась, что сила снова вырвется наружу и унесёт его прочь, оставив на этом месте лишь пустую оболочку.— Нет, — тихо ответил маг. Он задумчиво теревил край своего плаща, хмуро разглядывая Мартена. В его глазах плескалось не просто любопытство — в них была тревога учёного, который впервые увидел явление, не вписывающееся ни в одну из известных ему теорий. И потому особенно пугающее. — И это... меня пугает. Он даже не произнёс ни одного слова. Не использовал фокус. Не чертил руны. Просто... взял и сделал. Маги так не работают. Никто так не работает. Это... как будто сама суть силы, лишённая формы. И я не знаю, к чему это приведёт.— А кто? — прошептала Мира, невольно понизив голос ещё сильнее. Тобин не ответил. Он лишь покачал головой, глядя на горизонт, где ущелье уже виднелось тёмной трещиной между скал. Его пальцы непроизвольно сложились в защитный жест, который он тут же распрямил, словно стыдясь собственной слабости. Но в глубине души он знал: никакие жесты не помогут, если сила Мартена снова вырвется на свободу. Грей, сидевший впереди, крепче сжал вожжи и бросил короткий взгляд назад. Он ничего не сказал, но в его глазах читалось то же беспокойство — смесь осторожности и настороженного восхищения. И ещё — решимость. Если придётся, он защитит своих. Даже от того, кто сидит сейчас в повозке. Мартен почти уснул, но последние мысли перед забытьём были ясными и пугающими: «Что же я такое? И что будет, когда это случится снова?» Где-то далеко за пределами человеческих земель, в крошечной тьме, вспыхнула тонкая серебристая нить. Она дрожала, пульсировала, словно живая, и от неё по тьме расходились едва уловимые волны, тревожа саму ткань пустоты. Существо замерло. Огромные глаза медленно открылись, и тьма вокруг будто стала ещё гуще, плотнее, словно сама реальность съёжилась от его взгляда.— Это... это чудесно... — прошептало существо, и его голос прозвучал не как звук, а как вибрация, проникающая сквозь любые стены, любые расстояния. Нить дрогнула вновь, и на этот раз её свет стал ярче, заметнее, будто кто-то на другом конце мира сделал глубокий вдох и наполнил её силой. На мгновение в бесконечной тьме показалась улыбка — холодная, хищная, полная предвкушения.— Значит, ты всё же вернулся... — прозвучало в тишине, и каждое слово отдавалось эхом, которое не затихало, а лишь множилось, растекаясь по тёмным уголкам мироздания. Существо тихо рассмеялось — звук был похож на скрежет льда, сталкивающегося с камнем в глухой зимней ночи.— Как долго я ждал этого момента... Как долго... И теперь ты снова здесь. И сила твоя проснулась. О, как сладок этот миг! Скоро, очень скоро мы встретимся. И тогда... тогда всё изменится. Оно протянуло руку, и тьма послушно расступилась, открывая вид на далёкие земли, где по узкой горной дороге медленно катилась повозка. Существо всмотрелось в крошечную фигурку внутри неё, и его улыбка стала шире.— Ты даже не представляешь, кто ты на самом деле. Но скоро узнаешь. И когда это произойдёт... мир уже не будет прежним.

Глава 3

Мартен очнулся от яркого света, безжалостно бившего в глаза. В ушах всё ещё стоял гул — отдалённый шум катящейся повозки, а тело словно налилось свинцом: голова раскалывалась, каждое движение давалось с неимоверным усилием.

Рядом Грей уверенно правил лошадьми, поправляя поводья резкими, но выверенными движениями — в нём чувствовалась привычка держать всё под контролем. Карин, закончив перевязывать ушибленный бок, теперь дремал, слегка покачиваясь в такт движению; время от времени он вздрагивал, будто во сне снова переживал недавнюю схватку, а потом, тихо выдохнув, обмякал, привалившись плечом к борту повозки. Мира напряжённо всматривалась в извилистую лесную дорогу, будто пыталась разглядеть в ней грядущие опасности: её пальцы то и дело сжимались в кулаки, а взгляд метался между деревьями, выискивая малейшее шевеление в тени. А рядом, не сводя с Мартена пристального взгляда, молча сидел Тобин — в его неподвижности было что-то от хищника, выжидающего нужный момент.

— Сколько я спал? — хрипло спросил Мартен, с трудом разлепив пересохшие губы.

— Часа три, — отозвался Тобин. — Карин велел не будить. Ты дышал так ровно, почти пугающе ровно. Я уж подумал... что ты умер. Но нет — просто организм восстанавливается.

Мартен медленно осмотрелся и лишь тогда заметил, что лежит внутри магического круга. Странные символы, выведенные мерцающей руной, оплетали пространство вокруг, будто живая паутина, а на равном расстоянии друг от друга стояли три загадочных кристалла, едва уловимо пульсирующих в такт невидимому ритму — их слабое свечение окрашивало лица спутников в призрачный голубоватый оттенок.

— Что это такое? — удивлённо спросил Мартен, приподнимаясь на локтях.

— Не бойся, — спокойно ответил Тобин. — Этот магический круг создан для распознавания магии — в живом и неживом. Он помогает увидеть то, что скрыто от обычного взгляда.

— И что он показал? — Мартен невольно коснулся виска, где, как ему казалось, до сих пор пульсировала чужая сила.

— Ну, — Тобин сделал небольшую паузу, внимательно следя за реакцией Мартена, — ты не проклят, болезней тоже нет. Но есть остаточное присутствие магии возле головы — словно след давнего заклинания. К тому же у тебя средний уровень магического дара. И да, ты всё ещё крайне истощён.

Тобин замолчал, давая словам осесть в сознании Мартена, а повозка тем временем продолжала мерно катиться вперёд, унося их вглубь леса. Скрип колёс и цокот копыт сливались с шелестом листвы, создавая странный, почти убаюкивающий ритм.

— Ты весьма интересная личность, — произнёс Тобин, задумчиво потирая подбородок. — Способность применять магию без произнесения заклинаний впечатляет, но, должен заметить, о безмолвной магии ты, похоже, не имеешь ни малейшего представления.

— Полагаю, ты вовсе не маг в привычном понимании, — вступила в разговор Мира, внимательно наблюдая за Мартеном. Её голос звучал мягко, но в нём чувствовалась сталь. — Твои проявления силы не соответствуют ни одному из известных мне описаний жрецов, чародеев или целителей. Однако одно я знаю наверняка: тебе необходимо научиться контролировать свой дар. В противном случае очередное неконтролируемое высвобождение энергии может оказаться для тебя фатальным.

В её голосе слышалась искренняя забота, а взгляд выдавал глубокое беспокойство за судьбу Мартена. Она наклонилась чуть вперёд, словно пытаясь заглянуть ему в самую душу, прочесть там ответы на все мучительные вопросы.

— Твоя сила подобна дикому зверю, — продолжила она, подбирая слова с особой тщательностью. — Без должного контроля и дрессировки она может обернуться против тебя

самого. Нужно найти способ обуздать её, направить в правильное русло, прежде чем будет слишком поздно.

Мартен молчал, впитывая каждое слово, осознавая всю серьёзность ситуации. Мира же, словно прочитав его мысли, добавила:

— У тебя есть время, но сколько — я точно сказать не могу.

— Думаю, лучшее, что нужно сделать первым делом, — это научиться использовать малую силу сознательно, — тихо, но твёрдо произнесла Мира. — К тому же ты должен понять, как управлять своей собственной силой. И ещё важно выяснить, представляют ли твои способности опасность для других — скажем, бесконтрольная агрессия и тому подобное.

— Только не увлекайся, — вмешался Грей, бросая настороженный взгляд на Миру. Его голос звучал грубовато, но в нём угадывалась тревога. — Он не твоя подопытная крыса. Хотя, признаюсь, всё произошедшее до сих пор не укладывается у меня в голове.

Их повозка медленно спускалась с горной тропы, постепенно погружаясь в зелёное море леса. Свежий горный воздух, напоённый ароматом хвои и цветущих трав, наполнял лёгкие, даря ощущение чистоты и свободы. Впереди открывался захватывающий вид: изумрудные склоны гор уступали место густым кронам деревьев, а где-то вдалеке, в просветах между стволами, виднелись серебристые ленты горных рек.

Солнце, пробиваясь сквозь листву, рисовало на земле причудливый узор из света и тени. Могучие деревья по сторонам тропы, увитые плющом и мхом, казались древними стражами леса. Вдалеке, на вершине холма, виднелась поляна, где мирно паслись дикие животные.

Извиваясь между деревьями, тропа открывала путникам новые чудеса: то небольшой водопад, то поляну, усыпанную цветами, то прозрачный ручей, сверкающий в солнечных лучах. Шорох листвы, пение птиц и журчание воды сливались в умиротворяющую мелодию. Путешественники невольно замирали, любуясь первозданной красотой леса, застывшей во времени.

— Смотри, — тихо произнесла Мира, указывая на что-то в стороне от тропы. — Видишь тот водопад? Говорят, его воды обладают целебной силой.

Мартен повернул голову и действительно увидел, как между деревьями сверкает серебряная лента падающей воды. Она разбивалась о камни, создавая облако водяной пыли, в котором играли солнечные лучи, создавая радужные блики.

— А там, — продолжил Грей, указывая в другую сторону, — можно увидеть редкий цветок лунной лилии. Он распускается только в полнолуние и обладает удивительным ароматом.

Повозка продолжала свой путь, а путешественники молча любовались открывающимися видами, каждый погружённый в свои мысли о том, какие ещё тайны скрывает этот удивительный мир.

Наконец повозка медленно остановилась у кристально чистого лесного озера. Его воды, словно зеркало, отражали голубое небо и пушистые облака, а вокруг раскинулся густой лес, создавая естественную раму для этого природного чуда. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь кроны деревьев, рисовали на поверхности воды причудливый узор из света и тени. Лёгкий ветерок пробежал по глади озера, чуть рябя отражение, и где-то неподалёку звонко чирикнула птица, будто напоминая, что даже в самой глубокой тишине жизнь не замирает ни на мгновение.

Мартен очнулся от яркого света, безжалостно бившего в глаза. В ушах всё ещё стоял гул — отдалённый шум катящейся повозки, а тело словно налилось свинцом: голова раскалывалась, каждое движение давалось с невероятным усилием.

Рядом Грей уверенно правил лошадьми, поправляя поводья резкими, но выверенными движениями — в нём чувствовалась привычка держать всё под контролем. Карин, закончив перевязывать ушибленный бок, теперь дремал, слегка покачиваясь в такт движению; время от времени он вздрагивал, будто во сне снова переживал недавнюю схватку, а потом, тихо

выдохнув, обмякал, привалившись плечом к борту повозки. Мира напряжённо всматривалась в извилистую лесную дорогу, будто пыталась разглядеть в ней грядущие опасности: её пальцы то и дело сжимались в кулаки, а взгляд метался между деревьями, выискивая малейшее шевеление в тени. А рядом, не сводя с Мартена пристального взгляда, молча сидел Тобин — в его неподвижности было что-то от хищника, выжидающего нужный момент.

— Сколько я спал? — хрипло спросил Мартен, с трудом разлепив пересохшие губы.

— Часа три, — отозвался Тобин. — Карин велел не будить. Ты дышал так ровно, почти пугающе ровно. Я уж подумал... что ты умер. Но нет — просто организм восстанавливается.

Мартен медленно осмотрелся и лишь тогда заметил, что лежит внутри магического круга. Странные символы, выведенные мерцающей руной, оплетали пространство вокруг, будто живая паутина, а на равном расстоянии друг от друга стояли три загадочных кристалла, едва уловимо пульсирующих в такт невидимому ритму — их слабое свечение окрашивало лица спутников в призрачный голубоватый оттенок.

— Что это такое? — удивлённо спросил Мартен, приподнимаясь на локтях.

— Не бойся, — спокойно ответил Тобин. — Этот магический круг создан для распознавания магии — в живом и неживом. Он помогает увидеть то, что скрыто от обычного взгляда.

— И что он показал? — Мартен невольно коснулся виска, где, как ему казалось, до сих пор пульсировала чужая сила.

— Ну, — Тобин сделал небольшую паузу, внимательно следя за реакцией Мартена, — ты не проклят, болезней тоже нет. Но есть остаточное присутствие магии возле головы — словно след давнего заклинания. К тому же у тебя средний уровень магического дара. И да, ты всё ещё крайне истощён.

Тобин замолчал, давая словам осесть в сознании Мартена, а повозка тем временем продолжала мерно катиться вперёд, унося их вглубь леса. Скрип колёс и цокот копыт сливались с шелестом листвы, создавая странный, почти убаюкивающий ритм.

— Ты весьма интересная личность, — произнёс Тобин, задумчиво потирая подбородок. — Способность применять магию без произнесения заклинаний впечатляет, но, должен заметить, о безмолвной магии ты, похоже, не имеешь ни малейшего представления.

— Полагаю, ты вовсе не маг в привычном понимании, — вступила в разговор Мира, внимательно наблюдая за Мартеном. Её голос звучал мягко, но в нём чувствовалась сталь. — Твои проявления силы не соответствуют ни одному из известных мне описаний жрецов, чародеев или целителей. Однако одно я знаю наверняка: тебе необходимо научиться контролировать свой дар. В противном случае очередное неконтролируемое высвобождение энергии может оказаться для тебя фатальным.

В её голосе слышалась искренняя забота, а взгляд выдавал глубокое беспокойство за судьбу Мартена. Она наклонилась чуть вперёд, словно пытаясь заглянуть ему в самую душу, прочесть там ответы на все мучительные вопросы.

— Твоя сила подобна дикому зверю, — продолжила она, подбирая слова с особой тщательностью. — Без должного контроля и дрессировки она может обернуться против тебя самого. Нужно найти способ обуздать её, направить в правильное русло, прежде чем будет слишком поздно.

Мартен молчал, впитывая каждое слово, осознавая всю серьёзность ситуации. Мира же, словно прочитав его мысли, добавила:

— У тебя есть время, но сколько — я точно сказать не могу.

— Думаю, лучшее, что нужно сделать первым делом, — это научиться использовать малую силу сознательно, — тихо, но твёрдо произнесла Мира. — К тому же ты должен понять, как управлять своей собственной силой. И ещё важно выяснить, представляют ли твои способности опасность для других — скажем, бесконтрольная агрессия и тому подобное.

— Только не увлекайся, — вмешался Грей, бросая настороженный взгляд на Миру. Его голос звучал грубовато, но в нём угадывалась тревога. — Он не твоя подопытная крыса. Хотя, признаюсь, всё произошедшее до сих пор не укладывается у меня в голове.

Их повозка медленно спускалась с горной тропы, постепенно погружаясь в зелёное море леса. Свежий горный воздух, напоённый ароматом хвои и цветущих трав, наполнял лёгкие, даря ощущение чистоты и свободы. Впереди открывался захватывающий вид: изумрудные склоны гор уступали место густым кронам деревьев, а где-то вдалеке, в просветах между стволами, виднелись серебристые ленты горных рек.

Солнце, пробиваясь сквозь листву, рисовало на земле причудливый узор из света и тени. Могучие деревья по сторонам тропы, увитые плющом и мхом, казались древними стражами леса. Вдалеке, на вершине холма, виднелась поляна, где мирно паслись дикие животные.

Извиваясь между деревьями, тропа открывала путникам новые чудеса: то небольшой водопад, то поляну, усыпанную цветами, то прозрачный ручей, сверкающий в солнечных лучах. Шорох листвы, пение птиц и журчание воды сливались в умиротворяющую мелодию. Путешественники невольно замирали, любуясь первозданной красотой леса, застывшей во времени.

— Смотри, — тихо произнесла Мира, указывая на что-то в стороне от тропы. — Видишь тот водопад? Говорят, его воды обладают целебной силой.

Мартен повернул голову и действительно увидел, как между деревьями сверкает серебряная лента падающей воды. Она разбивалась о камни, создавая облако водяной пыли, в котором играли солнечные лучи, создавая радужные блики.

— А там, — продолжил Грей, указывая в другую сторону, — можно увидеть редкий цветок лунной лилии. Он распускается только в полнолуние и обладает удивительным ароматом.

Повозка продолжала свой путь, а путешественники молча любовались открывающимися видами, каждый погружённый в свои мысли о том, какие ещё тайны скрывает этот удивительный мир.

Наконец повозка медленно остановилась у кристально чистого лесного озера. Его воды, словно зеркало, отражали голубое небо и пушистые облака, а вокруг раскинулся густой лес, создавая естественную раму для этого природного чуда. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь кроны деревьев, рисовали на поверхности воды причудливый узор из света и тени. Лёгкий ветерок пробежал по глади озера, чуть рябя отражение, и где-то неподалёку звонко чирикнула птица, будто напоминая, что даже в самой глубокой тишине жизнь не замирает ни на мгновение.

— Нужно дать лошадям отдохнуть, — произнесла Мира, спрыгивая на землю. Её голос звучал мягко, почти нежно, словно она боялась нарушить чарующую тишину леса. — Карин, как ты себя чувствуешь? — Нормально, — ответил стражник, морщась от боли в боку. — Только бок ещё побаливает. Он подошёл к Мартену и, стараясь не показывать слабость, положил руку ему на плечо. — Ты как, нормально себя чувствуешь? Мартен глубоко вздохнул, его руки предательски задрожали. Перед глазами всё ещё стояли картины недавнего боя, мёртвые тела разбойников, застывшие в неестественных позах. — Не совсем, — тихо признался он. — Я до сих пор не могу поверить, что убил человека. Его голос дрогнул, а в глазах отразился глубокий внутренний конфликт. Мира, заметив это, подошла ближе, её взгляд был полон сочувствия и понимания. Вокруг царила удивительная тишина, нарушаемая лишь плеском воды, щебетом птиц и шелестом листвы. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву, создавали на поверхности озера причудливый танец света. В воздухе витал свежий аромат хвои и цветущих трав, а лёгкий ветерок приносил с собой прохладу. Карин, заметив состояние Мартена, мягко сказал: — То, что ты чувствуешь — это нормально. Любой человек, впервые взявший на себя чужую жизнь, испытывает подобное. Это значит, что ты всё ещё остаёшься человеком, а не бездушной машиной для убийств. Мира кивнула, соглашаясь с его словами. — Главное

— научиться жить с этим, — добавила она. — И не позволить этому чувству поглотить тебя целиком. — может мне попробовать мне научить контролировать свою силу- встрял тобин — Ты предлагаешь тренировать парня, который час назад вырубился после того, как убил троих? А если он снова сорвётся — и на нас? — хмуро возразил Грей. — Я за него отвечаю. Но ты прав, — кивнул Карин. — Мартен, если почувствуешь, что теряешь контроль, сразу говори. И не обегайся, но в крайнем случае нам придётся тебя убить. — мы будем рядом . На всякий случай, — тихо добавила Мира. Мартен поднял глаза на озеро, в его глубине отражались облака, словно застывшие в вечном танце. Вода казалась такой спокойной и умиротворяющей, но в то же время в ней таилась какая-то загадочная сила, способная исцелить не только тело, но и душу. — Спасибо, — прошептал он, чувствуя, как тяжесть в груди немного отступает. — Спасибо вам обоим. В этот момент Грей, который всё это время осматривал окрестности, вернулся к группе. — Здесь безопасно, — сообщил он. — Можно устроить привал и дать всем отдохнуть. И пока остальные занимались приготовлениями к отдыху, Мартен сидел у воды, глядя на её спокойную гладь, пытаясь найти в себе силы принять то, что произошло, и двигаться дальше. Тобин осторожно приблизился к Мартену, выбирая место у кромки воды, где их разговор не мог быть услышан посторонними. Его взгляд был сосредоточен и серьёзен. — Мартен, — начал он негромко, — нам нужно поговорить о твоей силе. Они отошли немного в сторону, где прибрежные камыши создавали естественный занавес от любопытных глаз. Вода тихо плескалась о берег, отражая облака, плывущие по небу. Лёгкий ветерок шевелил тростники, создавая едва слышный шелест. — Это твой первый опыт использования магии? — спросил Тобин, внимательно наблюдая за реакцией Мартена. — Возможно, — Мартен опустил взгляд, его голос звучал неуверенно. — Я почти ничего не помню из своего прошлого. Тобин кивнул, словно ожидал такого ответа. — Потеря памяти может многое объяснить. Но сейчас важнее другое. Готов ли ты научиться контролировать свои способности? Научиться распределять энергию по телу — это основа основ. Мартен глубоко вздохнул, его руки слегка дрожали. — Я... да, конечно. Но что ты собираешься делать? — Мы начнём с малого, — улыбнулся Тобин. — Закрой глаза и сосредоточься на дыхании. Представь, как энергия течёт от сердца к кончикам пальцев, затем возвращается обратно. Медленно, плавно, без рывков. Мартен закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Он попытался представить поток энергии — сначала едва уловимый, затем всё более ощутимый. Тёплая волна прокатилась по рукам, коснулась плеч, опустилась к животу. — Хорошо, — тихо произнёс Тобин. — Теперь попробуй направить её к коже. Представь, что она обволакивает тебя тонким защитным слоем. Не напрягайся, просто позволь энергии течь. скорректируй под правил литрес сделай обучение чуть более живым

— Нужно дать лошадям отдохнуть, — произнесла Мира, спрыгивая на землю. Её голос звучал мягко, почти нежно, словно она боялась нарушить чарующую тишину леса. — Карин, как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — ответил стражник, морщась от боли в боку и невольно прижимая ладонь к перевязи. — Только бок ещё побаливает, будто кто-то раскалённым прутом по рёбрам водит.

Он подошёл к Мартену и, стараясь не показывать слабость, положил руку ему на плечо — пальцы у Карина были грубыми, мозолистыми, но прикосновение вышло удивительно бережным.

— Ты как, нормально себя чувствуешь? — спросил он, чуть наклоняясь, чтобы поймать взгляд Мартена.

Мартен глубоко вздохнул, и его руки предательски задрожали — не от холода, а от того, как сильно внутри всё сжималось. Перед глазами всё ещё стояли картины недавнего боя: мёртвые тела разбойников, застывшие в неестественных позах, блеск стали, тяжёлый запах крови, перебивавший даже аромат хвои. Он слотнул, пытаясь прогнать этот образ, но тот цеплялся, как колючка.

— Не совсем, — тихо признался он, опустив взгляд. — Я до сих пор не могу поверить, что убил человека.

Его голос дрогнул, а в глазах отразился глубокий внутренний конфликт — будто в нём боролись два существа: одно хотело просто быть, дышать, смотреть на озеро, а второе знало, что теперь оно навсегда другое.

Мира, заметив это, подошла ближе. Её взгляд был полон сочувствия и понимания, но в нём не было жалости — только тихое признание чужой боли.

Вокруг царила удивительная тишина, нарушаемая лишь плеском воды, щебетом птиц и шелестом листвы. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву, создавали на поверхности озера причудливый танец света — будто сама вода пыталась утешить, переливаясь и играя. В воздухе витал свежий аромат хвои и цветущих трав, а лёгкий ветерок приносил с собой прохладу, слегка остужая разгорячённую кожу.

Карин, заметив состояние Мартена, мягко сказал:

— То, что ты чувствуешь — это нормально. Любой человек, впервые взявший на себя чужую жизнь, испытывает подобное. Это значит, что ты всё ещё остаёшься человеком, а не бездушной машиной для убийств.

Мира кивнула, соглашаясь с его словами, и чуть склонила голову, будто подбирая самые верные фразы:

— Главное — научиться жить с этим. И не позволить этому чувству поглотить тебя целиком. Иначе оно станет якорем, который не даст двигаться дальше.

— Может, мне попробовать научиться контролировать свою силу? — встрял Тобин, подавшись вперёд. В его голосе не было азарта — только спокойная уверенность человека, который знает, что делает.

— Ты предлагаешь тренировать парня, который час назад вырубился после того, как убил троих? — хмуро возразил Грей, скрестив руки на груди. Его взгляд метался между Мартеном и Тобином, будто он уже просчитывал худшие сценарии. — А если он снова сорвётся — и на нас?

— Я за него отвечаю, — спокойно кивнул Тобин.

— Но ты прав, — добавил Карин, переводя взгляд с одного на другого. — Мартен, если почувствуешь, что теряешь контроль, сразу говори. И не обижайся, но в крайнем случае нам придётся тебя остановить.

— Мы будем рядом. На всякий случай, — тихо добавила Мира, и в её словах прозвучала не угроза, а обещание: они не оставят его одного, даже если придётся стать преградой.

Мартен поднял глаза на озеро. В его глубине отражались облака, словно застывшие в вечном танце. Вода казалась такой спокойной и умиротворяющей, но в то же время в ней таилась какая-то загадочная сила — будто озеро знало все тайны мира и готово было поделиться ими, если только научиться слушать. Ему вдруг захотелось коснуться этой воды, смыть с себя тяжесть, но он понимал: никакая вода не смоет то, что осталось внутри.

— Спасибо, — прошептал он, чувствуя, как тяжесть в груди немного отступает — не исчезает, но становится чуть легче, словно кто-то взял часть этого груза на себя. — Спасибо вам всем.

В этот момент Грей, который всё это время осматривал окрестности, вернулся к группе, стряхивая с рукава прилипшую хвоинку.

— Здесь безопасно, — сообщил он. — Можно устроить привал и дать всем отдохнуть.

И пока остальные занимались приготовлениями к отдыху — распрягали лошадей, раскладывали одеяла, проверяли припасы, — Мартен сидел у воды, глядя на её спокойную гладь, пытаясь найти в себе силы принять то, что произошло, и двигаться дальше. Он не хотел быть монстром, но и не знал, как остаться просто человеком, когда внутри живёт сила, которую он не понимает.

Тобин осторожно приблизился к Мартену, выбирая место у кромки воды, где их разговор не мог быть услышан посторонними. Его шаги были почти бесшумными, будто он сам стал частью этого леса. Взгляд Тобина был сосредоточен и серьёзен, но в нём мелькнуло что-то ещё — лёгкое любопытство, смешанное с ответственностью.

— Мартен, — начал он негромко, — нам нужно поговорить о твоей силе. Не о том, как её использовать, а о том, как не дать ей использовать тебя.

Они отошли немного в сторону, где прибрежные камыши создавали естественный занавес от любопытных глаз. Вода тихо плескалась о берег, отражая облака, плывущие по небу, словно маленькие кораблики в бескрайнем море. Лёгкий ветерок шевелил тростники, создавая едва слышный шелест — будто лес шептал им свои секреты.

— Это твой первый опыт использования магии? — спросил Тобин, внимательно наблюдая за реакцией Мартена. Он не смотрел на него в упор — это могло бы смутить, — а скорее следил за малейшими изменениями: как дрогнет уголок рта, как напрягутся плечи, как сузятся зрачки.

— Возможно, — Мартен опустил взгляд, его голос звучал неуверенно, будто каждое слово приходилось выковыривать из себя. — Я почти ничего не помню из своего прошлого. Только обрывки: чьи-то голоса, тёмные коридоры, ощущение холода... и ещё — чувство, будто я всегда был не таким, как все.

Тобин кивнул, словно ожидал такого ответа, и чуть наклонил голову, обдумывая услышанное.

— Потеря памяти может многое объяснить. Но сейчас важнее другое. Готов ли ты научиться контролировать свои способности? Научиться распределять энергию по телу — это основа основ. Без этого любая магия — как огонь в соломенном доме: согреет, но и сожжёт дотла.

Мартен глубоко вздохнул, его руки слегка дрожали — то ли от усталости, то ли от волнения перед тем, что предстояло.

— Я... да, конечно. Но что ты собираешься делать? — спросил он, поднимая глаза на Тобина. В этом взгляде было не только доверие, но и страх: страх ошибиться, навредить, снова потерять контроль.

— Мы начнём с малого, — улыбнулся Тобин — не широко, а едва заметно, так, чтобы эта улыбка не выглядела легкомысленной. — Закрой глаза и сосредоточься на дыхании. Представь, как энергия течёт от сердца к кончикам пальцев, затем возвращается обратно. Медленно, плавно, без рывков. Не пытайся её схватить — позволь ей просто быть.

Мартен закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Воздух пах лесом, сыростью, свежестью — и это помогало держаться за реальность. Он попытался представить поток энергии — сначала едва уловимый, как дуновение ветра, затем всё более ощутимый, тёплый, живой. Тёплая волна прокатилась по рукам, коснулась плеч, опустилась к животу, и на мгновение ему показалось, что он чувствует, как внутри что-то шевелится, пробуждается, отзывается на его волю.

— Хорошо, — тихо произнёс Тобин, его голос звучал ровно, без лишних эмоций, но в нём слышалось одобрение. — Теперь попробуй направить её к коже. Представь, что она обволакивает тебя тонким защитным слоем — как шёлковая ткань, лёгкая, но прочная. Не напрягайся, просто позволь энергии течь. Если почувствуешь жар или покалывание — не пугайся. Это нормально. Это значит, что она откликается.

Мартен сжал и разжал кулаки, пытаясь уловить это ощущение. И вдруг — едва заметное тепло разлилось по коже, будто его окутало невидимое покрывало. Он не знал, было ли это на самом деле или просто игра воображения, но впервые за долгое время он почувствовал, что не совсем беспомощен перед своей силой.

Мартен сосредоточился, стараясь не думать ни о тревожных взглядах товарищей, ни о тяжести ответственности, которая вдруг легла на плечи. Внезапно он почувствовал странное

покалывание — словно тысячи крошечных иголочек коснулись кожи. Поверхность тела стала необычно плотной, упругой, будто покрылась невидимой бронёй.

— Что это? — удивлённо прошептал он, открыв глаза и глядя на свою ладонь, будто ожидал увидеть на ней какие-то перемены.

— Похоже, ты случайно активировал усиление кожи, — Тобин приподнял бровь, и в его взгляде мелькнуло не просто любопытство, а азарт исследователя, который наконец-то увидел подтверждение своей теории. Он тут же сдержал этот порыв, опустил плечи и добавил уже спокойнее: — Нестабильное, кратковременное — секунд на десять, не больше. Но для первого раза впечатляюще!

Мартен сжал кулак и осторожно ударил по стволу ближайшего дерева. Древесина треснула, но его рука осталась невредимой. Кожа всё ещё сохраняла необычную плотность, хотя ощущение уже начало угасать, словно тёплая вода вытекала сквозь пальцы. Через несколько мгновений эффект полностью пропал.

— Как ты это сделал? — поражённо спросил Мартен, разглядывая ладонь так, будто она принадлежала кому-то другому.

— Ты не сделал, а открыл, — поправил Тобин, и на секунду в его голосе проскользнула лёгкая гордость, тут же спрятанная за привычной сдержанностью. — Это побочный эффект правильного распределения энергии. Тело само отреагировало, создав временный барьер. Но учти: пока это нестабильно. Нужно тренироваться, чтобы научиться вызывать этот эффект осознанно и удерживать его дольше.

В этот момент к ним подошли остальные. Карин шёл первым, слегка прихрамывая — он старался не подавать виду, но после недавней схватки бок всё ещё давал о себе знать. Каждый шаг отдавался тупой болью, и он невольно касался перевязи, будто проверяя, на месте ли она. Мира держалась чуть позади, её взгляд был острым, цепким, выхватывающим каждую деталь: трещину на дереве, напряжённые плечи Мартена, едва заметную улыбку Тобина. Грей замыкал группу, скрестив руки на груди и хмуро оглядывая поляну, будто в любой момент ожидал появления новой угрозы.

— Что здесь происходит? — настороженно спросил Карин, заметив трещину на стволе. Его голос звучал твёрдо, но в нём слышалась усталость — не только физическая, но и та, что приходит от постоянной необходимости быть настороже.

— Тренировка, — спокойно ответил Тобин. — Мартен только что случайно открыл способность к временному усилению кожи.

Мира подошла ближе и внимательно осмотрела ствол, провела пальцами по трещине, словно пытаясь на ощупь понять природу этой силы.

— Впечатляет, — сказала она, но в её голосе звучало не восхищение, а беспокойство. — Но десять секунд — это мало. А если он попытается усилить кожу в бою, а эффект пропадёт в самый неподходящий момент? Это может стоить ему жизни.

Грей хмыкнул, и этот короткий звук прозвучал как приговор.

— Тобин, ты уверен, что это безопасно? — спросил он, не сводя с мага пристального взгляда. — Мы только начали понимать, на что способен Мартен. А ты уже ставишь эксперименты. Что, если следующий «побочный эффект» окажется чем-то более опасным?

— Грей прав, — поддержал Карин, и в этот раз в его словах было не столько недоверие, сколько желание защитить того, кто ещё не научился защищать себя. Он слегка поморщился, поправляя ремень, и добавил: — Мы не знаем, как его сила взаимодействует с другими видами магии. Вдруг это усиление кожи — лишь вершина айсберга, и дальше пойдут эффекты, которые мы не сможем контролировать?

Тобин поднял руки в примирительном жесте, но в его глазах мелькнуло упрямство — то самое, что годами заставляло его идти туда, где другие разворачивались и уходили.

— Понимаю ваши опасения, — сказал он, и голос его звучал искренне. — Но без практики мы никогда не узнаем пределов его способностей. Я контролирую процесс. Мы будем двигаться постепенно, шаг за шагом. Сейчас главное — научить Мартена базовому распределению энергии. Усиление кожи — это случайность, а не цель тренировки.

— Случайность, которая может привести к беде, — буркнула Мира, но в её словах не было злости, только тревога, которую она не умела прятать. — Мартен, ты сам-то как? Готов продолжать? Или хочешь сделать паузу?

Карин шагнул чуть вперёд, заслоняя собой часть пространства, будто хотел стать между Мартеном и любой возможной опасностью.

— Если хочешь, можем отложить, — тихо сказал он. — Я знаю, каково это — когда тело ноет, а голова кружится от усталости. Иногда лучше просто посидеть, подышать, дать себе время.

Он произнёс это так просто, без пафоса, что Мартен невольно улыбнулся. В этом жесте было что-то от старшего брата, который не станет ругать за слабость, но и не позволит ей победить.

Мартен на мгновение задумался, сжал и разжал кулак, всё ещё ощущая отголоски необычного состояния — будто где-то под кожей ещё теплился слабый импульс.

— Я готов тренироваться, — твёрдо сказал он. — Если это поможет мне лучше контролировать силу, я готов рискнуть. Но... — он посмотрел на Тобина, и в этом взгляде была просьба не о снисхождении, а о честности, — давай будем осторожнее. Я не хочу навредить кому-то из вас или себе.

Тобин серьёзно кивнул, и на этот раз в его лице не было ни азарта, ни самодовольства — только спокойная решимость.

— Договорились. Безопасность — наш приоритет. Мы будем действовать медленно и внимательно. Начнём с простых упражнений на распределение энергии, без попыток повторить усиление кожи.

Грей вздохнул, но плечи его чуть расслабились, и он опустил руки.

— Ладно. Но если я увижу, что Мартену становится хуже, мы сразу останавливаемся. Мира, ты со мной?

— Конечно, — кивнула Мира, и её взгляд стал чуть мягче. — Будем следить за каждым шагом.

Карин положил руку на плечо Мартена — не сильно, но твёрдо, так, чтобы тот почувствовал, что стоит не один.

— Мы рядом, друг. Если почувствуешь что-то странное — сразу говори. Не геройствуй.

Мартен улыбнулся, чувствуя, как тяжесть в груди становится чуть легче — не потому, что страх ушёл, а потому, что теперь он был не один на один с ним.

— Спасибо. Тогда... продолжим?

Тобин улыбнулся в ответ — не широко, а едва заметно, так, что эта улыбка предназначалась только Мартену.

— Да. Сосредоточься снова, Мартен. На этот раз просто почувствуй поток энергии. Никаких экспериментов — только повторение основы. Дыши ровно, слушай своё тело... и не пытайся его обмануть. Оно знает больше, чем ты думаешь.

Глава 4

Путешествие понемногу подходило к своему концу. Лес, который сопровождал путников на протяжении многих дней, наконец закончился — за его кромкой раскинулось просторное поле, усыпанное высокой серебристо-зелёной травой. Она колыбалась под лёгким ветром, словно бескрайнее море, переливаясь в лучах послеполуденного солнца, будто сотканное из тысяч мерцающих нитей полотна. Вдали, примерно в пяти километрах, чётко вырисовывались городские стены. В отличие от укреплений предыдущего города, эти были значительно выше и массивнее — сложенные из огромных тёмносерых блоков, они казались почти неприступными, словно воздвигнутыми самой землёй в порыве древней магии. Стены простирались на много вёрст в обе стороны, огибая город широкой дугой, словно гигантские объятия, готовые защитить или поглотить. За ними, возвышаясь над остальными зданиями, виднелась крепость — её мощные башни и зубчатые стены чётко выделялись на фоне неба, напоминая о былой славе и несокрушимой воле предков. Путники замедлили ход. Конь Карина, уже изрядно уставший после долгого пути, шёл медленно, тяжело дыша и периодически встряхивая головой, будто пытаясь сбросить с себя груз усталости. Его бока вздымались, а на шерсти проступали тёмные пятна пота, блестевшие на солнце. Грей, ехавший рядом, бросил взгляд на животное и тихо пробормотал:— Ещё немного, дружище, держись. Когда город стал отчётливо виден во всех деталях — с его сторожевыми башнями, узкими проходами между стенами и дымом, поднимающимся из труб домов, — Грей повернулся к Карину и негромко произнёс, будто рассуждая вслух, а не всерьёз предлагая:— Слушай, Карин, а зачем мы вообще везём этого бандита с собой? Может, мне его быстро прикончить? Он всю дорогу настроение портит — только и делает, что бормочет что-то себе под нос да косится на нас. Карин задумчиво глядел на приближающиеся стены, но в его взгляде мелькнула не просто сосредоточенность — в нём читалась усталость от бесконечных решений и одновременно азарт охотника, который вот-вот загонит добычу. Он покачал головой, чуть скривив губы в горькой усмешке:— Нет, Грей. Хотя он и сам мне порядком настроение испортил, я не стану убивать пленного. Но... есть у меня предложение. Мира, ты можешь допросить этого мерзавца. Если откажется говорить — можешь воспользоваться вот этим. — С этими словами он протянул Мире небольшой стеклянный флакон с яркокрасной жидкостью, запечатанный тёмной смолой, и добавил чуть тише, почти одними губами: — Знаю, это жёстко. Но сейчас не время для благородства. Мира взяла флакон, внимательно его рассмотрела и удивлённо подняла брови:— Это же «адская боль»... Оно запрещено в продаже! Где ты его достал?— Да нашёл у одного из бандитов, — небрежно ответил Карин, но в голосе проскользнула тень чего-то большего — не просто находчивости, а расчёта, отточенного годами. — Никто же не против, если Мира использует это на преступнике в случае чего?— Никто, — ответили все вразнобой. Допрос прошёл жёстко, но без излишней жестокости — у Карина был опыт в таких делах. Он не стал сразу пугать пленника флаконом, а начал с вопросов, задавая их ровным, спокойным голосом, но так, чтобы тот понимал: шутки кончились, время игр и уловок миновало. Сначала бандит упирался, отмалчивался, пытался юлить, бросая злобные взгляды исподлобья. Но когда Карин упомянул, что знает о его связях с северными варварами, тот заметно побледнел, и его руки невольно задрожали. — Ты думаешь, мы не понимаем, кто ты такой? — импровизировал Карин, чуть наклоняясь вперёд, так что тень легла на его лицо, придавая ему почти зловещий вид. — Вы не случайная шайка. Вы — наёмники северных варваров. И ваша задача — перекрыть все горные тропы к Грокхарту. Чтобы ни подкрепление, ни припасы не прошли. Пленник сглотнул, но всё ещё пытался отрицать, судорожно ища выход из ловушки. Тогда Карин сделал знак Мире. Она молча взяла флакон, откупорила его и поднесла к носу бандита. Едва уловимый запах жжёного перца и серы ударил в ноздри, заставляя его содрогнуться. Лицо пленника исказилось — он явно знал, что это за зелье, и ужас

перед ним затмил остатки упрямства.— В этом году варвары действуют иначе, — продолжил напирать Карин, теперь уже не скрывая в голосе стальной нотки. — Они не просто грабят. Они решили взять город измором: отрезать снабжение, дожидаться голода и страха, а потом добить. Ты это знал? Бандит, наконец, сломался. Он кивнул и начал говорить — сбивчиво, но подробно. Он рассказал о том, как их отряд получил приказ занять ключевые перевалы, о том, что варвары ждут, пока запасы в городе иссякнут, и о том, что следующая группа уже движется к восточным тропам. Карин выслушал всё до конца, затем кивнул своим спутникам, но в этом кивке было не просто согласие — в нём чувствовалась тяжесть принятого решения:— Теперь нам необходимо двигаться дальше. Чем быстрее доберёмся, тем лучше. — Карин поднялся и потянул поводья, разворачивая коня, и на мгновение его взгляд скользнул по лицам спутников, словно он хотел убедиться, что все готовы к тому, что ждёт впереди.— А откуда ты знал, что варвары действуют иначе? — спросила Мира, забираясь в повозку, но в её голосе звучало не столько любопытство, сколько беспокойство — не за себя, а за тех, кто доверился Карину.— Да так, просто предположил, опираясь на то, что мне известно, — Карин хлестнул вожжами, но тут же, будто смягчая резкость жеста, тихо добавил: — Но теперь мы везём не просто оружие. Мы везём сведения. И это куда опаснее. Лошади рванули с места, и повозка затряслась на каменистой дороге, подпрыгивая на камнях и разбрасывая мелкие камешки в стороны.— Думаешь, в Грокхарте нас уже ждут? — Грей передёрнул затвор арбалета, проверяя готовность оружия, его пальцы слегка дрожали от напряжения, но сам он смотрел куда-то вдаль, будто стараясь не замечать суеты вокруг, отстраняясь от всего, кроме своей задачи.— Если нет — придётся объяснять, — коротко ответил Карин. Мартен молчал. Он сидел, привалившись к ящику с копьями, и задумчиво разглядывал свои ладони. Голубое свечение давно погасло, пальцы больше не дрожали. Но внутри оставалось странное, непривычное ощущение — словно под кожей заснул зверь, который в любой момент может проснуться, пробудившись от шёпота древних сил. «Проснётся ли он снова? — думал Мартен. — И что тогда?» Он перевёл взгляд на Тобина. Маг сидел напротив, закрыв глаза, и что-то тихо шептал — то ли молитву, то ли заклинание. Но теперь в его движениях чувствовалось не просто отрешённое сосредоточение: он будто прислушивался не к словам, а к самой силе, пульсирующей в Мартене, пытаясь уловить малейшие колебания этой опасной энергии. Его амулет слабо пульсировал в такт дыханию, отбрасывая призрачные блики на стены повозки, словно танцующие светлячки в ночной тишине.— Тобин, — позвал Мартен, и в этом зове прозвучала не только просьба о разговоре, но и усталость от того, что все вокруг так пристально следят за ним, будто он — бомба с тикающим механизмом. Маг открыл глаза и несколько секунд молча смотрел на него, но теперь в этом взгляде читалось не просто желание прочесть мысли — в нём было искреннее стремление понять, как сила Мартена ведёт себя сейчас, как она меняется.— Боишься? — спросил Тобин не просто из сочувствия, а потому что для него этот страх был ключом к разгадке природы силы Мартена.— Не знаю, — Мартен слотнул. — Я не помню, что было. Не знаю, кто я такой на самом деле. Но я боюсь... Боюсь, что сделаю это снова. С кем-то, кто не заслужил. Тобин помолчал, обдумывая слова, взвешивая их тяжесть и искренность, и в этой паузе чувствовалось, что он не просто подбирает утешительные фразы, а ищет способ удерживать эту силу под контролем. Затем произнёс тихо, почти шёпотом, но с твёрдостью, которая должна была проникнуть глубже любых слов:— Ты не чудовище, Мартен. Чудовища не боятся. Они просто... делают. А твой страх — это якорь. Он держит тебя здесь, с нами.— А если я не смогу остановиться в следующий раз?— Тогда мы тебя остановим, — Тобин посмотрел ему прямо в глаза, и в этом взгляде была не просто клятва, а холодный расчёт мага, который уже продумал несколько способов сделать это. — Все вместе. И я... я буду следить за тем, как ведёт себя твоя сила. Чтобы быть готовым. Эти слова не принесли полного успокоения, но в них была правда, крепкая и надёжная, как древняя клятва. И почему-то от этой правды на душе стало чуть легче, словно луч солнца пробился сквозь тучи — но Мартен всё равно чувствовал себя

уставшим от этого внимания, от того, что теперь он не просто человек, а источник опасности, за которым нужно следить. К исходу дня они добрались до места. Первое, что почувствовал Мартен, — запах. Резкий, горький, он забивался в ноздри, оседал налётом на языке, вызывая тошноту. Гарь. — Чуешь? — бросил Грей, не оборачиваясь, его голос звучал напряжённо, но в нём не было желания обсуждать или сочувствовать — он просто фиксировал факт, оставаясь в своей отстранённой роли. — Чую, — отозвался Мартен, и в этом коротком слове прозвучала вся его усталость — не только от дороги, но и от постоянного напряжения, от ощущения, что все ждут от него чего-то, чего он сам не может контролировать. Запах становился сильнее с каждым поворотом дороги, проникая в лёгкие, словно живое существо. А потом, за очередным холмом, показался дым — не чёрный, жирный, как от большого пожара, а серый, тягучий, словно горели сырые брёвна. Он поднимался из-за городских стен тяжёлыми клубами и стлался по земле, окутывая окрестности зловещей пеленой, будто сама тьма решила поглотить город. — Твою ж... — выдохнул Карин, останавливая повозку. Его лицо искажилось от тревоги.

Южные ворота — те самые, через которые они планировали въехать, — были разрушены. От массивных створок остались лишь обгорелые щепки, торчащие из каменных пазов, словно кости древнего чудовища. Сама стена пробита в двух местах: зияющие проломы, похожие на глубокие раны, завалены обломками. Камни, щебень и балки от сгоревших построек высыпались на улицу, запорошив её серой крошкой, напоминающей пепел забытых времён. Над кварталами внутри города поднимался дым — не сильный, не сплошной, а очаговый, будто горело несколько зданий в разных концах, словно кто-то методично поджигал город, квартал за кварталом. Город не был мёртв. Город был расколот. — Как давно? — прошептала Мира, с тревогой вглядываясь в разрушенные улицы. Её голос дрожал, но в нём слышалось не только отчаяние — в нём была и упрямая надежда, что ещё можно кого-то спасти. Она незаметно покосилась на Мартена: тот сидел, ссутулившись, и Мира постаралась встать так, чтобы частично заслонить его от чужих взглядов — ей казалось, что сейчас ему и без того тяжело, а лишнее внимание только добавит напряжения. — Не больше двух дней, — ответил Карин. Он говорил уверенно, но в глазах мелькнуло что-то ещё — не просто расчёт, а азарт охотника, который наконец вышел на след крупной добычи. Он чуть наклонил голову, принялся, будто впитывая запахи города, и добавил уже тише, почти про себя: — Дым ещё серый. Если бы прошло больше времени, он бы почернел или рассеялся. Грей спрыгнул с повозки, перехватил арбалет поудобнее, проверив на ощупь тетиву — та отозвалась едва слышным упругим звоном. Он огляделся по сторонам, но не с любопытством, а с холодной отстранённостью человека, который привык видеть только угрозы и пути отхода. — Въезжаем? — бросил он, настороженно вглядываясь в пролом в стене, будто там вот-вот должна была появиться стрела. — Въезжаем, — Карин натянул вожжи, и повозка медленно покатила к пролому, объезжая крупные обломки. Он слегка подался вперёд, вглядываясь в каждый тёмный проём, каждую тень, и тихо добавил: — Но будьте наготове. Что-то здесь не так. Слишком тихо. Колёса хрустели щебнем, а воздух становился плотнее, тяжелее — пахло гарью, золой и ещё чем-то сладковатым, тошнотворным, будто сама земля пропиталась смертью. Мартен узнал этот запах. Он чувствовал его недавно — там, на утёсе, после того, как... — Горелая плоть, — тихо произнёс Тобин, перехватив его взгляд. Его голос прозвучал глухо, словно доносился изпод толщи воды, но в нём чувствовался не просто ужас — в нём было и профессиональное внимание мага, который пытался уловить, как эта смерть отзывается в силе Мартена. Тобин чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к самой энергии, пульсирующей в спутнике, и едва заметно коснулся амулета, проверяя его отклик. Мартен кивнул. Слова были не нужны — они оба помнили тот день, тот миг, когда мир раскололся на «до» и «после». Но сейчас Мартен чувствовал себя особенно уставшим — не столько от дороги, сколько от того, что все вокруг то и дело смотрели на него, будто ожидая, что он вот-вот вспыхнет, как факел. Он опустил плечи и постарался стать как можно незаметнее, надеясь, что никто не станет задавать лишних вопросов. Они въехали внутрь. Улицы, кото-

рые должны были быть полны вечерней жизни — торговцами, спешащими домой ремесленниками, детьми, гоняющими голубей, — пустовали. Коегде виднелись следы боя: засохшая кровь на мостовой, выбитые двери, опрокинутые телеги, разбросанное добро, которое уже никто не спешил подбирать. Но людей не было. Никто не спешил по делам, не торговал, не перекрикивался через улицу. Тишина стояла такая, что казалось, будто город затаил дыхание, ожидая удара. — Куда все подевались? — спросил Грей, настороженно оглядываясь по сторонам. Его пальцы непроизвольно сжимались и разжимались на прикладе арбалета, но сам он старался держаться так, будто всё происходящее его почти не касалось — как будто он был не частью группы, а одиноким наблюдателем, который просто фиксирует факты. — Спрятались, — ответила Мира, вглядываясь в тёмные проёмы домов. Она говорила твёрдо, но в её интонации слышалась не просто уверенность — в ней была попытка удержать остальных от отчаяния. И снова она бросила короткий взгляд на Мартена, словно проверяя, не слишком ли сильно на него давит эта тишина и разруха. — Или их нет, — глухо добавил Грей, и эхо его слов, казалось, повисло в воздухе, усиливая гнетущую атмосферу. Никто не ответил. Карин правил к центру — туда, где возвышались башни крепости, мрачные и величественные, словно последний оплот надежды. По пути они миновали несколько кварталов, затронутых пожаром: чёрные остовы домов, обгоревшие балки, пепелища, от которых ещё поднимался лёгкий дымок. Но среди руин встречались и уцелевшие здания. В некоторых за заколоченными ставнями мерцал слабый свет — дрожащий, неуверенный, но всё же свет. — Живы, — облегчённо выдохнула Мира, и в её голосе прозвучала искра надежды. Она чуть улыбнулась, будто хотела поделиться этим светом со всеми, и снова покосилась на Мартена — на этот раз с лёгкой, ободряющей полуулыбкой, словно говоря: «Видишь? Не всё потеряно». На одной из площадей их остановил окрик: — Стоять! Кто такие? Изза баррикады из опрокинутых телег и мебели выглянули четверо. Все в самодельных доспехах — кожа, коегде металлические пластины, коекак прилаженные к ремням. У двоих луки, у остальных копья. Грязные, уставшие, с запавшими глазами, но готовые драться до последнего — в их позах читалась решимость, выкованная отчаянием. Карин поднял руки — показал, что без оружия. При этом он чуть прищурился, оценивая расстояние до каждого из четверых, и заговорил спокойно, но с той особой интонацией, которая заставляет собеседника прислушаться: — Свои! Стражник из Эйдена. Везём оружие для гарнизона. Капитан Торвин нас отправил. Один из четверых, коренастый мужчина с повязкой на голове, шагнул вперёд. Его лицо было испещрено шрамами, а взгляд — острым, как клинок. — Торвин? — Голос его звучал хрипло и недоверчиво. — Откуда нам знать, что ты не варварское отребье? Может, вы просто переодетые лазутчики? — Варвары не говорят на нашем наречии без акцента, — Карин спокойно выдержал его взгляд, не отводя глаз, и на мгновение в его тоне проскользнула едва заметная насмешка, будто он знал, что сейчас именно эта деталь решит всё. — И у них нет пленных бандитов. — Он кивнул на связанного разбойника в углу повозки. Мужчина подошёл ближе, внимательно осмотрел пленника, затем перевёл взгляд на Мартена, на Тобина, на оружие в ящиках. Его глаза задержались на амулете мага, который слабо мерцал в тени повозки. Тобин едва заметно напрягся, будто готовясь к любому повороту, и одновременно старался уловить, не всколыхнётся ли сила Мартена от этой напряжённой сцены. — Ладно. Проезжайте. Но медленно. И руки на виду. Карин кивнул. Повозка тронулась, и он снова подался вперёд, всматриваясь в улицы, будто пытаясь разгадать, что ждёт их за следующим поворотом.

Они двигались по узким улицам, всё глубже проникая в город. Тишина давила на плечи, заставляя вздрагивать от каждого шороха — то ли ветер шевельнул обугленную тряпку, то ли кто-то затаился в тени. Воздух был густым, пропитанным гарью и чем-то металлическим, будто сам город истекал кровью. Каждый шаг отдавался в груди тяжёлым эхом, а пустые окна домов смотрели, как немигающие глаза мертвецов. Мартен заметил, как Грей постоянно оглядывается, его взгляд мечется между крышами и подворотнями, выискивая малейшее движение. Мира держала руку на кинжале, готовая выхватить его в любой момент, но время от времени

бросала короткий, ободряющий взгляд на Мартена — словно хотела сказать: «Ты не один, мы рядом». — Сколько людей осталось? — спросил Карин у мужчины с повязкой. Тот шёл рядом, провожая их к крепости, его шаги были тяжёлыми, словно каждый шаг давался с усилием, а плечи согнулись под тяжестью не только усталости, но и вины. — Не знаю, — мужчина сплюнул, и в этом жесте читалась усталость, граничащая с отчаянием. Он на секунду прикрыл глаза, будто пытаясь стряхнуть наваждение, и продолжил: — После того, как ворота рухнули, многие бросили дома. Кто в крепость ушёл, кто через северные ворота удрал. Гарнизон... Шестеро нас осталось, кто успел вырваться из окружения. Остальные — там, в крепости. Основные силы держат оборону, отбиваются от варваров, пока те не пошли на новый штурм. — Шестеро... — Карин на мгновение замер, осмысливая услышанное, и в его взгляде промелькнуло не просто удивление — в нём была острая, болезненная оценка ситуации. Он быстро прикинул шансы, и уголки его губ едва заметно опустились, но тут же снова твёрдо сжались. — И вы держали город всё это время? — Держали, — горько усмехнулся мужчина, и в этой усмешке было столько горечи, что она повисла в воздухе, как горький дым. — Пока могли. Но силы на исходе. Повозка выехала на главную площадь. Здесь следы боя были страшнее: мостовая в крови, камни выворочены, у фонтана — куча обгорелых тряпок и... Мартен отвернулся. Он понял, что это было, и холод пробежал по спине, сковывая движения. Ему хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть этого, но он заставил себя смотреть — потому что прятаться сейчас было бы предательством. В центре площади, у подножия крепостной стены, стояли люди. Пара десятков — мужчины, женщины, несколько детей. Грязные, в саже, с пустыми глазами, в которых больше не осталось ни страха, ни надежды. Они смотрели на повозку так, будто она была миражом — тем, что может их либо спасти, либо добить. В их молчании слышался немой крик, который давил сильнее любых слов. — Приехали, — тихо сказал Тобин. Его голос прозвучал не как констатация, а как осторожное предупреждение. Он не сводил глаз с Мартена, пытаясь уловить малейшие изменения в его состоянии, будто сила Мартена могла вспыхнуть от одного только вида этой разрухи. Амулет на груди Тобина слабо мерцал, пульсируя в такт его напряжённому дыханию. Карин прыгнул на землю. Навстречу ему вышел высокий седой мужчина в пробитой кольчуге. Изпод налобной повязки сочилась кровь, но его осанка оставалась прямой, словно он был готов стоять до конца, даже если земля уйдёт изпод ног. — Временный староста сопротивления Грокхарта, Ульф, — представился он. Голос звучал глухо, устало, но в нём всё ещё слышалась воля лидера — тусклая, но не угасшая. — Вы... приехали на помощь? — Мы привезли оружие и сведения, — Карин коротко пересказал про бандитов, про то, что варвары готовят блокаду, про следующую группу с востока. Его речь была сжатой, рубленой, без лишних слов — только факты, которые могли спасти жизни. Ульф слушал молча, не перебивая, лишь время от времени кивая, будто вбивая каждое слово в память. Когда Карин закончил, староста спросил: — Сколько вас? — Пятеро. И двое пленных. — Пятеро... — Староста горько усмехнулся, и в этой усмешке было больше боли, чем насмешки. Он провёл ладонью по лицу, стирая сажу и усталость, и тяжело вздохнул. — Маловато. — Но мы привезли железо, — Карин хлопнул по ящику, и звук этот прозвучал неожиданно твёрдо среди всей этой тишины. — Клинки, наконечники, кольчуги. И мы остаёмся. Мартен услышал это и понял: назад дороги нет. Он прыгнул с повозки. Ноги дрожали — не от страха, а от усталости, от груза пережитого и грядущего. Но он стоял прямо, расправив плечи, готовый встретить то, что уготовила судьба. Мира незаметно шагнула чуть ближе, не касаясь его, но своим присутствием создавая невидимую опору. — Значит, так, господа, — произнёс Ульф, и его голос, хриплый от усталости, прозвучал в тишине площади особенно отчётливо. Он склонился над картой, расстеленной на обломке каменного стола, и ткнул корявым пальцем в северозападную часть, у самого подножия крепости, нарисованной на холме. — Вот здесь мы сейчас находимся. Он провёл пальцем вверх, к центру карты: — Крепость стоит на скале — это наш последний оплот. Варвары ворвались в город через южные и восточные проломы в стенах. Там они и сосредоточили основные силы —

жгут, грабят, прочёсывают кварталы. Ульф перевёл палец к западной и северной сторонам:— Северный и западный склоны пока под нашим контролем. Узкие тропы, крутые подъёмы — толпой там не подняться. Каждый шаг придётся брать с боем, а у нас хоть и мало людей, но позиции выгодные. Здесь, у северозападного подножия, — главная площадь, где мы стоим сейчас. Сюда они пока не добрались, но это лишь вопрос времени. Он на мгновение замолчал, провёл ладонью по карте, словно пытаясь стереть с неё следы беды, и продолжил, понизив голос так, что его слышали только свои:— Есть ещё один путь — юговосточный проход. Единственный, который не завалило обломками после первого штурма. Узкий, извилистый, ведёт почти прямо к подножию крепости. Теоретически — наш шанс прорваться внутрь, соединиться с гарнизоном, усилить оборону. Ульф поднял глаза, и в его взгляде читалась смесь отчаяния и упрямой решимости — как у человека, который знает, что выбор плох, но другого нет:— Но... там варвары. Они наверняка уже поняли его значение. Наверняка выставили дозоры, приготовили ловушки. Пойдут на всё, чтобы не дать обороняющимся пробиться. Карин нахмурился, склонился над картой и провёл пальцем вдоль обозначенного маршрута, будто прощупывая путь на ощупь.— То есть мы должны пробиться через узкий проход, который они наверняка держат под прицелом? — в его голосе не было сомнения — только холодная оценка риска. — Именно, — кивнул Ульф. — Это риск. Большой риск. Но если не попробуем — останемся здесь, отрезанными от крепости. А там, внутри, наши братья держат оборону. Они ждут подмоги. Ждут, что мы придём. Мира тихо выдохнула, её пальцы непроизвольно сжались на рукояти кинжала, но затем она распрямила плечи и твёрдо произнесла:— Значит, идём на прорыв. Через юговосточный проход. Грей хмыкнул, проверил тетиву арбалета и бросил, глядя не на собеседников, а куда-то вдаль, туда, где, возможно, уже ждали враги:— Лучше уж погибнуть в бою, чем сидеть тут и ждать, пока они сами к нам придут. В этом хоть есть смысл. Тобин молча кивнул, его амулет слабо мерцал, словно отзываясь на напряжение момента. Он чуть наклонился к Мартену и тихо, чтобы слышал только он, сказал:— Если твоя сила проснётся — не пытайся её прятать. Просто дай мне знак. Я буду рядом и помогу удержать её. Мартен сглотнул, чувствуя, как внутри снова просыпается то странное ощущение — будто зверь под кожей прислушивается к грядущей битве. Он посмотрел на товарищей — на их усталые, но решительные лица, на то, как они невольно подтягиваются ближе друг к другу, образуя незримый круг защиты. И в этот момент он вдруг почувствовал не только страх, но и странное, почти болезненное единство с ними. Он посмотрел на карту, на этот узкий, опасный проход, и твёрдо сказал:— Ведите. Мы идём. Ульф улыбнулся — впервые за долгое время на его измождённом лице появилась тень надежды, слабая, как первый луч рассвета после долгой ночи.— Тогда разбираем оружие из ящиков и вперёд. Время не ждёт. И в этой команде, в этом простом, лишённом пафоса призыве, прозвучало главное: они больше не были одинокими путниками. Теперь они были частью чего-то большего — частью обороны, частью надежды, частью последнего рубежа. И каждый из них понимал: если они не прорвутся, город падёт. А значит, они должны прорваться. Любой ценой.

Глава 5

Отряд выступил через четверть часа, как и обещал Ульф. Время сжалось до предела: короткие приказы, скрип кожи, глухие удары клинков о деревянные щиты — и вот уже они двинулись по узкой улочке, огибая обгоревшие остовы домов. Мартен шёл в середине колонны, сразу за Карином. Грей замыкал, то и дело оглядываясь, его арбалет был наготове. Мира бесшумно скользила вдоль стен, исчезая в тенях и появляясь вновь через несколько шагов — она проверяла путь, как опытная охотница, читающая следы на снегу. Тобин держался рядом с Мартемом, его амулет тускло мерцал в предрассветных сумерках. Город казался вымершим. Тишина стояла такая, что шаги по щебню звучали как выстрелы. Ветер доносил запах гари и чего-то ещё — приторного, тягучего, отчего в горле вставал ком. — Через два квартала — юговосточный проход, — негромко сказал Ульф, идя впереди с поднятым копьём. — Дальше — только открытое пространство до подножия крепости. Держитесь группой, не разбегайтесь. Они миновали ещё одну площадь. Здесь было тихо — слишком тихо. Даже ветер стих, словно город затаил дыхание. — Чтото здесь не так, — вполголоса произнёс Карин. Отряд замер, как по команде. Те самые доли секунды, когда воздух становится плотным, а каждый волосок на руках встаёт дыбом. Мартен увидел это первым — хотя должен был бы Тобин. Кровь на брусчатке была свежей, она ещё не успела впитаться в камень, а голуби... их шеи были свёрнуты с неестественной аккуратностью. Будто их убивали не для еды и не в ярости, а просто чтобы не шумели. — Тихо, — шепнул Тобин, но его голос сорвался, потому что он сам понял: они уже не одни. Грей почувствовал это раньше всех. Дыхание. Тяжёлое, хриплое, прямо за его спиной. Не в двух шагах — в одном. Лучник не стал оборачиваться. Он сделал то, чему учили выживших в Грокхарте: резко пригнулся и перекатился влево, одновременно вскидывая арбалет. Там, где он стоял, воздух вспорола серая, почти прозрачная тень. Клинок — широкий, варварский, с зазубринами, — пронёсся в миллиметре от его шеи и с лязгом вонзился в мостовую. — ЗАСАДА! — заорал Грей, выпуская болт в пустоту. Болт ударил в невидимое тело с глухим, мокрым звуком. Тень на миг проявилась — высокий, жилистый варвар в рваном плаще, с глазами, закатившимися от боли. Он выдохнул и рухнул на колени, но изза колонн фонтана, изза разрушенных арок, из воздуха начали проступать новые фигуры. Их было не трое. Их было не меньше дюжины. Они не кричали. Они просто шли. Бесшумно, как могильные тени. — К ОРУЖИЮ! — рявкнул Карин, выхватывая меч. Его голос расколол тишину площади, и в тот же миг варвары бросились вперёд. Первый варвар, вырвавшийся из тени, оказался перед Карином быстрее, чем тот успел занять стойку. Удар пришёлся сверху — тяжёлый, рубящий, предназначенный, чтобы расколоть череп, а не просто ранить. Карин принял его на щит, и дерево треснуло, но выдержало. Он скользнул в сторону, полоснул по открытому боку врага — и тот осел, зажимая рану. Мира вынырнула изза обгоревшей повозки, и в руках у неё уже сверкали два клинка. Она не вступила в лобовую схватку — она скользила, как вода, между ударами, оставляя на предплечьях и бёдрах варваров тонкие, кровоточащие полосы. Её задача была не убить, а замедлить, ослепить, вывести из равновесия, пока тяжёлые клинки товарищей завершат дело. В каждом её движении читалась старая школа городских охотников: не сила, а расчёт, не ярость, а холодная точность. Она знала, как заставить врага ошибиться на долю секунды — а этого хватало, чтобы клинок Карина нашёл цель. Грей стоял на одном колене у обломка стены. Он стрелял не целясь — он стрелял по памяти, по ритму шагов, по теням. Каждый болт находил цель: горло, глаз, коленную чашечку. Два варвара рухнули, не успев добежать до линии обороны. В его глазах плясало то самое упрямство, которое спасало его в Грокхарте, когда казалось, что выхода уже нет: он не верил в чудо, он верил в собственный прицел и в то, что успеет ещё один раз. Тобин, наконец, завершил заклинание. Воздух перед группой вспыхнул призрачным барьером — полупрозрачным, зыбким, как утренняя дымка, но первые двое

варваров врезались в него с такой силой, что отскочили назад, хрипя и хватаясь за обожжённые лица. — Это ненадолго! — крикнул Тобин. — Максимум полминуты! — Хватит! — отозвался Карин, пригибаясь, уходя от рубящего удара и входя в ближний бой с ещё одним врагом. Но варвары не переставали прибывать. Они не лезли толпой — они действовали чётко, как стая, окружая, отрезая отступающим пути. Один из них, особенно массивный, с рогами на шлеме, обошёл колонну с тыла и оказался прямо напротив Мартена. — Ты, — голос варвара звучал хрипло, почти ласково. — Ты мне не ровня. Мартен сжал кулаки. Он не владел мечом — он знал это. Но в этот раз он не отступил. Он сделал шаг вперёд. В груди разрастался ледяной ком страха, но он не позволил ему сковать движения. Вместо этого он потянулся к той странной силе, что дремала внутри, — к тому холодному огню, который иногда вспыхивал в моменты крайней опасности. Варвар рассмеялся и занёс секиру. Время словно споткнулось. Мартен увидел, как лезвие движется к его шее, как оно рассекает воздух, как капли пота летят с запястья врага. Он не успел отпрыгнуть. Но он успел поднять руку — и в тот самый миг, когда сталь должна была коснуться его кожи, он активировал технику укрепления тела, которую когда-то подглядел у бродячего монаха и годами оттачивал втайне, считая её бесполезной. Мышцы и кожа на мгновение стали твёрже, будто покрылись тонкой коркой льда, а кости — словно налились свинцом. Секира ударила, и сталь застонала, столкнувшись с чем-то, что не должно было выдержать такой удар. Правая рука Мартена остановила секиру, а левой он нанёс удар. Удар пришёлся в солнечное сплетение, как в камень. Секира отскочила, оставив на руке большой порез. Варвар замер на долю секунды — и этого времени хватило. Мартен ударил его в грудь. Не кулаком — всей ладонью, наотмашь, вложив в удар что-то, что он не умел называть, но что текло по венам холодным огнём. Варвар отлетел на три шага и рухнул в обломки. Он дёрнулся, попытался встать, но его глаза помутнели, и он затих. За спиной Мартена громко выдохнул Грей: — Твою ж... Ты что, только что голой рукой остановил секиру? — Не знаю, — прошептал Мартен, глядя на свои окровавленные пальцы. Его била мелкая дрожь — не от боли, а от осознания того, что он только что сделал нечто невозможное. В голове звенело, а в мышцах ещё пульсировала та странная сила, будто тело не хотело отпускать напряжение. В этот момент Ульф с крестьянами сдерживали натиск остальных. Староста Грокхарта, седой и израненный, сжимал в руках тяжёлое копье. Его лицо было залито потом и сажей, но в глазах горела та самая ярость, что рождается только у тех, кому терять больше нечего. — За мной! — рявкнул он не своим голосом, вонзая копье в горло варвара, пытавшегося обойти группу слева. — Мы не умрём здесь! Мы умрём у стен! Или не умрём вообще! Он ударил древком в грудь второго врага, отшвырнул его на камни и шагнул вперёд, заслоняя собой проход. Варвары на мгновение замешкались — они не ожидали, что старик будет драться как зверь. Карин бросил взгляд на Ульфа и коротко кивнул. Это была та самая искра, которую ждал отряд. Когда варвары уже готовились к новой волне, изза обгоревших стен, из подворотен и щелей между домами начали появляться люди. Они были вооружены тем, чем: топорами для рубки дров, тяжёлыми вилами, самодельными копьями из обломков. Восемь, десять, тринадцать — городские, те самые, что прятались по подвалам, вдруг вышли из укрытий. Возглавлял их высокий кузнец с молотом в руках. Он шёл без щита, но с такой тяжёлой решимостью на лице, что варвары, издавшие сотни боёв, на миг попятились. — Держите строй! — крикнул кузнец, и крестьяне встали плечом к плечу, как фаланга. — Мы прикрываем проход! Бейте всех, кто не наш! Они не были воинами. Но они были людьми, которые больше не хотели бежать. Мира, увидев их, на мгновение замерла — и улыбнулась, впервые за весь бой. В этой улыбке было не торжество, а облегчение: она поняла, что теперь у них есть шанс не просто выжить, а отстоять свой город.

— Хорошие ребята, — прошептала она и вновь метнулась в тень, растворившись среди полумрака, будто сама тьма подхватила её и унесла прочь. Мартен рванул к проходу вместе с остальными. Всё шло по плану: Грей прикрывал тыл, Тобин держал барьер, Карин и Ульф прокладывали путь сквозь стену врагов. Крестьяне приняли на себя фланги, сомкнув ряды так

плотно, что даже самые отчаянные варвары не могли прорваться без тяжёлой цены. Крепость была уже близко — всего сотня шагов до узкого входа, где каменные стены сужались, обещая хоть какую-то защиту. Ворота крепости распахнулись, и оттуда выбежали люди в доспехах — гарнизон спешил на подмогу. Но варвары оказались упорнее, чем кто-либо мог надеяться. Они не отступали, не теряли строй — они давили, как приливная волна, готовая смыть всё на своём пути. Изза боковой арки, изза груды щебня, выскочил ещё один — низкий, приземистый, с двумя короткими клинками. Он не побежал на Карина, не кинулся на Миру. Он выжидал, пригибаясь, как хищник перед броском, и ждал именно того, кто замыкал колонну. Он ждал Мартена. Удар пришёлся сбоку, снизу — короткий, резкий, почти незаметный в хаосе боя. Мартен успел увидеть лишь мелькнувшее лезвие и попытался уклониться, но тело ещё не до конца привыкло к скорости, которой требовал этот бой. Рефлексы отставали на долю секунды — а этого хватало врагу. Клинок вошёл в левое предплечье. Неглубоко — мышцы и кожа приняли удар, кость осталась цела, — но из раны хлынула кровь, яркая, горячая, обжигающая холодом страха. Мартен зашипел от боли, прижал руку к груди. Свет в ладони дрогнул, словно испуганный огонёк на ветру, и погас. Варвар уже заносил второй удар — добивающий, безжалостный. Но Ульф оказался быстрее. Он развернулся на пятках, всадил древко копья в грудь нападавшего с такой силой, что варвар отлетел к стене и затих, не успев даже выдохнуть. — Мартен! — крикнул Ульф, перехватывая его за плечо здоровой рукой. — Ты жив? — Жив, — выдохнул Мартен сквозь зубы. — Рука... просто рука. Кровь сочилась сквозь пальцы, но он всё ещё стоял. В глазах темнело, но он отказывался падать. — Держи, — Карин бросил ему кусок чистой ткани, сорванный с повозки. — Замотай. Быстро. Мартен стиснул зубы и намотал повязку на рану — неловко, торопливо, но крепко. Пальцы скользили по влажной ткани, но он не сдавался. Боль была острой, но не парализующей. Он сумел поднять голову и посмотреть вперёд, туда, где в проёме крепостной стены уже виднелись факелы гарнизона — как маяки в шторме. — Я в порядке, — сказал он, чуть хрипло, но твёрдо. — Я иду. Грей, бросив короткий взгляд на его руку, мрачно хмыкнул, но ничего не сказал. Вместо этого он перезарядил арбалет одним отработанным движением и выстрелил в очередного варвара, выскочившего изза колонны. Болт вошёл точно в цель, и враг рухнул, не издав ни звука. — Осталось пятьдесят шагов, — произнёс Тобин, сжимая амулет. Его голос звучал ровно, но в глазах читалась усталость: барьер вытягивал из него силы, как пустыня вытягивает воду. — Барьер падает через десять секунд. — Хватит, — ответил Карин. — Мы будем внутри. Он развернулся и, прикрывая собой раненого Мартена, шагнул в проход, не оглядываясь. Его спина была стеной, которую нельзя было пробить. Крестьяне, услышав команду Ульфа, начали отступление, отбиваясь от нападающих варваров и защищая повозку с тем самым добром, что нашли по пути, — не ради ценности, а ради надежды, что это когда-нибудь пригодится. Двое из них — кузнец и парень с вилами — прикрывали отход. Кузнец махал молотом с такой яростью, что искры летели не только от ударов, но и из его глаз. Парень с вилами, хоть и дрожал от напряжения, не отступал ни на шаг. Камни с грохотом рухнули вниз, на секунду разделив площадь, отрезав варваров от отряда. Это были не минуты — это были мгновения, но они стоили целой битвы. Когда отряд ввалился в крепость, ворота с лязгом закрылись, отрезая крики и лязг оружия. Мартен сполз по стене и сел на каменный пол, чувствуя, как уходит напряжение, а вместе с ним — и остатки сил. Повязка уже пропиталась кровью, но он не паниковал. Он просто смотрел на свою руку и улыбался — странной, усталой улыбкой, в которой было больше облегчения, чем радости. — Ты чего? — спросила Мира, опускаясь рядом с ним на корточки. Её лицо было в саже, волосы выбились из косы, но в глазах светилось то самое тепло, которое появляется только после боя, когда понимаешь, что все ещё живы. — Я не отключился, — ответил Мартен, поднимая на неё взгляд. — Я просто устал. Но я в сознании. Тобин, проверяя его пульс, кивнул: — Он прав. Руку я вылечу, но она сильно ослабнет на некоторое время. Ему нельзя будет опираться на неё, не говоря уже о том, чтобы держать оружие. Карин, стоя у входа в зал, обернулся. Его

доспехи были исцарапаны, меч потемнел от чужой крови, но голос звучал твёрдо:— Все живы? — Почти, — ответил Ульф, пересчитывая крестьян. Его плечи опустились, но он не позволил себе сломаться. — Двое не дошли. Остальные в строю. — Им нужно дать время восстановиться, — сказал Грей, опуская арбалет. Его пальцы всё ещё сжимали ложе, будто он не мог поверить, что бой закончился. — И Мартену тоже. Карин посмотрел на товарищей, на израненных крестьян, на бледного, но держащегося Мартена, и коротко кивнул. В этом кивке было больше, чем согласие, — в нём была ответственность, которую он брал на себя. — Ладно, — произнёс он наконец. — Потом будем решать, что делать дальше. А пока... Он положил руку на плечо Мартену — не сильно, но уверенно. И в этом прикосновении было обещание: они выстоят.

— Держись.

По двору крепости к ним быстро приближался молодой человек. Ему было лет тридцать, но усталость старила его на добрый десяток. Одет он был в дорогой, но уже изрядно поношенный дублет с серебряной вышивкой на воротнике — ткань потемнела от копоти, а узор местами поблёк. На поясе — меч с позолоченной гардой, но рукоять была затёрта до блеска: оружием пользовались часто, не ради парада, а ради выживания. Его лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги, а в волосах, тронутых ранней сединой, запуталась сажа. В каждом его движении сквозила привычка командовать — резкая, отточенная, без лишней мягкости.

— Вылечите раненых и дайте им еды! — приказал он своим людям, жестом указывая на крестьян и отряд. — Проверьте повозку, что привезли. И принесите воды! Живо!

Ульф склонил голову, за ним последовали все остальные. Мартен тоже попытался склонить голову, но Тобин ладонью прижал его к стене:

— Сиди спокойно, не дёргайся. Рука ещё кровит.

Молодой человек подошёл ближе, остановился перед Карином, окинул его цепким взглядом — таким, каким оценивают не собеседника, а потенциальную угрозу или ресурс. В его глазах читалась смесь усталости, гнева и — что удивительно — уважения, едва пробивавшегося сквозь броню жёсткой дисциплины.

— Лорд Эдгар, временный комендант Грок-харта, — представился он. Голос его был хриплым от дыма и бессонницы, но в нём не было ни капли слабости — только приказная твёрдость. — Вы пришли с юга? С оружием?

Карин выпрямился, приложил кулак к груди в знак уважения:

— Карин, стражник из Эйдена. Мы везли оружие для гарнизона по приказу капитана Торвина. Успели только... — он оглянулся на пробитые ворота крепости, за которыми всё ещё доносились крики, — впустую, получается.

Эдгар горько усмехнулся, но в усмешке не было горечи — только сухая, почти механическая ирония человека, который давно перестал надеяться на удачу:

— Не впустую. Каждый клинок здесь — спасённая жизнь. — Он перевёл взгляд на раненых, на усталых крестьян, на Мартена с перевязанной рукой и вдруг спросил, чеканя слова: — Вы видели, как они брали город?

Карин на мгновение замаялся:

— Мы подошли уже после. Но слышали... стражники рассказывали, что стены рухнули, а варвары ворвались через южные ворота, хотя там была крепкая стража. Как это могло случиться?

Эдгар помолчал. Он сделал шаг к стене, прислонился к ней плечом и устало закрыл глаза на мгновение — словно пытался стряхнуть с себя тяжесть последних дней. Но когда он заговорил, голос его стал не мягче, а жёстче, будто каждое слово приходилось выталкивать сквозь сжатые зубы:

— Хотите знать правду? — тихо спросил он, не открывая глаз. — Я вам расскажу. Потому что вы должны понимать, с чем мы имеем дело, если собираетесь здесь оставаться.

Он открыл глаза и посмотрел прямо на Карина. В его взгляде было что-то, от чего Грей невольно перехватил арбалет поудобнее, а Мира замерла, прислушиваясь.

— Это случилось четыре дня назад, — начал Эдгар, и голос его стал глуше, будто он уходил в воспоминания, но не терял контроля над собой. — Сначала всё было как обычно. Часовые на стенах, дым над трубами, торговцы у ворот. Мы знали, что варвары где-то рядом, но они никогда не подходили так близко к Грок-харту. Никогда.

Он сделал паузу, провёл ладонью по лицу, стирая пот и сажу, и тут же снова выпрямился, будто стыдясь даже этой секунды слабости.

— На рассвете они появились у южных ворот. Около трёх сотен. Много, но не страшно — у нас были стены, и мы готовились к осаде. Мы думали, они поставят лагерь, начнут переговоры или будут ждать, пока мы выдохнемся. Мы ошиблись.

В зале повисла тишина. Даже крестьяне, которые перевязывали друг другу раны, замерли, прислушиваясь к голосу лорда.

— Среди них был шаман, — продолжил Эдгар, и его голос дрогнул впервые — но не от страха, а от бессильной ярости. — Мы не видели его сразу. Он стоял позади, в тени. А потом он начал... говорить. Я не слышал слов, но я чувствовал это. Воздух стал холодным, хотя утро было тёплым. И вдруг десять варваров, самых крупных, просто шагнули вперёд. Их глаза стали мутными — белыми, как у мёртвых. Из рта шёл пар. А из ран... из ран, что у них уже были, — кровь просто стекала, но они не останавливались.

Он перевёл дух. Мартен заметил, что пальцы лорда, сжимавшие край плаща, слегка дрожат, но тут же стискиваются крепче, словно Эдгар приказывал себе не показывать слабость.

— Мы открыли стрельбу. Лучники били в упор — стрелы входили им в грудь, в живот, в шею. Они падали на колени, а потом... вставали. Снова. И шли. Копья ломались об их тела, — я видел, как один из моих солдат пронзил варвара насквозь, а тот просто вырвал копье из груди и пошёл дальше, даже не замедлив шага. Мы подожгли смолу перед воротами — они прошли по огню. Обгоревшие, с волосом, тлеющим на плечах, с кожей, которая пузырилась и лопалась. Они не кричали. Они просто шли, ломая ворота своими телами, потому что их было не остановить.

Эдгар замолчал. Тишина в зале стала почти осязаемой.

— Сколько их было? — тихо спросила Мира.

— Десять, — ответил Эдгар. — Всего десять. Но когда они проломили ворота, стража запаниковала. Как вы можете не испугаться, если видите, как мёртвый человек поднимается и идёт на тебя? Они побежали. А следом хлынули остальные варвары — уже обычные, без магии. Им не нужно было быть сильными. Им нужно было просто догнать тех, кто бежал.

Он выпрямился и посмотрел на Карина с той самой жёсткостью, которая появляется у командиров, когда они перестают верить в чудеса и начинают верить только в приказы:

— Мы отступили в крепость, закрыли внутренние ворота. Но мы потеряли город. Мы потеряли почти две трети гарнизона. И мы не знали, что заклинание действует лишь какое-то время. Мы думали, это бесконечно. Мы боялись выходить наружу целых два дня, пока не поняли: те десять, что были одержимы, рухнули за смертью через четверть часа. Но ущерб уже был нанесён.

— Где сейчас шаман? — спросил Карин, и в его голосе появилась та самая стальная нотка, которая умела вселять уверенность.

— В городе, — ответил Эдгар. — В одном из домов у южной площади. Мы видели его на крыше во время штурма. Он не скрывается. Он знает, что мы не можем к нему подобраться.

— Можем, — сказал Грей и щёлкнул затвором арбалета. — Если выведете нас через подземный ход или с восточной стены.

Эдгар горько усмехнулся — на этот раз в усмешке не было даже намёка на тепло:

— Нет подземных ходов. И восточная стена тоже у них. Они ждут, — он посмотрел на Карина, и в его глазах появилась тревога, смешанная с холодной решимостью. — Шаман не использовал заклинание снова. Но он готовит его. Я видел, как он собирает своих людей на площади, как он чертит символы на земле. Он ждёт, пока мы ослабнем. Когда он решит, что мы достаточно голодны и напуганы, он снова их пошлёт. На этот раз — на крепость. И у нас не будет стен, чтобы спрятаться.

Он замолчал и перевёл взгляд на Мартена. Тот сидел на полу, прижимая перевязанную руку к груди. В глазах раненого не было страха. Только осознание.

— Значит, нам нужно убить шамана до того, как он завершит ритуал, — сказал Мартен.

Лорд Эдгар смерил его долгим взглядом — таким, каким смотрят на солдата, который вот-вот сломается, и заранее просчитывают, сколько людей придётся потерять из-за этого:

— Вы только что вошли в город через пролом, с серьёзными ранами, и вы предлагаете идти на шамана?

Мартен слабо улыбнулся:

— Не предлагаю. Я просто говорю, что это нужно сделать. И я пойду.

Тобин хотел возразить, но Карин перебил его:

— Он прав, лорд Эдгар. Если мы дадим шаману время, он соберёт ещё десять или двадцать «бешеных». Мы не выдержим второго штурма. Нам нужно нанести удар сейчас, пока они не ждут.

Эдгар постоял в тишине. Затем медленно кивнул, но в этом кивке не было согласия — скорее, признание того, что других вариантов нет.

— Я дам вам карту города. И людей, кто знает тенистые переулки. Но помните, — он посмотрел каждому в глаза по очереди, чеканя каждое слово, — если вы не вернётесь до заката... я закрою ворота. И не открою их, даже если вы будете кричать. Это не жестокость. Это необходимость.

Карин коротко кивнул:

— Принимаем.

Эдгар взглянул на Мартена. Его взгляд был холодным, оценивающим — таким, каким смотрят на вещь, которая может сломаться в самый неподходящий момент. Теперь в нём не осталось даже намёка на сочувствие:

— И он останется здесь, — сказал Эдгар, кивая на Мартена. — Он будет балластом. Раненая рука, неуверенные движения, потеря памяти... Я видел таких. Они умирают первыми и забирают с собой тех, кто пытается их прикрыть.

Мартен поднял голову. В его глазах мелькнула вспышка — не гнева, а скорее упрямства, которое ещё не успело превратиться в отчаяние:

— Я не просил, чтобы меня прикрывали.

— Ты и не будешь просить, — резко ответил Эдгар, повышая голос ровно настолько, чтобы это прозвучало как приказ, а не как спор. — Ты просто заставишь это делать других. Потому что, когда придёт страх, когда твоя рука онемееет от боли, а шаман начнёт свой ритуал, ты побежишь или замрёшь. А твои товарищи будут выбирать: спасти тебя или выполнять задание.

Эдгар шагнул ближе. Его лицо было бледным, но глаза горели — в них читалась усталая, почти жестокая решимость человека, который уже потерял слишком много людей и больше не мог позволить себе терять ещё:

— Я потерял двадцать семь солдат при штурме. Двадцать семь, — повторил он, и в голосе его проскользнула боль, которую он тут же придавил железной волей. — Четырнадцать из них были хорошими бойцами. Они умерли потому, что прикрывали новичков, которые не должны были быть на стенах. Я не допущу, чтобы это повторилось здесь. Если ты пойдёшь, ты поставишь под угрозу всю операцию.

Карин шагнул вперёд, вставая между Эдгаром и Мартеном, но даже в этом движении чувствовалась не враждебность, а попытка удержать ситуацию под контролем:

— Лорд Эдгар, я понимаю вашу тревогу. Но Мартен уже показал себя в бою. Он держался у пролома, он не дрогнул, когда варвары пошли в атаку. Он ранен, но он не сдался.

Эдгар скрестил руки на груди — жест, в котором не было ни капли расслабленности, только холодная, выверенная твёрдость командира, привыкшего видеть, как рушатся планы и гибнут люди:— Он остановил один удар. Хорошо. Но это не делает его бойцом. То, что я видел во время штурма, требует не смелости, а выучки. Холодной головы, точных движений, умения читать бой на три шага вперёд. Есть ли у него это? — он посмотрел на Мартена, и в этом взгляде не было враждебности — только безжалостная оценка, как у кузнеца, проверяющего клинок на излом. — Скажи честно. Мартен встретил его взгляд. Не отвёл глаз. Но правда была горькой, и он не стал прятать её за бравадой:— Нет, — сказал он тихо, почти беззвучно. — Я не умею читать бой. Я не знаю, куда шагнуть, чтобы не подставить товарища. Но, — он поднял свою здоровую руку, будто этим жестом хотел удержать хоть каплю уважения, — я не прошу, чтобы меня вели. Я прошу дать мне шанс. Я пойду последним. Если я отстану или замечу, что мешаю, — я сам отойду.— Нет. Я сказал «нет» — и всё. — Эдгар произнёс это ровно, без крика, но в тишине зала его слова прозвучали как удар хлыста. — Ты не понимаешь, мальчик. Ты не просто «мешаешь» или «не мешаешь». Когда ты идёшь последним, ты всё равно часть строя. Если ты споткнёшься, те, кто идёт перед тобой, обернутся. Если ты замешкаешься, они будут ждать. Если в тебя попадёт стрела, кто-то из них, — он кивнул на Карина, на Миру, на Тобина, — кинется тебя спасать, потому что они не звери, а люди. И тогда они умрут. Не за город. Не за крепость. За тебя. И я не допущу, чтобы ещё одни хорошие люди умерли изза того, что не смогли оставить товарища. Он на мгновение отпустил плечо Мартена и выпрямился, переводя дыхание, но даже эта короткая пауза не выглядела как слабость — скорее как расчётливая перегруппировка сил перед следующим приказом. В его голосе появилась та самая командная нотка, которая не терпит возражений:— Если тебе силы давать некуда — иди к командиру Зойгу, тому, что стоит у повозки, и спроси, какая есть работа. Он найдёт тебе дело по силам. Перевязать раненых, перенести ящики, наточить клинки — что угодно. У нас в крепости каждый человек на счету. Даже раненый. Но в бой ты не пойдёшь. Это не обсуждается. Мартен сжал зубы, но промолчал. В груди закипало горькое, колючее чувство — не обида, а скорее бессильная злость на самого себя. «Балласт. Он прав. Я действительно балласт». Он опустил взгляд, пряча глаза, и только сильнее сжал свисток в здоровой руке, будто тот мог дать ему хоть какуюто опору. Металл впился в ладонь, и эта маленькая боль почемуто помогала держаться. Эдгар тем временем повернулся к остальным. Его лицо стало жёстким, глаза внимательными, как у человека, который привык отдавать приказы и не сомневаться в их верности:— А что касается вас, — он обвёл взглядом Карина, Миру, Грея и Тобина, — у вас есть время до заката, чтобы подготовиться и отдохнуть. Я выделяю вам комнату в восточной башне. Там есть вода, чистые повязки и еда. Используйте это время с умом. Как только солнце коснётся горизонта — вы выходите. Эдгар подошёл к карте, висевшей на стене, и ткнул пальцем в узкий проход, отмеченный углём, — движение было резким, почти сердитым, будто сама карта раздражала его своей неспособностью вместить весь хаос города:— Я подготовлю для вас проводника. Он знает каждую щель в городе. Он проведёт вас к дому, где укрывается шаман. Но запомните, — он поднял голову и посмотрел на каждого из них по очереди, не пропуская ни одного, — если чтото пойдёт не так, мы не сможем вас прикрыть. Мы будем держать ворота закрытыми. Вы выходите — и вы одни. Никто не придёт на помощь. Вопросы есть? Карин коротко кивнул:— Всё ясно, лорд Эдгар.— Тогда выполняйте, — Эдгар махнул рукой, указывая на лестницу, ведущую в восточную башню. — Отдыхайте, готовьтесь. Через три часа я жду вас внизу, у главных ворот. Не опаздывайте. Он уже развернулся, чтобы уйти, но на мгновение задержался, бросив короткий взгляд на Мартена, который всё ещё стоял у стены,

прижимая перевязанную руку к груди. Эдгар ничего не сказал, но в его глазах мелькнуло что-то — возможно, тень сочувствия, возможно, сомнение, а может, просто усталость от необходимости снова и снова выбирать между милосердием и долгом. Он просто кивнул и вышел из зала, оставив отряд в тишине, которая теперь казалась не пустотой, а тяжёлым грузом принятых решений.

Глава 6

Через три часа мы вышли через тайный проход под городом и оказались под одним из развалившихся домов. Всё то время, пока мы шли, я не мог не думать о Мартене. В голове всплывало слишком много вопросов: кто он, откуда пришёл, что скрывает и почему его способности настолько не совпадают с тем, что он сам о себе рассказывает.

Я оглянулся назад. Там, за стеной, где-то лежал Мартен вместе с другими ранеными.

— Не переживай, он в безопасности, — сказала Мира, заметив мой взгляд.

— Это верно. Но сейчас не время сидеть и думать. Ульф, ты уверен, что шаман варваров засел в здании на площади?

— Есть два скопления варваров, — Ульф достал карту и указал на место у ворот крепости и на площадь. — Здесь и здесь. У ворот — основная группа, человек тридцать, может, больше. Они охраняют проход и не собираются никуда двигаться. А вот на площади — другая картина. Там варваров меньше, дай бог десятков, но среди них кто-то есть. Тот, кто ими командует.

— Шаман? — уточнил Грей, проверяя затвор арбалета.

— Логично, — кивнул Тобин, глядя в карту через плечо Ульфа. — Если Эдгар видел, как он чертит символы на площади, значит, он там и проводит ритуал. Вопрос в другом: сколько у него охраны и какие ещё сюрпризы нас ждут.

Ульф провёл пальцем по узкому переулку, ведущему от нашего укрытия к площади.

— Путь один. Через этот переулок — прямо к дому с обрушенной крышей. Оттуда видна площадь. Если шаман действительно там, у нас будет один шанс на неожиданный удар. Один. Потом нас заметят, и всё закончится плохо.

Мира присела на корточки и склонилась над картой, изучая каждый изгиб улицы.

— А обходные пути есть?

— Нет, — покачал головой Ульф. — Южные кварталы выгорели дотла, а восточные завалены обломками. Этот переулок — единственный проход, который не перекрыт. Остальные либо завалены, либо кишат варварами.

— Значит, идём в лоб? — Грей невесело усмехнулся.

— Не в лоб, — возразила Мира. — Идём тихо. Я первая. Проверю переулок на ловушки и дозорных. Если чисто — даю сигнал. Потом Грей на дистанции, Тобин — барьер наготове. Карин и Ульф — ближний бой, если всё пойдёт не по плану.

— А если по плану? — спросил Тобин.

— Если по плану, — Мира подняла взгляд, — то Грей снимает шамана первым выстрелом, и мы уходим тем же путём. Быстро и тихо.

— А если шаман защищён? — голос Тобина дрогнул. — Эдгар говорил, что он умеет поднимать варваров. Что если его нельзя убить просто стрелой?

Повисла тишина. Каждый из нас понимал, что ответа на этот вопрос нет. Эдгар рассказывал, что шаман делает с варварами, — превращает их в нечто, что не чувствует боли и не останавливается. Но как защититься от его магии — этого не знал никто. Разве что...

Я невольно подумал о Мартене. О той голубой вспышке, о том, как воздух дрожал вокруг него. О том, как он голой рукой остановил секиру. О странной силе, которую он сам не мог объяснить и не умел контролировать. Может быть, именно он — тот, кто мог бы противостоять шаману. Но Эдгар был прав: с раненой рукой, в которой Мартен сейчас сидит, он не боец. А отправить его против шамана — значит, возможно, потерять и его, и тех, кто попытается его прикрыть.

— Работаем с тем, что есть, — наконец сказал Карин, и его голос прозвучал ровно и жёстко, как сталь клинка. — Мира ведёт. Грей страхует. Тобин — щит и развеивание, если

понадобится. Ульф — со мной. Если шаман начнёт ритуал, не ждите сигнала. Бейте сразу. Все вместе. Вопросы?

Вопросов не было. Все и так понимали: это не задание, от которого можно отказаться. Если шаман завершит ритуал, крепость падёт. А вместе с ней — и Мартен, и раненые, и те крестьяне, что сегодня вышли из подвалов с вилами и топорами.

Ульф свернул карту и спрятал её за пазуху.

— Тогда выдвигаемся. Переулок узкий, идём гуськом. Не разговариваем, не шумим. Если кто отстанет — не ждём. Встречаемся у дома с обрушенной крышей.

Мира бесшумно скользнула вперёд и растворилась в тени переулка, словно для этого не требовалось ни усилий, ни подготовки. Через несколько секунд оттуда донёсся тихой двойной стук — два коротких удара по камню. Чисто.

Грей двинулся следом, прижимая арбалет к боку. Тобин — за ним, тихо шепча что-то, отчего амулет на его шее мерцал тусклым зеленоватым светом. Ульф и Карин замыкали.

Я шёл последним. За спиной остался тайный проход, за стеной — Мартен, а впереди — тёмный, узкий переулок, который мог стать для нас последним.

Город вокруг был мёртв. Двери домов распахнуты, ставни сорваны с петель, на мостовой — брошенные вещи: корзина с гнилыми овощами, детский башмак, опрокинутая свеча, воск которой давно застыл. Ветер доносил запах гари — слабый, но постоянный, будто город тлел изнутри, не в силах ни разгореться, ни погаснуть.

Мы двигались быстро, но осторожно. Мира то исчезала впереди, то появлялась снова, каждый раз подавая знаки: «чисто», «вперёд», «тише». Переулок петлял между обгоревшими стенами, сужался до такой степени, что плечи задевали камень, потом снова расширялся, выводя к узкому дворику, заваленному щебнем.

И вдруг Мира замерла.

Она подняла руку — кулак сжат, всем стоп. Мы застыли на месте, не дыша. Я прислушался: сначала ничего, только ветер и скрип расшатанных ставен. А потом — голоса. Хриплые, гортанные, с тем странным надрывом, который бывает только у людей, привыкших кричать на поле боя. Варвары. Близко. Очень близко.

Мира медленно обернулась и показала три пальца. Три. Потом провела ладонью у горла — «охрана». И указала вперёд, в сторону, где переулок выходил к площади.

Мы прижались к стенам. Грей тихо взвёл тетиву. Тобин коснулся амулета, и воздух вокруг нас едва заметно уплотнился — привычное ощущение, будто кто-то прикрыл глаза ладонью от яркого света. Барьер готов.

Я выглянул из-за угла.

Площадь была небольшой, окружённая развалинами трёх- или четырёхэтажных домов. В центре — то, что раньше было фонтаном, а теперь просто груда камней, из-под которых сочилась ржавая вода. На мостовой, спиной к нам, стояли трое варваров — тяжёлые, в шкурах и грубых пластинах, с секирами на поясах. Они не патрулировали — они стояли на месте, словно караулили что-то.

А за фонтаном, в тени обрушенного здания, виднелась фигура. Высокая, худая, в длинном тёмном одеянии, накинутом поверх шкур. На шее — ожерелье из костей, мелких и крупных, нанизанных на кожаный шнур. Лица было не разглядеть, но даже на расстоянии чувствовалось: это не воин. Это кто-то другой. Шаман. Рядом с ним стоял десяток варваров с шрамами на лицах — не боевыми, а ритуальными, нанесёнными в определённом порядке, и от этих шрамов по коже бежал холодок, источник которого не имёл отношения к ветру.

— Грей, ты сможешь убить шамана с такого расстояния? — шёпотом спросил Карин.

— Давай попробую. Тобин, можешь наложить на меня тень?

— Я тебя понял.

Тобин закрыл глаза и сложил пальцы в замысловатый жест. Амулет на его шее мерцал тусклым зеленоватым светом, и воздух вокруг Грея чуть сгустился, потемнел — будто кто-то набросил на лучника полупрозрачную вуаль. Тени от стен потянулись к нему, обхватили, втянули — и Грей исчез. Не полностью, но для невооружённого взгляда стал лишь ещё одним тёмным пятном среди руин.

— Стойте, — Мира положила руку на плечо Карина. — Подождём, пока тень схватится. Ему нужен чистый выстрел.

Мы ждали. Секунды тянулись, как расплавленный воск. Шаман не двигался — стоял на коленях перед чем-то, начерченным на камнях. Символы, кривые, неровные, но подчинённые какой-то странной, пугающей логике. Варвары-охранники замерли вокруг него, как статуи, и белёсые плёнки на их глазах подрагивали в такт его дыханию.

Грей вышел из-за угла. Тень держалась — его силуэт дрожал и расплывался, словно отражение в мутной воде. Он поднял лук, вложил стрелу, натянул тетиву. И заговорил — негромко, но каждое слово звучало как удар колокола в тишине.

— О великие духи ветра, я призываю вас к помощи. Пусть стрела моя мчится как ветер и найдёт свою цель.

Стрела вылетела из тетивы и начала ускоряться, набирая огромную скорость и шум — воздух вокруг неё завыл, рассекаемый невидимой силой, и по переулку прокатился отрывистый гул, как от approaching грозового фронта. Каменная крошка взметнулась вслед, а тетива лопнула с резким щелчком, отдав всю силу в единственный снаряд. И за мгновение до попадания...

Шаман резко развернулся и поймал стрелу в полёте.

Пальцы сомкнулись на древке — цепко, точно, без единого промаха. Движение было настолько быстрым, что глаз не успел его зафиксировать: одна секунда — стрела летит, другая — она в чужой руке. Шаман сжал ладонь, и древко хрустнуло, разламываясь пополам. Обломки упали на камень и тихо покатались, звякнув наконечником о мостовую.

Тобин побледнел.

— Это невозможно, — выдохнул он. — Она летела быстрее ветра. Я сам усилил заклинание. Он не должен был её даже увидеть.

— Наивные глупцы, — произнёс шаман, и голос его был как скрежет камня о камень. Низкий, вибрирующий, словно говорил не горлом, а чем-то глубже — внутри груди, в пустотах между рёбрами. — Я знал, что вы придёте по мою душу.

Он повернулся к нам — медленно, с терпением существа, которому некуда спешить. Лицо его я увидел впервые: тёмная, иссушенная кожа, проваленные щёки, глаза, горящие тусклым белым огнём, как два угля в мёртвой голове. Он улыбнулся — тонкими, потрескавшимися губами, и от этой улыбки повеяло холодом, который не имел отношения к погоде.

Варвары с ритуальными шрамами синхронно повернули головы в нашу сторону. Десять пар мутных, белёсых глаз уставились на нас — не моргая, не дыша, словно и не люди вовсе, а куклы, управляемые одной нитью.

— Отходите, — скомандовал Карин, и его голос прозвучал резко, как удар стали о кремень. — Назад, в переулок! Сейчас!

Мы бросились назад. Грей — первым, выронив разряженный лук, на ходу вытаскивая арбалет. Тобин — следом, пальцы уже складывались в жест барьера, а амулет мерцал всё ярче, разгораясь золотом. Мира нырнула в тень стены, и я услышал, как она шепчет проклятие — тихо, зло, с дрожью, которую уже не пыталась скрыть.

Первый варвар ворвался в переулок — и тут же рухнул, сбитый болтом Грея. Выстрел был в упор, с пяти шагов: наконечник вошёл в горло, вышел из затылка, и тело покатилося по камням, дёргаясь в последних конвульсиях. Но варвар даже падая тянул руку вперёд — к Грею, к его ногам, к жизни, которую уже не мог отнять.

— Голову! Бей по голове! — крикнул Тобин, вскидывая руки. — Только голова! Так же, как в крепости!

Золотая стена вспыхнула перед нами — барьер, скудный, дрожащий, но достаточный, чтобы задержать ещё двоих. Они ударили в него — не руками, а телами, всем весом, и барьер треснул, пошёл рябью. Тобин застонал сквозь зубы, из носа потекла кровь, но держал.

— Не продержится долго! — Карин обнажил меч. — Ульф, за мной!

Они бросились к барьеру — и в тот момент, когда два варвара вломились сквозь золотую рябь, приняли их на клинки.

Карин нанёс удар в живот, пнул в тело в других варваров парировал удар топором сверху, срубил голову с плеч другому варвару.

— Мира! — Грей вскинул арбалет и выстрелил. Болт вошёл варвару в висок — и тот наконец рухнул, обмяк, замер.

Четверо убитых. Шестеро осталось.

Но шаман заговорил.

Голос — низкий, вибрирующий, нечеловеческий — прокатился по площади и влился в переулочек, как ледяной поток. Слова были непонятны, но от каждого из них по камням прокатывалась волна холода. Пятна на мостовой — тёмные, подсохшие — начали мерцать багровым светом. Символы. Он чертил их раньше, и теперь они ожили, разбуженные его голосом.

Воздух загустел. Дышать стало тяжело, словно кто-то положил камень на грудь. Тобин схватился за амулет — и тот вспыхнул, но не золотом, а белым, ослепительно ярким, как умирающая звезда.

— Он активирует круг! — крикнул Тобин. — Если он закончит — мы все...

Он не договорил. Пятый варвар ударил его — не секирой, а кулаком, наотмашь, и маг отлетел к стене, врезался затылком в камень и сполз на землю. Амулет погас.

— Тобин! — Мира бросилась к нему.

— Жив, — прохрипел тот, но глаза его не фокусировались, а из рассечённого затылка текла кровь. — Я... я не смогу поставить барьер. Не сейчас.

Пятеро варваров надвигались на нас — медленно, неотвратно, с пустыми белыми глазами. Из их открытых ртов шёл пар. За ними, на площади, шаман продолжал говорить, и багровый свет символов разгорался всё ярче.

— Уходим, — Карин перехватил меч и отступил на шаг. — Все — назад, к проходу. Не можем его удержать.

— А ритуал? — Грей перезаряжал арбалет на ходу, пальцы дрожали. — Если уйдём — он завершит, и крепость падёт.

— Если останемся — умрём здесь, и крепость всё равно падёт, — отрезал Карин. — Уходим. Найдём другой способ.

Но я не двигался. Я смотрел на шамана — на его руки, поднятые над символами, на дым, струящийся с его ладоней и стелющийся по земле тонкими щупальцами. На его лицо — мёртвое, высохшее, с горящими глазами. И думал о Мартене.

О той голубой вспышке. О том, как воздух дрожал вокруг него. О том, как он голой рукой остановил секиру. О силе, которую он сам не мог объяснить и не умел контролировать.

«Если бы он был здесь...»

Нет. Я отогнал эту мысль. Эдгар был прав: Мартен — раненый, не контролирующий свою силу — стал бы не спасением, а ещё одной катастрофой.

— Сюда! — Мира махнула рукой из глубины переулочка. Она уже взвалила Тобина на плечо, и маг, шатаясь, переступал ногами, но шёл. — Проход — за тем домом. Я помню путь.

Мы отступали. Варвары — за нами, но медленно: без приказов шамана их движения стали вялыми, неуверенными, словно механизмы, у которых кончался завод. Один остано-

вился у стены и завалился набок, изо рта хлынула тёмная кровь. Другой уткнулся в угол и застыл, покачиваясь.

— Они слабеют без его контроля, — Ульф заметил это первым. — Когда шаман отвлекается на ритуал, они теряют направление.

— Значит, надо отвлекать его постоянно, — Карин сплюнул кровью — похоже, рассёк губу в первой стычке. — Или убить.

— Или убить, — повторил Грей и вскинул арбалет.

Он выстрелил — не целясь, наугад, через плечо, в сторону площади. Болт улетел в темноту — и шаман, на секунду прервав ритуал, повернул голову в сторону звука. Варвары замерли.

— Работает, — Грей перезарядил. — Мне нужны болты. Все, что есть.

Но в этот момент в стену недалеко от них врезался огненный заряд, откинув и оглушив Грея, а остальных осыпав каменной пылью.

— Ему это не понравилось, — сказал я, сплёвывая пыль и прищуриваясь сквозь дым.

Камень в месте удара дышал жаром — рыжее пятно расплзлось по стене, как живая язва, и от него тянулись чёрные, извилистые трещины. Куски облицовки осыпались на мостовую с глухим стуком. Грей лежал у основания стены, без движения, арбалет отлетел в сторону, тетива перетёрлась и безжизненно свисала, как сломанная конечность.

— Грей! — Мира бросилась к нему, нырнув за обломок колонны.

— Жив, — она приложила пальцы к его шее, и её голос дрогнул от облегчения. — Дышит. Но оглушён. Из уха течёт кровь.

— Отойдите от него, — скомандовал Карин, перехватывая меч. — Тобин, можешь ещё поставить барьер?

Тобин стоял на коленях, опираясь одной рукой о камень, другой зажимая амулет. Его лицо было белым, как пергамент, а из носа тянулась тонкая алая нить.

— Один, — выдавил он. — Последний. И всё.

— Тогда не трать зря. Держи его наготове.

Я выглянул из-за угла. Шаман стоял посреди площади, и между его ладонями, сложенными лодочкой, клубился шар огня — не костерного, живого огня, а мертвённого, бледно-лилового, от которого по коже бежал не жар, а холод. Его глаза горели белым, и в их свете я увидел, что варвары — те, что остались на ногах — медленно отступали к нему, выстраиваясь полукругом. Не атаковали. Ждали.

— Он готовит что-то, — сказал Ульф, и его голос прозвучал ровно, почти буднично, но пальцы на древке копья побелели. — Ещё один шар — и больше.

— Тогда нужно до него добраться, — Карин сплюнул. — Пока он не выпустил.

— Как? — Мира прижала Грея к стене, проверила зрачки. — Он нас сожжёт, стоит только высунуться.

— Тобин, — я повернулся к магу. — Если ты поставишь барьер прямо перед нами — не вокруг, а впереди, стеной, — он удержит огонь?

Тобин поднял на меня глаза — мутные, с расширенными зрачками, в которых отражалось голубоватое мерцание амулета.

— Удержит. Может быть. Секунд пять. Не больше.

— Хватит. Пять секунд — этого достаточно.

— Достаточно для чего? — Карин нахмурился.

— Вы все пойдёте в обход, через правый переулок. Мира помнит путь — она разведала его раньше. А я выйду прямо.

— Ты с ума сошёл, — Мира резко обернулась. — Ты даже не боец. Один кинжал — и тот единственный, что у тебя есть. Что ты будешь делать с шаманом, который стрелы на лету ловит?

— Я не собираюсь его убивать, — ответил я. — Я просто отвлеку. Пять секунд — барьер держит огонь. Потом вы заходите с фланга, пока он смотрит на меня. Грей — если очнётся — с дистанции. Карин и Ульф — в ближний бой.

Карин молчал. Я видел, как он взвешивает: мою жизнь — против шанса, который я предлагал. Его челюсть сжалась, мышцы на скулах вздулись.

— Это безумие, — наконец сказал он.

- у тебя есть идея лучше? - спросил я - у нас нет шансов уйти скоро все варвары будут здесь, отступить мы не можем остаётся убить лидера.

— Я иду с ним. Сказал Ульф.

— Нет, — я покачал головой. — Ты нужен Карину. Справа. Вы двое — ударная сила. Без тебя он не успеет.

Ульф посмотрел на Карина. Тот помедлил — и кивнул.

— Мира, — Карин повернулся к ней. — Грей?

— Приходит в себя, — она хлопнула его по щекам, и Грей застонал, пытаясь сесть. — Грей, слышишь меня? Мне нужен твой арбалет.

— Арбалет... — он заморгал, сфокусировал взгляд. — Тетива... порвалась.

— Запасная, — Мира достала из его колчана моток тетивы. — Тридцать секунд.

— У нас нет тридцати секунд, — сказал я.

— Есть, — Тобин поднялся, пошатываясь. — Я дам вам время. — Он посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то, чего я раньше не видел: не страх, не решимость — а узнавание. Словно он смотрел не на меня, а на того, кем я мог бы стать. — Ты ведь знаешь, что делал Мартен. В тот день, на утёсе.

Я замер.

— Что?

— Голубой свет. Усиление тела. Сила без заклинаний, — Тобин говорил тихо, но каждое слово падало, как камень в колодец. — Я видел её след на тебе. С тех пор, как он коснулся тебя в бреду. Не знаю как, но, возможно, он неосознанно передал тебе часть своей силы. Я могу активировать её. Ты будешь слабее, чем Мартен, но, думаю, даже небольшого усиления силы и скорости пойдёт на пользу. Только... возможно, последствия будут хуже, чем у Мартена.

Я уставился на него.

— Хуже — это как?

Тобин помедлил. Он не смотрел на меня — его взгляд был устремлён куда-то поверх моего плеча, в полумрак переулка, где дрожали отблески далёкого багрового света. Амулет на его шее мерцал неровно, пульсируя в такт его дыханию, и золотистые блики бегали по стенам, словно живые.

— Мартен — носитель этой силы, — наконец произнёс он, и каждое слово звучало выверенно, тяжело, словно он взвешивал его на ладони, прежде чем выпустить. — Она родилась вместе с ним. Или, по крайней мере, живёт в нём так давно, что стала частью его естества. Его тело привыкло к ней — даже когда он не контролирует её, она не рвёт его на части. Истощает, да. Но не разрушает.

Он повернулся ко мне, и в его глазах я увидел то, чего раньше не замечал: не просто тревогу учёного, а страх врача, который знает, что лекарство может оказаться хуже болезни.

— Ты — не носитель. Ты — сосуд, в который чужая сила перелилась случайно. Как вода, затёкшая в трещину каменной стены: она расширяет эту трещину с каждым днём, и рано или поздно стена рухнет. Твоё тело не приспособлено для того, чтобы удерживать эту энергию. Она чужая. И она будет искать выход.

— Выход, — повторил я, и собственный голос показался мне чужим.

— Каждый раз, когда ты будешь её использовать, — Тобин поднял палец, — она будет забирать больше, чем у Мартена. Не только силы — плоть. Мышцы, связки, кости. Он после

боя лежит без сознания несколько часов. Ты, возможно, будешь лежать несколько дней. Или не встанешь вовсе. Зависит от того, сколько силы пропустишь через себя за один раз.

Я молчал. Слова Тобины оседали внутри, как камни на дно колодца, — один за другим, глухо и неотвратно.

— А ещё, — продолжил он, уже тише, — есть риск, что сила не остановится вовремя. У Мартена она хотя бы угасает сама — его тело служит предохранителем. У тебя такого предохранителя нет. Включишь — и не сможешь выключить. Она будет гореть, пока не выжжет тебя дотла. Или пока не разорвёт.

— Приятная перспектива, — хрипло сказал я.

— Я не обещал приятных, — ответил Тобин, и в его голосе не было ни жалости, ни утешения — только сухая, голая правда, от которой не спрятаться. — Но я говорю тебе это не для того, чтобы напугать. А для того, чтобы ты понимал: это не дар. Это инструмент. Им можно воспользоваться один раз, может быть, два — если повезёт. Но не три. Не четыре. Каждый раз — это шаг к краю.

— Сколько у меня времени? — спросил я. — До того, как...

— Не знаю, — честно ответил он. — Может, несколько использований. Может, одно. Зависит от интенсивности. Если включишь на полную — как Мартен на утёсе — то, возможно, больше не включишь ничего. Никогда.

Из переулка донёсся далёкий гул — шаман снова заговорил, и его голос, низкий и вибрирующий, прокатился по камням, как удар подземного грома. Багровый свет вспыхнул ярче.

— Тобин, — я посмотрел ему в глаза, — а если я не буду использовать её на полную? Если совсем чуть-чуть? Хватит, чтобы...

— Чтобы что? — перебил он. — Убить шамана, который ловит стрелы на лету? Сжечь ритуальный круг, который держит всю площадь? Нет. Чуть-чуть не получится. Эта сила не знает слова «чуть-чуть». Она либо спит, либо горит. Проснётся — и потребует всего, что у тебя есть. И ещё чуть-чуть сверху.

— Тогда зачем ты мне это говоришь? — я не злился, но голос дрогнул. — Если всё настолько плохо — к чему предлагать?

Тобин молчал. Амулет на его шее пульсировал — золотой, тёплый, живой, совсем не похожий на тот мёртвый белый огонь, что горел в глазах шамана.

— Потому что у нас нет другого выхода, — наконец сказал он, и в этих словах была усталость, которую он больше не мог и не хотел скрывать. — Я просто хочу, чтобы ты знал цену. Чтобы, когда придёт время, ты не удивился.

Я посмотрел на свои руки. Обычные — мозолистые, ссадины на костяшках, грязь под ногтями. Ничего особенного. Но где-то под кожей, в глубине, между костями и сухожилиями, дремала чужая сила — голубая, мерцающая, не моя. Как змея, свернувшаяся кольцами в тёмной норе. Она спала. Но я уже знал: если разбужу — она не уснёт снова, пока не выпьет меня досуха.

— Ладно, — сказал я. — Я понял.

Тобин кивнул. Он не улыбнулся, не попытался меня ободрить — просто кивнул, и в этом кивке было больше уважения, чем в любых словах утешения.

— Тогда давай подготовимся, — он повернулся к остальным. — Мира, Карин — слушайте сюда. У нас есть один шанс. Возможно, последний.

Карин подошёл первым. Его лицо было каменным, но в глазах горел тот же огонь, что и в первый день, когда он встретил Мартена у ворот города и поверил в него, вопреки всему.

— Говори, — коротко бросил он.

— Я активирую в нём силу Мартена, — Тобин указал на меня. — На короткое время. Он получит усиление — скорость, силу, выносливость. Но это не будет похоже на то, что делает Мартен. Это будет... грубее. Сырее. И опаснее — для него самого.

Карин перевёл взгляд на меня. Я кивнул — коротко, без лишних слов. Он понял.

— Последствия? — спросил он, и его голос прозвучал ровно, как всегда: без дрожи, без страха, только деловитая прямота воина, который привык получать ответы и действовать.

— Неизвестно, — ответил Тобин. — Возможны несколько сценариев. Лучший — он потеряет сознание на несколько часов, как Мартен после боя. Худший...

— Договаривай, — Карин не любил недомолвок.

— Худший — тело не выдержит. Истощение будет настолько глубоким, что органы начнут отказывать. Сердце остановится. Или... — Тобин замолчал на секунду, — сила выйдет из-под контроля и выжжет его изнутри. Голубой огонь, который мы видели у Мартена, — у Мартена он подчиняется его воле, даже неосознанно. У него не будет воли. Только сырая энергия. И она найдёт выход — через плоть.

Тишина. Даже шаманский гул на секунду отступил, словно мир замер, переваривая сказанное.

— Нет, — Мира шагнула вперёд, и её голос дрогнул — впервые за всё время, что я её знал. — Нет. Мы не будем этого делать. Найдём другой способ.

— Какой? — Карин повернулся к ней. — Болты кончились. Барьер Тобина держится пять секунд. Шаман ловит стрелы руками и кидает огненные шары. Какой ещё способ, Мира?

— Можно отступить, — она не сдавалась. — Вернуться в крепость. Собрать людей. Ульф говорил, у него есть ещё воины. Напасть всем разом, утром, когда...

— Утром ритуал будет завершён, — перебил Ульф. Он стоял у стены, скрестив руки на груди, и его лицо было лицом человека, который видел слишком много смертей, чтобы обманывать себя. — Я видел, что делает этот ритуал. Мои люди — не солдаты, они ополченцы. Против шамана они — мясо. Ещё одна ночь — и их не нужно будет убивать. Они сами встанут и пойдут на крепость. С пустыми глазами и паром изо рта. Как те, на площади.

Мира открыла рот — и закрыла. Возразить было нечего.

— Я пойду, — сказал Грей. Он сидел у стены, прижимая тряпку к разбитому виску, и голос его звучал хрипло, гулко, словно доносился из бочки. — Пусть Тобин активирует эту штуку и во мне. Мне плевать на последствия. Я лучник — мне не нужно быть быстрым. Просто дайте мне один чистый выстрел. Один.

— Нет, — Тобин покачал головой. — Сила Мартена — не игрушка. Она не выбирает, кого усиливать, а кого нет. Она либо работает, либо нет. И след от Мартена — только на нём, — он указал на меня. — Я не могу передать её другому. Только активировать то, что уже есть.

— Значит, я, — сказал я. И голос мой прозвучал спокойнее, чем я сам ожидал. — Это моя ноша. Не ваша.

Мира посмотрела на меня. В её глазах стояли слёзы, которые она не позволила себе пролить, и от этого они горели ярче, чем амулет Тобина.

— Ты не обязан, — прошептала она.

— Обязан, — ответил я. — Мартен отдал мне часть себя, не зная об этом. Он спит там, за стеной, с развороченной рукой, и не может помочь. Но то, что он оставил во мне, — может. И если я не использую это сейчас, то зачем оно мне вообще?

Никто не ответил. Не потому, что нечего было сказать, а потому, что слова были лишними.

Тобин подошёл ко мне вплотную. Его руки поднялись, сложились в жест, который я не узнавал, — не такой, как для барьера, не такой, как для диагностики. Этот жест был резким, острым, словно лезвие ножа, вспарывающее ткань. Амулет на его шее вспыхнул золотом — ярко, ослепительно, как маленькое солнце в тёмном переулке.

— Закрой глаза, — сказал он. — Когда почувствуешь тепло — не сопротивляйся. Пусть войдёт. Но помни: как только откроешь — выпусти всё. Без остатка. Не держи внутри. Если удержишь хоть каплю — она тебя сожжёт.

Я закрыл глаза.

Сначала — ничего. Только тишина, моё дыхание и далёкий гул шаманского ритуала. Потом — покалывание в пальцах, знакомое по рассказам Мартена, но лично мне незнакомое. Лёгкое, как от мурашек. Потом — жар. Не внешний, а внутренний, поднимающийся откуда-то из живота, из того места, где бьётся не сердце, а что-то другое — глубже, древнее, первобытнее.

Жар поднимался. Шёл по венам, как расплавленный металл, заполняя каждую клетку, каждый уголок тела. Боль — тупая, тягучая, ноющая — сопровождала его, и я стиснул зубы, чтобы не закричать. Тобин говорил: не сопротивляйся. Я не сопротивлялся. Я впускал.

И тогда пришёл свет.

Голубой. Мерцающий. Тот самый — мартеновский. Он побежал по коже, от запястий к локтям, от локтей к плечам, и воздух вокруг задрожал, пошёл рябью, точно так же, как в тот день на утёсе. Камень под ногами треснул — тонко, паутинкой. Запах озона ударил в ноздри, и я открыл глаза.

Мир стал другим. Чётким, резким, словно кто-то повернул кольцо фокусировки на линзе. Я видел каждый камень на мостовой, каждую трещину в стене, каждую пылинку в воздухе. Слышал — всё: шёпот Миры, стук сердца Грея, гул ритуала, шорох обломков под подошвами варваров на площади. Чувствовал — всё: тепло тел вокруг меня, холод, идущий от шамана, запах крови и гари, и тонкий, едва уловимый аромат озона, который означал одно: сила проснулась.

Я посмотрел на свои руки. Они светились — ярко, ровно, голубым сапфировым сиянием, которое пульсировало в такт моему сердцу.

— Готов? — голос Тобины прозвучал далёким, приглушённым, словно я слушал его сквозь толщу воды.

— Готов, — ответил я, и мой голос гудел — низко, вибрируя, точно как у Мартена в тот день.

— Помни, — Тобин отступил на шаг, и на его лице я увидел выражение, которое не забуду до конца своих дней: он смотрел на меня так, как смотрят на человека, которого провожают в последний путь. — Всё. Без остатка. Не держи.

Я кивнул и вышел из переуллка.

Шаман увидел меня мгновенно. Его голова повернулась, белые глаза сфокусировались, и тонкие губы изогнулись в усмешке, которая тут же погасла — потому что он узнал этот свет. Узнал, и отшатнулся, и его ритуал дрогнул, багровые символы мигнули.

— Жалкие создания, вы всё же решили принять последний бой, — произнёс он, и голос его был как скрежет камня о камень. — Я великодушно оторву ваши головы лично... или лучше — это сделают мои слуги.

Он поднял руки, и его голос изменился — стал ниже, глуше, словно говорил не горлом, а чем-то, что пряталось глубже, в пустотах между рёбрами. Слова были непонятны, но от каждого из них по площади прокатывалась волна холодного воздуха, и камень под ногами дрожал.

— Души мёртвых, встаньте, защитите своего владыку и убейте врагов моих!

Повисла тишина — короткая, звенящая, как натянутая струна. А потом земля на площади начала вздыматься.

Сначала — в одном месте, рядом с фонтаном. Каменная мостовая треснула, плита поднялась, и из-под неё потянулся запах, от которого я едва не вырвал: сладковатый, тошнотворный, густой, как сироп. Потом — в другом, и в третьем. Площадь пошла трещинами, и из каждой, как черви из гнилого яблока, полезли руки.

Не живые. Не мёртвые. Что-то среднее — серо-зелёные, покрытые засохшей плотью и плесенью, с пальцами, с которых слезала кожа лохмотьями. Они цеплялись за края трещин, тянулись вверх, и за ними вылезали тела — одни в обрывках одежды, другие — почти скелеты,

с редкими лоскутами мышц на костях. Глаза у всех были одинаковы: пустые, тёмные провалы, в которых не горело ни огня, ни жизни.

— Вот что мне не давало покоя, — Тобин побледнел так, что его лицо стало таким же серым, как у восставших. — Он не шаман. Он некромант.

— Это что-то меняет? — Карин перехватил меч, и его голос прозвучал ровно, как всегда, — но я видел, как дрогнули его пальцы на рукояти.

— Меняет всё, — Тобин отступил на шаг, его взгляд метался по площади, считая поднимающихся мертвецов. — Шаман управляет живыми — вселяет в них ярость, подчиняет волю. Это можно разрушить: убить шамана — и его слуги падают. Но некромант... он поднимает мёртвых. И они не падают, когда он умирает. Они падают, когда их уничтожишь. Каждого. По одному.

— И сколько их? — Мира выхватила кинжалы, прижавшись спиной к стене.

Тобин не ответил. Он не мог — потому что мертвецы поднимались по всей площади, из трещин, из-под обломков, из-под сухого фонтана. Десять. Двадцать. Тридцать. Может быть, больше — в полумраке невозможно было сосчитать.

— Все, кто умер в этом городе, — тихо сказал Ульф, и его голос был голосом человека, который видел много смертей, но даже для него это было слишком. — Все, кого варвары убили. Все, кого не успели похоронить. Он поднимает их всех.

— Великие духи, — прошептал Грей, и его пальцы, перезаряжающие арбалет, перестали двигаться.

Мертвецы стояли на площади — неподвижные, молчаливые, выстроенные в неровные ряды, как солдаты, ожидающие приказа. Их пустые глазницы были обращены к нам, и от этого взгляда — мёртвого, нечеловеческого, без единой искры — по спине пробежал холод, от которого не спасала ни сталь, ни магия, ни отчаянная решимость.

Некромант опустил руки и улыбнулся. Улыбка была тонкой, почти ласковой — и от того ещё более страшной.

— Вы пришли убить одного, — произнёс он. — А будете биться с целым городом. Всякий, кто пал здесь, — мой. Всякий, кто падёт сегодня, — тоже будет мой. Включая вас.

Я стоял посреди переулка, и голубой свет на моих руках пульсировал — ярко, ровно, в такт сердцу. Сила Мартена, спящая внутри, проснулась, и сейчас всё моё тело было наполнено жаром, который не имел отношения к крови или мышцам. Я видел каждого мертвеца — чётко, как на ладони: рваные одежды, обнажённые кости, тёмные провалы глаз. Я видел и некроманта — его худую фигуру в тёмном одеянии, костяное ожерелье на шее, белые глаза, в которых не было ни страха, ни сомнения.

Только уверенность. Уверенность существа, которое уже победило.

— Тобин, — я не оборачивался, но мой голос прозвучал чётко и жёстко. — Эти мертвецы — как варвары? Ими он тоже управляет напрямую?

— Нет, — Тобин справился с собой, и его голос снова стал ровным — голос учёного, который даже перед смертью продолжает анализировать. — Варваров он подчиняет — вселяет в них свою волю, подавляет их разум. Мертвецы — другое. Он вложил в них команду, когда поднимал: «убей врагов моего владыки». Эта команда живёт в них, как искра в углях. Им не нужен его контроль. Они не остановятся, пока не выполнят приказ или пока их не уничтожат.

— Значит, нужно уничтожить и его, и их, — Ульф сжал копьё. — Чего мы ждём? В бой.

— Стой! — Тобин схватил меня за плечо. — Подожди. Если пойдёшь сейчас — растратишь силу на мертвецов. Они бесконечны. Ты должен пробиться к некроманту, а не вязнуть в толпе.

— Он прав, — Карин шагнул вперёд, прикрывая меня щитом. — Мы расчистим тебе путь. Ты бежишь к нему. Только к нему. Не останавливайся, не оборачивайся. Что бы ни случилось — беги.

Я кивнул. Голубой свет на моих руках пульсировал, и тело горело — жаром, силой, нетерпением, которое не имело отношения к моему разуму. Чужая энергия рвалась наружу, и я чувствовал: ещё немного — и она вырвется сама, без моего разрешения.

— Давай, — Карин бросил взгляд на площадь, где мертвецы стояли неподвижными рядами, ожидая приказа. — Мы готовы.

Некромант поднял руку — и мертвецы двинулись.

Не побежали — двинулись. Медленно, ровно, с той неотвратимой тяжестью, с которой надвигается лавина. Тридцать тел, которые не знали усталости, страха или сомнений. Тридцать пар тёмных провалов, обращённых к нам. Тридцать пар костяных рук, тянувшихся к живым.

— Сейчас! — крикнул Карин и бросился навстречу.

Я почти мгновенно ворвался в гущу толпы мертвецов и нанёс круговой удар, разрубив сразу шестерых. Голубой свет вспыхнул на лезвии — меч не был моим оружием, но сила, текущая по жилам, делала его продолжением руки. Кости разлетались, как сухие ветки, и каждый удар оставлял за собой дорожку из рассыпающегося праха.

Сделал перекат — мимо просвистел ржавый меч, который один из мертвецов обрушил на то место, где я стоял секунду назад. Перекатившись, вскочил, пробил хрупкую руку бронированного скелета, схватившуюся за мой плащ, и метнул оторванный обломок в мёртвого лучника, натягивавшего тетиву на другом конце площади. Обломок вонзился ему в череп — тёмная провалина глазницы треснула, и лучник осыпался, не успев выстрелить.

Выбил щит у следующего — варвара, ещё не до конца разложившегося, в обрывках кольчуги и кожаных ремней. Удар щитом в грудь — мертвец отшатнулся, и я блокировал замах его секиры предплечьем. Голубое сияние вспыхнуло ярче, металл скрипнул по светящейся коже, не оставив и царапины. Ускорился — мир смазался полосами серого и коричневого — и переместился за спину Тобину, пробив щитом череп скелета, зашедшего магу во фланг. Тобин обернулся, бледный, с кровью из носа, и кивнул — коротко, благодарно, без слов.

Сделал перекат — от огненного заряда некроманта. Шар бледно-лилового пламени пролетел в пальце от моей головы и ударил в стену за спиной. Камень вскипел, брызнул осколками, и от жара у меня задымились волосы. Перекат — вскок — и я снова бежал, пробиваясь сквозь ряды мертвецов, как стрела сквозь мокрую бумагу.

— Он отвлёкся! — крикнул Тобин, и его голос прорезал гул боя, как клинок — ткань. — Ритуал прерван! Бейте!

Карин рубил — методично, точно, ни одного лишнего взмаха. Его меч обрушивался на шеи и черепа, и головы мертвецов катились по камням, как кочаны капусты на рыночной мостовой. Ульф бил копьём — короткими, хлесткими тычками в основание черепа, и каждый удар ронял одного. Мира танцевала между мертвецами — два кинжала, два взмаха, и тела осыпались прахом, не успев дотянуться до неё костяными пальцами. Грей, пошатываясь, перезарядил арбалет — болт в упор, в висок, и мертвец рухнул, обмякнув, как пустой мешок.

Но их было слишком много.

Я рубил — одного, второго, третьего. Меч, усиленный голубым сиянием, рассекал кости и сухие мышцы, как раскалённый нож — масло. Но мертвецы лезли и лезли, и каждый поверженный заменялся двумя новыми, поднимавшимися из трещин в мостовой. Некромант стоял за их спинами, и его руки снова двигались — ритуал возобновлялся, багровый свет разгорался в символах на камнях.

— Он снова начинает! — Тобин ударил — белой вспышкой, последней, выдавленной из расколотого амулета. Разряд ударил в ряды мертвецов, раскидал пятерых, но угас, не дойдя до некроманта.

— Не хватает! — Карин рубил, не оборачиваясь. — Не могу пробиться! Их слишком много!

Я рванулся вперёд — сквозь толпу, не разбирая дороги. Мертвец вцепился мне в ногу — я ударил вниз, разрубив его по плечам. Другой схватил за руку — голубая вспышка, и его пальцы рассыпались прахом. Третий замахнулся секирой — я пригнулся, почувствовав, как лезвие проходит над самой макушкой, и ударил снизу, в челюсть. Череп лопнул, как глиняный горшок.

Но хватка на ноге — не отпускала. Мертвец, разрубленный по плечам, всё ещё держал меня — его пальцы, отделённые от тела, впились в сапог, как клещи. Я споткнулся. Ещё один мертвец обхватил меня сзади, прижав руки к телу, и третий — четвёртый — они навалились, как стая волков на оленя, тянули вниз, к земле, к камням, в темноту.

— Нет! — я рванулся. Голубой свет вспыхнул — ярко, ослепительно, и мертвецов отшвырнуло, как листву от порыва ветра. Я поднялся, задыхаясь, и рванулся к некроманту.

Он стоял — в десяти шагах, за стеной мёртвых тел. Его руки были подняты, и между ладонями клубился тёмный, багровый свет. Глаза горели белым, и на его лице — мёртвом, иссушенном — застыла та же тонкая, страшная улыбка.

— Достаточно, — произнёс он, и голос его был как скрежет камня о камень. — Хватит играть.

Он опустил руки — и все мертвецы, все, кто ещё стоял на ногах, разом обернулись ко мне. Двадцать пар тёмных провалов. Двадцать костяных рук, потянувшихся к моей плоти.

— Убейте его, — прошептал некромант, и его шёпот прокатился по площади, как холодный ветер.

Они бросились — все разом, не строй, не толпа, а волна — волна мёртвой плоти и голых костей, накатившая на меня с трёх сторон. Я вскинул меч — но даже с силой Мартена не мог рубить всех одновременно. Первый мертвец вцепился в левую руку, второй — в плечо, третий ударил обломком меча по рёбрам. Боль — тупая, тяжёлая, но сквозь голубое сияние она ощущалась далёкой, приглушённой, словно чужая.

— Тобин! — крикнул я, и голос мой сорвался. — Барьер! Любой! Три секунды!

— Не могу! — его голос был хриплым, сломленным. — Всё. Ничего не осталось. Амулет мёртв.

Три секунды. Мне нужны были три секунды, чтобы собрать силу для одного удара — одного, последнего, направленного не на мертвецов, а на некроманта. Но мертвецы не давали и мгновения. Они лезли, кусали, рвали, и их хватка становилась всё крепче, и голубой свет на моих руках тускнел — не от усталости, а от того, что сила уходила на борьбу с ними, а не на цель.

И тогда я перестал бороться.

Не с мертвецами — с собой. Тобин говорил: «Не держи. Выпусти всё. Без остатка.» Я держал. Боялся выпустить — потому что знал, что будет после. Знаю: второе использование — последнее. Что тело не выдержит. Что я не встану. Может быть, никогда.

Но мертвецы лезли, а некромант улыбался, и за стеной, в крепости, лежал Мартен, который отдал мне часть себя, не зная об этом, и доверил мне решить — стоит ли это того.

Я закрыл глаза. Перестал сдерживать.

Голубая сила хлынула — не из рук, не из груди, а отовсюду, из каждой клетки, каждой кости, каждой капли крови. Она рвалась наружу, как вода сквозь трещины в плотине, и я не держал её, не направлял, не контролировал — просто позволил течь.

Мир взорвался.

Голубая вспышка — яркая, ослепительная, как солнце в полдень — ударила во все стороны. Не лучом, не волной — сферой, расширяющейся от моего тела, как круги на воде. Каждый мертвец, которого она касалась, рассыпался — не падал, не рушился, а распадался на части, кости и прах, и поднимался столб серой пыли, который ветер тут же унёс.

Десять. Двадцать. Все.

Тридцать тел осыпались в одно мгновение, и площадь опустела — голая, выжженная, с погасшими символами и трещинами в камне, из которых ещё сочился багровый свет. Но сам некромант — стоял. Его отшвырнуло, он врезался в стену обрушенного здания, и тёмное одеяние разорвалось на груди, обнажив серую, иссушенную кожу, но он стоял. Упёрся руками в камень, поднялся — медленно, с видимым трудом — и повернулся ко мне.

Его глаза горели. Не белым — багровым. Ярость — настоящая, живая, какой не должно быть у мертвеца — полыхала в его взгляде, и от неё по коже пробежал холод.

- не может быть он, он же говорил что в городе нет сильных воинов, он обманул меня. - Я почувствовал его ярость. - я сам убью тебя отброс. - в его руке появилась коса мерцающая бледно бирюзовым цветом.

Его глаза горели. Не белым — багровым. Ярость — настоящая, живая, какой не должно быть у мертвеца — полыхала в его взгляде, и от неё по коже пробежал холод.

— Не может быть... Он... — некромант отшатнулся, и его голос, обычно ровный, как скрежет камня о камень, дрогнул, сломался, выдав то, чего я никак не ожидал услышать: растерянность. — Он же говорил, что в городе нет сильных воинов. Он обманул меня.

Я почувствовал его ярость — не ушами, не глазами, а той чужой силой, что ещё тлела внутри. Она резонировала с его гневом, как струна, задетая чужим пальцем, и от этого резонанса по моим костям пробежала дрожь.

— Я сам убью тебя, отброс, — процедил некромант, и его голос упал — стал ниже, глуше, превратившись в рычание зверя, загнанного в угол. — Лично.

В его руке появилась коса.

Не материализовалась, не была извлечена из-под одеяния — появилась, словно проступила из воздуха, из тени, из того места, где тьма стучится сильнее всего. Длинная, изогнутая, с лезвием, мерцающим бледно-бирюзовым цветом — не голубым, как у Мартена, не золотым, как у Тобина, а именно бирюзовым, холодным, глубоким, как зимнее море. От неё тянуло холодом — не обычным, не сквознячным, а тем, от которого стынет кровь в жилах и сердце сбивается с ритма. Камень под ногами некроманта покрылся инеем — мгновенно, как от прикосновения смерти.

— Это... — Тобин побледнел так, что его лицо стало одного цвета с инеем. — Это коса Жатвы. Она... она не из этого мира. Он призвал её из-за грани.

— Что это значит? — Карин не отрывал взгляда от мерцающего лезвия.

— Это значит, — Тобин сглотнул, — что она режет не плоть. Она режет душу. Один удар — и тебя нет. Не убит. Просто... нет. Как будто тебя никогда не было.

Я стоял, и голубой свет на моих руках пульсировал — слабо, утасоюще, как догорающая свеча. Силы уходили — с каждым ударом, с каждым мертвецом, рассыпанным прахом, с каждой секундой, что я держал чужую энергию открытой. Тобин предупреждал: одно использование — может, два. Я уже потратил первое, когда рассеял мертвецов. Второе — последнее. После него я не встану. Может быть, никогда.

Но коса Жатвы меняла всё.

Одного удара достаточно, чтобы стереть человека. Не тело — душу. Уничтожить так, что не останется ни праха, ни памяти, ни следа. И некромант шёл ко мне — медленно, неотвратимо, волоча косу по камням, и там, где лезвие касалось мостовой, камень чернел и осыпался, превращаясь в ничто.

— Отойдите, — сказал я, и голос мой прозвучал чужим — тихим, хриплым, надтреснутым. — Все. Отойдите от меня.

— Ты с ума сошёл, — Мира схватила меня за плечо. — Она сотрёт тебя!

— Если вы будете рядом — она сотрёт вас тоже. Отойдите.

Карин помедлил. Потом махнул рукой.

— Все назад. К переулку. Сейчас.

Мира не двинулась.

— Нет, — её голос дрогнул. — Я не уйду.

— Мира, — я повернулся к ней, и в моих глазах — голубых, мерцающих, чужих — она увидела то, что заставило её отступить. Не решимость. Не отчаяние. Спокойствие. Тихое, полное, окончательное — человека, который всё решил и не боится consequences. — Уйди. Пожалуйста.

Она отступила. Один шаг, другой — и вот уже Карин тянет её за руку, и Мира уходит, и её лицо — белое, напряжённое, с глазами, в которых горит то, что она не позволяет себе назвать.

Некромант остановился в пяти шагах от меня. Коса висела в его руке, и бирюзовое сияние пульсировало, как второе сердце, холодное и мёртвое.

— Ты сжёг мою армию, — произнёс он, и его голос был ровным теперь — ровным, как камень, как могильная плита. — Разрушил мой круг. Прервал мой ритуал. Но ты не знаешь, с чем играешь. Эта сила, что горит в тебе, — она не твоя. Ты — сосуд. Пустой, хрупкий, временный. А я... — он поднял косу, и бирюзовый свет вспыхнул ярче, — я — вечен.

— Тогда почему ты боишься? — спросил я.

Он замер. Улыбка — тонкая, мёртвая — застыла на его губах, и в его белых глазах мелькнуло то, чего я ждал: страх. Не меня — того, что стояло за мной. Того, кто спал за стеной и чья сила, крошечная, невольная, сейчас горела в моих руках.

— Я не боюсь, — прошептал он, но голос дрогнул.

— Боишься, — ответил я. — Ты боишься его. Того, кто дал мне эту силу. Потому что знаешь: что бы ты ни украл — чужие души, чужую жизнь, чужую смерть — он может вернуть всё назад. Одним прикосновением. И ты ничтожен перед ним.

Некромант закричал. Не от боли — от ярости, от уязвлённой гордости, от страха, который он больше не мог скрывать. Он бросился на меня — коса рассекла воздух с тем звуком, который не должен существовать в этом мире: не свист, не гул, а тихий, леденящий шёпот, как будто сама реальность разрезалась пополам.

Я не уклонился. Не отступил. Я поднял руки — обе, горящие голубым, мерцающим, угасающим — и встретил косу.

Бирюзовое лезвие вошло в голубое сияние — и мир замер.

Не остановился — замер, как дыхание между вдохом и выдохом. Две силы столкнулись: бирюзовая, мёртвая, украденная, и голубая, живая, отданная. Лезвие косы вошло в сияние на дюйм — и остановилось. Ещё на дюйм — и снова остановилось. Голубой свет трещал, гнулся, стонал — но держал.

А я чувствовал, как уходит. Всё. До последней капли. Тобин говорил: «Всё. Без остатка. Не держи.» Я не держал. Я отдал — всё, что было, всё, что Мартен невольно вложил в меня, всё, что я успел назвать своим за эти несколько часов. Отдал — и голубой свет вспыхнул в последний раз, ярко, ослепительно, как сапфир, брошенный в огонь.

Коса Жатвы треснула.

Не сломалась — треснула, как стекло, как лёд, как иллюзия, которую наконец увидели насквозь. Бирюзовое сияние мигнуло, раз — другой — и погасло, осыпавшись мерцающей пылью, которая таяла в воздухе, не успев коснуться земли. Лезвие рассыпалось, древко обуглилось, и некромант остался стоять — с пустыми руками, с погасшими глазами, с открытым ртом, в котором застрял крик, так и не вырвавшийся наружу.

— Невозможно, — прошептал он. — Коса не может...

— Может, — ответил я, и голос мой прозвучал тихим, далёким, как эхо в пустом зале. — Потому что она — копия.

Я упал.

Не почувствовал удара о камень — только темноту, мягкую, тёплую, обволакивающую, как одеяло. Голубой свет на моих руках погас. Окончательно, бесповоротно. Как свеча, которую задули раз и навсегда.

Но я ещё слышал. И видел — краем глаза, сквозь меркнувший туман.

Некромант стоял надо мной. Его руки дрожали, пальцы сжимались и разжимались, хватая пустоту. Косы не было. Силы не было. Мертвецы — рассеяны, круг — разрушен, ритуал — прерван. Он был пуст. Опустошён. Вор, у которого вырвали украденное из рук.

И в этот момент из-за угла переулочка — тихо, спокойно, опираясь на стену здоровой рукой — вышел Мартен.

Раненая рука висела на перевязи, бледное лицо было покрыто потом, шаг — неровным, шатким. Но глаза — его глаза — горели. Не белым, не багровым, не золотым. Голубым. Тем самым — сапфировым, мерцающим, живым.

Некромант обернулся. Увидел его — и отшатнулся, вжавшись спиной в стену. Его губы задрожали.

— Кто... кто ты такой?

Мартен остановился. Его взгляд — голубой, мерцающий, нечеловеческий — зафиксировался на некроманте с той спокойной тяжестью, с какой охотник смотрит на загнанного зверя, уже не способного убежать.

— Не твоё дело, смертный, — произнёс Мартен, и голос его прозвучал тихо, ровно, но от каждого слова по площади прокатывалась волна вибрации, от которой дрожал камень. — Моё — то, что у тебя в руке. Откуда ты его взял? Кто твой хозяин?

Некромант побледнел — или, точнее, его и без того мёртвое лицо стало ещё серее, словно из него вытянули последние капли того, что заменяло ему кровь. Его руки тряслись. Коса — мерцающая бледно-бирюзовым — дрогнула в пальцах, и её сияние пульсировало неровно, как сердце, сбившееся с ритма.

— Я... я чувствую твою силу, — прошептал он, и скрежет в его голосе сменился чем-то, чего я никак не ожидал услышать: мольбой. Живой, настоящей, голой мольбой существа, которое впервые за всё своё существование столкнулось с тем, кто сильнее. — Прошу... не убивай меня. Я скажу. Я всё скажу. Его зовут...

В этот момент воздух рядом с ним треснул.

Не лопнул — треснул, как стекло, по которому прошёл удар невидимого молота. Трещина вспорола пустоту — чёрная, узкая, от которой повеяло таким холодом, что даже багровый свет символов на камнях мигнул и погас. Из трещины — из той тьмы, что была за ней, — высунулась рука.

Огромная. Костяная. С пальцами, длинными, как кинжалы, и суставами, покрытыми тёмным, запёкшимся налётом, который не был ни грязью, ни ржавчиной, а чем-то другим — чем-то, от чего взгляд соскальзывал, словно разум отказывался это фиксировать. Рука двигалась медленно, с неотвратимой терпеливостью существа, у которого впереди — вечность.

Она сомкнулась на шее некроманта.

Тихий, влажный хруст — и его голова запрокинулась под невозможным углом, а тело обмякло, как пустой мешок. Рука исчезла обратно в трещину — так же неспешно, так же уверенно, — и разлом сомкнулся, затянулся, исчез, не оставив после себя ничего, кроме тонкой, едва заметной линии на воздухе, которая тут же растворилась.

Тишина.

Некромант лежал на камнях — с вывернутой шеей, с открытым ртом, с белыми глазами, в которых погасло всё. Не от Мартена, не от меня — от кого-то другого. От того, кто находился по ту сторону трещины и не хотел, чтобы его имя прозвучало вслух.

Мартен стоял неподвижно. Голубой свет на его руке угас — не медленно, не постепенно, а разом, словно задутый порывом ветра, которого никто не почувствовал. Его лицо — бледное, покрытое потом — стало белым, как камень, на котором он стоял.

— Нет, — прошептал он. — Нет, нет, нет...

— Что это было? — Карин первым нарушил тишину, и его голос прозвучал хриплым, надтреснутым, как у человека, который кричал слишком долго и слишком громко. — Что это было?!

Мартен не ответил. Он стоял и смотрел на тело некроманта — на его свёрнутую шею, на открытый рот, на погасшие глаза — и в его взгляде я увидел то, чего не видел раньше. Не страх — нет. Узнавание. Он узнал эту руку. Узнал — и не мог, или не хотел, вспомнить откуда.

— Мартен! — Мира бросилась к нему, схватила за плечо. — Мартен, слышишь меня? Что это было?

Он моргнул. Раз, другой. Потом повернулся к нам — и я увидел, что его руки трясутся. Не от слабости, не от ран — от чего-то другого, глубже, что не имело названия.

Глаза Мартена открылись, и он начал панически осматриваться вокруг. Взгляд метался — по выжженным камням, по серым разводам, в которые превратились мертвецы, по телу некроманта со свёрнутой шеей, по погасшим символам на площади. Его зрачки расширились, дыхание участилось, и я увидел, как по его вискам стекают капли пота, хотя вечер был прохладным.

— Где я? Что произошло? — его голос был хриплым, надтреснутым, как у человека, который очнулся от кошмара и не может понять, где кончается сон и начинается явь. — Эти трупы... это всё моих рук дело?

Его лицо побледнело — ещё сильнее, чем было до этого, если такое вообще возможно. Раненая рука, висевшая на перевязи, задрожала, и повязка на ней потемнела — рана открылась снова.

— Не всё, — быстро ответил я, приподнимаясь на локте. Тело не слушалось, но голос — голос ещё работал. — Не всё твоих. Часть — моих. Часть — Карина, Ульфы, Миры, Грея. Мы все здесь дрались. Вместе.

Мартен повернулся ко мне, и в его глазах — голубых, потухающих, затуманенных — я увидел то, чего боялся больше всего: он не помнил. Не помнил, как вышел из крепости. Не помнил, как поднял руку. Не помнил, как голубой свет хлынул с его ладони и растворил некроманта в прах. Не помнил — и от этого его глаза наполнились таким ужасом, какого я не видел даже в момент, когда костяная рука выскользнула из разлома.

— Я... я не помню, — прошептал он, и голос его дрогнул. — Я помню, как лежал в крепости. Помню, как слышал крики. Помню, как что-то... потянуло меня. Как нить, за которую дёрнули. И я шёл. Шёл сюда. А дальше — темнота. Пустота. Ничего.

— Это нормально, — Тобин подошёл и присел рядом с ним. Маг выглядел ужасно — разбитое лицо, запёкшаяся кровь, треснувший амулет, — но голос его был ровным, ровным голосом врача, который привык говорить правду. — Ты использовал силу, которую не контролируешь. Твое сознание отступило — уступило место инстинкту. То, что ты сделал на площади, — это не ты. Вернее, не тот «ты», которого ты знаешь. Это другая часть. Более глубокая. Более древняя.

— Древняя, — повторил Мартен, и слово прозвучало во рту, как камень. — Что это значит?

— Это значит, — Тобин помедлил, подбирая слова, — что внутри тебя есть что-то, что старше твоей памяти. Старше тебя самого. Оно спит — но в моменты крайней опасности просыпается и действует. Без твоего разрешения. Без твоего ведома. Ты — лишь сосуд, в котором оно живёт.

Мартен молчал. Его взгляд медленно обводил площадь — тела мертвецов, погасшие символы, обугленные камни, и в каждом его взгляде читался один и тот же вопрос: «Я сделал это? Я — это сделал?»

— Ты спас нас, — сказала Мира. Она стояла чуть в стороне, скрестив руки на груди, и голос её прозвучал ровно — без жалости, без утешения, только факт. — Некромант собирался сжечь нас всех. Мы не могли его остановить. Ты вышел и остановил.

— Остановил, — Мартен посмотрел на свои руки. Здоровая — чистая, обычная, с мозолями и ссадинами. Раненая — на перевязи, тёмная от проступившей крови. — Как?

— Голубой свет, — ответил я. — Как тогда, на утёсе. Только сильнее. Ты коснулся его — и он рассыпался. Как песок.

— Песок, — эхом повторил Мартен. Его пальцы сжались в кулак, разжались, снова сжались. — Я превратил человека в песок и не помню этого.

Тишина. Тяжёлая, давящая, наполненная тем, что никто не решался произнести вслух.

— Это был не человек, — тихо сказал Карин. Он стоял у стены, скрестив руки на груди, и его лицо было каменным — но я видел, как дрогнули мышцы на его скулах. — Некромант перестал быть человеком давным-давно. Он был... вместилищем. Куклой. Тем, кто украл чужие души и чужую силу. Ты не убил человека, Мартен. Ты освободил то, что он украл.

— Освободил, — Мартен кивнул, но в его голосе не было облегчения. Только горечь. — Красивое слово. А я не помню, как это сделал. Не помню, что чувствовал. Не помню, о чём думал. Просто... проснулся — и вокруг трупы.

— Ты проснулся — и вокруг живые, — возразила Мира. — Вот что важно. Живые. Мы — живые. Благодаря тебе.

Мартен посмотрел на неё. Потом — на Карина. На Ульфа. На Грея, сидевшего у стены с окровавленным виском. На Тобина, с его треснувшим амулетом и запёкшейся кровью на лице. На меня — лежащего на камнях, без сил, с погасшими руками.

— И благодаря ему, — добавил он, кивнув в мою сторону. — Он дошёл первым.

— Дошёл, — подтвердил я. — И едва не не вернулся.

Мартен закрыл глаза. Его грудь поднялась и опустилась — глубокий, медленный вдох, как у человека, который пытается удержать что-то слишком большое, чтобы поместиться внутри.

— Тобин, — произнёс он, не открывая глаз. — Ты сказал, что внутри меня есть что-то древнее. Что-то, что просыпается без моего ведома. Скажи мне прямо: что это?

Тобин молчал. Я видел, как он борется с собой — учёный, который знает больше, чем хочет сказать, и который понимает, что сейчас — не время для полуправды.

— Я не знаю, — наконец ответил он, и эти слова стоили ему дороже, чем любой барьер. — Я знаю, что это не магия — не в том смысле, в каком её понимаю я или другие маги. Это не заклинание, не ритуал, не дар богов. Это... сила. Чистая, сырая, не имеющая формы. Она не подчиняется законам, которые я изучал. Она не описана ни в одном трактате. И она привязана к тебе — к твоему телу, к твоей крови, к чему-то, что живёт глубже памяти.

— Глубже памяти, — повторил Мартен. — Значит, даже если я вспомню, кто я...

— Ты не вспомнишь это, — покачал головой Тобин. — Потому что это не воспоминание. Это часть тебя. Как сердце. Как дыхание. Ты не вспоминаешь, как дышать. Ты просто дышишь.

— Но я не контролирую это, — Мартен открыл глаза, и в них горела та же отчаянная, голая честность, что и в его голосе. — Оно просыпается, когда хочет. Действует, как хочет. Уничтожает, как хочет. А я стою и смотрю — и не помню ничего.

— Пока — не контролируешь, — поправил Тобин. — Пока. Но это может измениться.

— Как?

— Я не знаю, — повторил Тобин, и в его голосе была не беспомощность, а честность учёного, который admits границы своего знания. — Но я знаю одно: каждый раз, когда сила

просыпается, ты привыкаешь к ней чуть больше. Каждый раз — ты возвращаешься. Раненый, измотанный, без памяти — но возвращаешься. А это значит, что она не поглощает тебя. Не полностью. Часть тебя остаётся. И эта часть — растёт.

Мартен молчал. Ветер с гор нёс запах гари и чего-то сладковатого — того самого, что преследовал нас с момента входа в город. Солнце скрылось за горизонтом, и площадь погрузилась в сумерки — серые, густые, в которых тела мертвецов казались просто камнями, просто обломками, просто частью разрушенного мира.

— Мне нужно вспомнить, — наконец произнёс Мартен, и его голос прозвучал тихо, но каждое слово падало, как камень в колодец. — Не то, что я сделал здесь. То, что было до. До леса. До потери памяти. До всего. Мне нужно знать, кто я.

— Ты помнишь, что говорил голос? — спросил я. — Голос из-за стены?

Мартен вздрогнул. Его глаза расширились — на долю секунды, — и я понял: он помнил. Помнил, но не хотел вспоминать.

— «Не вспоминаяй, — прошептал он, и голос его стал чужим, далёким, словно он цитировал кого-то другого. — Пока не вспомнишь — ты в безопасности. Как только вспомнишь — ты станешь угрозой. А угрозы устраняют».

— Кто это сказал? — Карин шагнул вперёд.

— Я не знаю, — Мартен покачал головой. — Голос. Он говорит со мной, когда я сплю. Когда сила просыпается. Когда я на грани. Он... он знает меня. Знает, кто я. Знает, откуда эта сила. И знает, почему я потерял память.

— И ты ему веришь? — Мира прищурилась.

— Я ему не верю, — ответил Мартен. — Но я ему подчиняюсь. Потому что каждый раз, когда я пытаюсь вспомнить — когда подхожу к стене слишком близко — мне становится плохо. Боль. Как будто голову заливают раскалённым металлом. И я отступаю. Каждый раз — отступаю.

— А сегодня? — спросил я. — Сегодня ты не отступил. Ты вышел из крепости, дошёл до площади и использовал силу. По своей воле. Или... — я помедлил, — или нет?

Мартен замолчал. Долго молчал — так долго, что я начал думать, что он не ответит. Потом:

— Я не знаю, — сказал он, и в этих трёх словах была вся его боль, весь его страх, вся его усталость человека, который не знает, кто он, не знает, что внутри него, и не знает, можно ли этому доверять. — Я почувствовал, что вы умираете. Все. Я почувствовал это — не ушами, не глазами, а чем-то другим. Тем, что живёт внутри. И оно... оно потянуло меня. Как нить. Я не сопротивлялся. Может быть, должен был — но не смог. Потому что вы умирали. И я...

— Ты пришёл, — закончила Мира. — Это всё, что имеет значение.

— Нет, — Мартен покачал головой. — Не всё. Я пришёл — и не помню, что сделал. Я убил — и не помню, как. Я держал в руках силу, которая может уничтожить целый город, и не могу её контролировать. Что если в следующий раз она направит меня не туда? Что если я проснусь — и вокруг будут не трупы некроманта, а тела моих друзей?

Тишина. Каждый из нас переваривал его слова — и каждый, я уверен, почувствовал тот же холодок, что и я. Потому что Мартен говорил правду. Голую, страшную, неотвратимую правду.

— Этого не будет, — сказал Карин. Его голос прозвучал ровно, жёстко, без тени сомнения — голос человека, который верит в то, что говорит, даже если не имеет доказательств. — Не будет, потому что ты — не чудовище. Чудовище не пришло бы с развороченной рукой, чтобы спасти людей, которых знает три дня. Чудовище не стояло бы здесь и не спрашивало: «Что если я опасен?» Чудовищу — всё равно.

Мартен посмотрел на него. Долго. И в его глазах — голубых, усталых, измученных — промелькнуло что-то, чего я раньше не видел. Не уверенность — нет. Но что-то более тихое,

более глубокое. Что-то похожее на разрешение — не быть совершенным. Не быть контролирующим. Просто быть.

— Спасибо, — прошептал он.

— Не благодари, — Карин отвернулся, и я увидел, как его плечи чуть расслабились — на долю секунды, прежде чем снова застыли. — Просто не умирай. У меня и так проблем хватает.

Мира фыркнула. Грей хрипло рассмеялся — и тут же поморщился, хватаясь за висок. Ульф молча кивнул. Тобин закрыл глаза и тихо выдохнул — длинно, медленно, как человек, который наконец отпустил то, что держал слишком долго.

Я смотрел на них — на каждого — и думал: вот она, правда. Не в голубом свете, не в косе Жатвы, не в разломах между мирами. Правда — вот она. Пятеро людей, побитых, окровавленных, полуживых, стоящих на разрушенной площади в сумерках — и не уходящих. Не потому что должны. Потому что не могут иначе. Потому что так — правильно.

— Уходим, — наконец сказал Ульф, и его голос прозвучал буднично, почти обыденно — голос человека, который вернулся с охоты и собирается домой. — Скоро стемнеет. А в темноте... — он оглядел площадь, и его взгляд задержался на том месте, где был разлом, — в темноте лучше не оставаться.

— Да, — Мартен поднялся. Шатался, держался за стену здоровой рукой, но поднялся. — Уходим.

Карин подхватил меня — я всё ещё не мог идти сам. Ульф поддержал Грея. Мира шла впереди. Тобин замыкал, шатаясь, но не падая.

Мы уходили через тайный ход. Каменные стены, узкая лестница, лязг люка — и вот уже за нашими спинами остался город, площадь, погасшие символы, тело некроманта, и трещина, которой больше не было, но след от которой — тонкий, едва заметный, как шрам на коже мира — остался навсегда.

Когда мы выбрались на поверхность, внутри крепости, последние лучи солнца угасали за горизонтом. Небо было тёмно-синим, с первыми звёздами — холодными, далёкими, равнодушными.

Эдгар стоял у ворот. Увидев нас — побитых, окровавленных, полуживых — он побледнел, шагнул вперёд — и остановился.

— Что... — начал он.

— Потом, — Карин пронёс мимо него. — Лекаря. Двух. И закрой все ворота. Все. Даже тайный ход.

Эдгар не стал спорить. Он увидел что-то в лицах — в лице Карина, в лице Мартена, в моём — и понял: случилось что-то, что хуже, чем шаман, хуже, чем мертвецы, хуже, чем всё, что они готовились встретить.

Меня опустили на камень у стены. Мартена — рядом. Мы лежали плечом к плечу, два полуживых тела, в которых догорала чужая — или уже не чужая — сила.

Мартен повернул голову и посмотрел на меня.

— Ты видел разлом? — прошептал он.

— Видел.

— Ты видел руку?

— Видел.

— И ты понял, что это значит.

— Понял. Это значит, что мы не закончили.

— Нет, — он покачал головой. — Это значит, что мы только начали.

Молчание. Долгое, тяжёлое.

— Ты вспомнил что-нибудь? — наконец спросил я. — Когда увидел руку?

— Куски, — ответил он, не открывая глаз. — Обрывки. Голос... голос, который говорит со мной из-за стены. Он знает меня. Знает, кто я. Знает, откуда эта сила. И знает, почему я потерял память.

— И что он говорит?

Мартен открыл глаза. Посмотрел в небо, где звёзды проступали одна за другой, как буквы в книге, которую кто-то пишет прямо сейчас.

— Он говорит: «Не вспоминай. Пока не вспомнишь — ты в безопасности. Как только вспомнишь — ты станешь угрозой. А угрозы устраняют».

Я молчал. Слова оседали внутри — тяжёлые, холодные, как камни на дне колодца.

— Но я вспомню, — прошептал Мартен, и в его голосе не было ни страха, ни сомнения — только та тихая, древняя уверенность, которую я слышал от него раньше, на площади. — Рано или поздно. Стена рухнет. Она всегда рушится.

— И тогда?

— И тогда я узнаю, кто я. И почему он меня боится.

Мира подошла и накинула на нас плащ — один на двоих. Её руки дрожали, но голос был ровным.

— Выживете — тогда и вспомните. А сейчас — спите. Оба. Я разбужу, если что.

Карин стоял у стены, скрестив руки на груди, и смотрел на ворота — за которыми лежал город, за городом — площадь, за площадью — трещина в ткани мира, за которой ждал тот, кто знал имя Мартена и боялся его вспомнить.

— Я поставлю двойную охрану, — сказал он, не оборачиваясь. — И личную — на вас двоих.

— Не надо, — Мартен слабо улыбнулся. — Если он придёт — ни одна охрана не поможет.

— Тогда зачем стоять? — Карин обернулся, и в его лице — каменном, усталом, покрытом пылью и кровью — мелькнула тень усмешки. — Ложись и спи, Мартен. Утро вечера мудренее. А если нет — значит, мы все идиоты, и это тоже полезно знать.

Мартен засмеялся — тихо, хрипло, и смех перешёл в кашель, но он засмеялся, и от этого смеха — слабого, больного, живого — по моим рёбрам пробежала тёплая волна.

Я закрыл глаза. Темнота была мягкой, тёплой, уютной. Где-то далеко — за стеной, за городом, за горами — солнце опустилось за горизонт, и последний луч скользил по камням, и в нём мерцала пыль — золотая, голубая, белая. Пыль, которая вчера была некромантом, мертвецами, косой Жатвы. Сегодня — просто пыль.

А завтра — завтра будет завтра. А пока — тишина. Тёплая, тёмная, наша.